

У
КУЛИОН-КАРРИ
ЭНГЛЕН-НОДИУС

ВИКТОРИЯ БРЮС

*Захватывающий,
полный
неожиданных
поворотов
сюжет
не оставит
вас
равнодушным*

Романтик Таймс

ЛЮБОВНИК
ИЗ ПРОШЛОГО

Виктория Брюс

Любовник из прошлого

OCR Roland; SpellCheck Elenor
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160000
Любовник из прошлого: Олма-Пресс; Москва; 1997
ISBN 5-87322-733-0

Аннотация

Таинственный аромат, отдаленное воспоминание, боль от незаживающей душевной раны – вот и все, что осталось у Мэгги от пропавшего отца. Она ищет ответ на мучающие ее вопросы и сомнения в путешествии, которое, начавшись в наши дни, ведет ее через годы в объятия мужественного Шиа.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	20
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	54
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	80
ГЛАВА ПЯТАЯ	100
ГЛАВА ШЕСТАЯ	112
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	127
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	151
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	173
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	201
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	219
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	237
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	261
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	284
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	312
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	340
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	365
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	392
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	413

Виктория Брюс

Любовник из прошлого

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Было лето 1993 года. Я шла, с трудом продираясь сквозь густые степные травы, мои пальцы скользили по грубым стеблям неизвестных мне растений, их пряный запах смешивался с запахом пота, пропитавшего мою одежду. Я проехала две тысячи миль, добираясь сюда, в самое сердце знойных степей Арканзаса, в обитель старой чудачки, моей тетки по отцу, которая ждала меня, чтобы поведать свою историю. Я медленно тащилась по жаре, пытаюсь представить, как выглядело это место много лет назад, когда мой отец жил здесь.

Прямо перед собой, в вытоптанном загоне за грубой, наспех сколоченной изгородью, я увидела козу. Бедное животное явно страдало от голода среди этого царства флоры, вставало на задние ноги, просовывало голову между кривых жердей, пытаясь достать хоть один съедобный листочек. Коза так жалобно смотрела на меня, что я прервала свой путь и принялась собирать растения, которые, как мне казалось, годились животному в пищу. Я быстро нарвала огромный пук травы и перебросила его через изгородь. В благодарность коза позволила пощекотать ей ноздри и почесать за ухом.

Я грустно усмехнулась: мне показалось, чтоя не большая хозяйка своей судьбы, чем эта коза. Желание жить, которое бурлило во мне когда-то, исчезло со временем – по мере того, как блекли, тускнели в душе воспоминания об отце. Вслед за своей матерью и бабушкой я исправно следовала семейной традиции – наши женщины избегали конфликтов, самостоятельных решений и поступков, а лишь вяло реагировали на то, что посылал им Господь. Конечно, это спасало от чувства вины, но Боже мой, какая это тяжелая и скучная вещь – жить, ежесекундно уповая лишь на милосердие судьбы!

В надежде вырваться из этого порочного круга я и приняла это дальнейшее путешествие. Хотелось найти свой собственный путь – мой, и ничей больше. Я искала правду о себе, но теперь, среди жалких, обветшалых строений того, что было когда-то фермой моего отца, – вдруг почувствовала, что боюсь ее найти.

– Мэгги... – Дэвид стоял в дверном проеме, локтем опираясь о косяк. – А твоя тетка Джозефина уже рассказывает мне об Адмирале.

Даже на расстоянии я ощутила притягательность его улыбки – мое сердце бешено застучало. «И что он во мне находит?..» – удивилась я. Эта мысль стала уже привычной: она всегда подстерегала меня в такие минуты.

Забыв на мгновение о существовании носового платка, я одним движением руки вытерла пот со лба и откинула назад

влажные, спутавшиеся на жаре волосы.

– Иду! – крикнула я, приветливо помахав рукой.

Дверь хлопнула от сквозняка, едва лишь Дэвид отпустил ее. Целых семь месяцев я убеждала мужа приехать сюда поменять своих клиентов на умеренные бризы Малибу. Хотя на неделю – на то время, пока я буду заполнять пробелы в своей памяти.

Он не хотел ехать, и не стоило винить его за это. Когда мы с Дэвидом спросили дорогу у служащего автозаправочной станции на въезде в Хот-Спрингс, тот с подозрением посмотрел на нас, потом, не торопясь, расправил засаленный бумажный пакет и, послунявив карандашный огрызок, каракулями изобразил, как проехать туда, где некогда жили «люди холма». Не те, из Дак Конер местечка на северо-востоке графства Гарленд, население которого когда-то промышляло самогонварением, а бедняки с северо-западных окраин города, чья земля истоцилась, и они не могли даже гнать виски, чтобы, одурманив себя, хоть на мгновение забыть о своей скотской жизни.

Мой муж удивлялся, зачем мне потребовалось тащиться сюда, да, признаться, я и сама это не до конца понимала. Просто меня терзало одно странное желание – оно появилось давным-давно, однажды летом, в год, когда я была маленькой, и с тех пор не отпускало меня желание видеть своего отца. Когда приближался мой очередной день рождения, это желание усиливалось, становясь нестерпимым; по-

том, подобно цунами, обрушившемуся на гранитный берег, рассыпалось на мириады мелких прохладных брызг. На душе становилось пусто и холодно; я знала, что скоро это желание вернется, постепенно набирая свою сатанинскую силу.

До недавнего времени я надеялась, что мой брак с Дэвидом как-то поможет мне. Но этого не случилось: запретные мечтания снова и снова бередили душу, сменяясь пустотой и болью. Я старалась не замечать эту боль, но чем большие усилия я прилагала, тем безжалостнее был ответ: временами мне казалось, что в мире нет ничего, кроме этой боли. Кто знает, какую часть своей души я убила, пытаясь забыть о прошлом!

Я снова нарвала целую охапку травы и швырнула ее козе. Пока она ела, я опустилась на колени возле ее загона, откровенно рассматривая место, где когда-то красовалась ферма итог жизни моего отца... Опустив голову и закрыв глаза, я пыталась представить, как Джесси Таггарт в своей форменной одежде, слегка пахнущей морем, печатает шаги по идеально выструганному полу веранды; как он тяжело дышит, стараясь как можно аккуратнее завязать шнурки своих начищенных до блеска ботинок. Взяв горсть сухой сыпучей земли, я позволила этому праху свободно течь сквозь пальцы. Отец мог провести здесь свою молодость, мог иметь здесь уютный, согретый человеческим теплом дом; но человек, о котором я сейчас думала, в последние годы своей жизни имел не больше общего с этим местом, чем я сама сейчас.

Воспоминания об отце бесконечным цветным хороводом кружились в моей голове; загадочные глаза Адмирала манили своей тайной. Нет, я не верю, что он нарочно покинул нас с матерью тогда в Калифорнии! В тогдашней суматохе он просто потерял наш след!

Впрочем, неважно, как я оправдывала его отсутствие до сегодняшнего дня; сейчас я понимала, что мне выпал последний шанс выяснить наконец правду: если я не сделаю этого, потом будет слишком поздно. Это и привело меня сюда, заставив рисковать своим благополучием, – возможно, впервые в жизни. Проблемой был Дэвид: я молила Бога, чтобы он понял мое отчаянное желание до конца разобраться в собственном прошлом.

Я погладила козу на прощание и медленно направилась к дому. Ноги и руки вдруг стали ватными. Наступала решающая минута: скоро я буду знать, кто был мой отец и что случилось с ним.

– Сэмюель Петер сейчас в конюшне. Он скоро придет. – Хриплый голос моей тетки с характерным южным выговором раздался из кухни. – Садись сюда. – Я послушно села.

Посудным полотенцем она энергично смахнула со стула крошки прямо на мое платье. Этим же полотенцем она вытерла стакан, поставила его передо мной и что-то плеснула туда из кувшина.

– А ты неплохо выглядишь, – снисходительно проговорила она. – Вот тебе сидр. Пей.

Я посмотрела на заляпанный стакан, и жажда, терзавшая меня, мгновенно испарилась. Скрестив на груди руки, тетя Джозефина стояла передо мной и внимательно меня разглядывала. Я старательно улыбнулась и, приносиваясь, осторожно приблизилась к стакану.

– Яблочный сидр и немного мускатного виноградного сока, – определила я.

– Как ты догадалась? – спросила она, подозрительно глядя на меня.

– «Нос Мэгги стоит миллион долларов», – так говорит мой муж Дэвид. Я – великий нюхач. – Сказав это, я вытерла лоб тыльной стороной ладони. – По запаху я могу различить эфирные масла двух тысяч цветочных растений.

Тетка наклонилась ко мне, соблюдая, впрочем, дистанцию; я покраснела под ее пристальным взглядом, на мгновение почувствовав себя неизвестным науке ядовитым насекомым. Ведь мое лицо – не самое большое мое достоинство: оно сплошь покрыто веснушками и более всего напоминает раскаленный медный пенни. А когда я устаю, моя кожа становится совсем белой и кажется тонкой, как папиросная бумага, и тогда можно разглядеть голубенькие прожилки вокруг моих карих глаз. Солнце посылает мне не загар, а ожог, и я знаю, мне нельзя гулять, не нахлобучив шляпы с широкими полями. Единственное преимущество, дарованное мне здешними жарой, духотой и сыростью, состояло в том, что мои мягкие рыжие волосы не вздымались над головой подоб-

но адскому пламени, – результат, которого, при самых героических усилиях, не удавалось добиться ни моим парикмахерам, ни мне самой.

– Стоит Мэгги учуять новый аромат, онабудет помнить его всю жизнь и различать потом среди тысяч других. – Дэвид, свежий, сияющий и немного ироничный, раскачивался на стуле напротив холодильника. Каждый волосок на голове этого рокового блондина, казалось, знал свое место. – Полиция в восторге: благодаря Мэгги мы, к примеру, закрыли дела по расследованию нескольких странных убийств на дороге, – и это мимоходом, по пути сюда.

Я пыталась остановить его, но Дэвид лишь лукаво взглянул на меня, еще шире улыбнулся и продолжил:

– Представьте: мы одни на бесконечной пыльной дороге – и вдруг видим четырех мертвых броненосцев; ноги, крепкие, как кочерга, торчат вверх! В Южной Калифорнии броненосцы не водятся в большом количестве, я знаю. Но если есть хоть один, нос Мэгги теперь отыщет его в одно мгновение, и глаз не придется открывать! А еще опоссумы...

Я вмешалась, уловив момент, когда тетя Джозефина передавала чайное полотенце Дэвиду:

– У меня собственный магазин... я изобретаю новые ароматы... специально для каждого из своих клиентов... – Пытаюсь загладить неловкость, я отпила немного сидра. Хоть это пойло и называлось безалкогольным, в нем чувствовалась немалая крепость. Я подозреваю, что виноград, из которого

Оно было изготовлено, слишком долго находился на солнце. Дэвид, наконец-то перестал ломать стул, поставив его на все четыре ножки.

– Мэгги, главным образом, потекает прихотям кинозвезд и богатеев, озабоченных тем, какие запахи источают их изнеженные тела. – Он невинно улыбнулся; так он делал всегда, когда издевался над моими занятиями; меня никогда не веселили его шуточки, я страдала от них.

Джозефина плеснула в чашку что-то черное и слизистое и с грохотом поставила ее на стол.

– Ты унаследовала *это* от Флориды.

Удивленная, я смотрела на Дэвида, но он молчал, подняв свою чашку в ироничном приветствии.

– Флорида Таггарт, незамужняя сестра папы. – Джозефина произнесла слово «незамужняя» так, словно оно было запретным. – Она несла это бремя до самой смерти. Ничто не могло укрыться от ее носа. Однажды в страшную засуху, когда мы были вынуждены забить весь скот, Флорида, спасаясь от запаха крови и падали, заперлась у себя в доме. Голову ей пришлось обмотать тряпками, пропитанными гвоздичным маслом. И она никогда не заходила в курятник и не убирала навоз из стойла. Не потому, что была ленивой, а потому, что падала в обморок от вони. Не могла стоять в двадцати шагах от скотного двора, если не против ветра! – Сморщив рот в куриную гузку, Джозефина вновь наполнила свой стакан. – Бедная! Ни один мужик так и не позарился на нее!

Она с сочувствием смотрела на Дэвида, убежденная в том, что он совершил ужасную ошибку, женившись на еще одной подобной особе. Он отвечал ей печалью в глазах и согласно кивал: да, жить с такой женой – наказание Господне! Я раздраженно пнула его под столом, но он лишь усмехнулся и отодвинул ногу подальше.

– Правда, ей не было равных в лечении животных, особенно когда они болели горячкой, – снисходительно добавила Джозефина. – А однажды ее приглашали работать в цирк.

Улыбка Дэвида расширилась до безобразия; у меня кулаки чесались двинуть как следует по этой самодовольной физиономии.

Грубое, потемневшее от пыли и загара лицо моей тетки на мгновение смягчилось, и на ее морщинистой коже появились светлые, незагорелые полосы.

– Да, – сказала она наконец, – состоя в родстве с таким носом, можно чувствовать себя в безопасности!

Итак, острый нюх бедной Флориды Таггарт оказался чем-то большим, чем просто причиной ее непрерывных несчастий, и это помогло мне перейти к главному: к моим отношениям с Джесси и остальным его семейством.

– Я хочу объяснить, почему я приехала... – начала было я, но, как выяснилось, слишком тихо и вежливо в сравнении с тем, что требовалось при беседах с этой неотесанной бабой.

– Я знаю, почему ты приехала, – оборвала Джозефина; ее маленькие черные глазки прямо-таки впились в меня. – Ты

хочешь узнать что-нибудь о Джесси... ну, и о своей матери.

Джозефина отвернулась и стала что-то делать в раковине; ее последние слова повисли в воздухе. Потом она повернулась к окну и долго всматривалась в выгоревшие под солнцем поля, – возможно, вспоминала то, что здесь происходило когда-то. Старое набивное платье висело на ее широких плечах, подобно лохмотьям на чучеле, но сама она производила впечатление крепкой рабочей лошади – старой, но на которой еще можно пахать и пахать.

– Поженившись незадолго до Великой депрессии, мать с отцом обосновались на этой земле; с ней они связывали все свои надежды. – Она гордо расправила плечи. – Они были полны надежд и всем желали добра. Это и было причиной всех их неприятностей... Джесси был одним из тех, на кого люди смотрят снизу вверх, и мы не были исключением. Он был лучше, чем все мы, все, вместе взятые, – сказала она спокойно. – Ему везло в карты как никому. Выиграв деньги, Джесси всегда привозил мне из города что-нибудь вкусненькое и потихонечку совал подарочек в мой карман, пока папаша не видит. И то же для мамы. За это я его и любила, – горячо сказала тетка.

Слезы навернулись мне на глаза, я прилагала все усилия, чтобы не разреветься. Джозефина многое претерпела в своей жизни, но в сердце своем сохранила любовь к моему отцу. Как и я.

– Даже если он и сбежал от нас, во что я, кстати, никогда

не верила, он вовсе не намеревался тем самым кого-то обидеть. Он очень хотел повидать мир. Мне было двенадцать, когда он стал моряком. Я была слишком мала, чтобы что-то понимать. – Ее голос смягчился. – Когда он приезжал нас навестить, он рассказывал интересные истории о своих путешествиях, но никогда о тех, кто был с ним рядом. Джесси не тот человек, чтобы сидеть монахом; я знала, что у него есть женщина, но лишь потому, что чувствовала его, как никто другой.

Я так глубоко дышала, что у меня заболело в груди. Как и Джозефина, я постоянно ощущала глубокую подсознательную связь с моим отцом. Я невольно схватилась за сердце, удивляясь тому, что воздух будто стал более влажным, хотя дождя не было. Нет, это просто пот выступил у меня на лбу. Я взглянула на Дэвида, ища поддержки, но он остался безучастным: подобно Джозефине, смотрел в окно, обдумывая, вероятно, утреннюю котировку акций на бирже и сожалея о том, что у тетки нет телевизора и нельзя узнать последние цифры.

– Он был тем, кто объединял всех нас. До тех пор пока не женился на твоей матери... – Ее голос ломался, как засохший бисквит.

– Мать никогда не говорила, что у него есть родственники, – сказала я не слишком уверенно.

Тетка продолжала хлопотать по хозяйству.

– Как всякий нормальный человек, он родился в семье.

Семья у нас была большая – одиннадцать детей, и он старший! Вот почему он бежал от своего счастья. К своему несчастью, которым была для него твоя мать.

– Понимаю, – сказала я как можно хладнокровнее, хотя от волнения у меня начала кружиться голова. Народ здесь, на Юге суеверен: здесь верят в то, что фазы луны влияют на судьбы людей, что самый старший в семье – самый несчастный... Я почувствовала, как Дэвид толкнул меня коленом, и посмотрела на него. Он ухмылялся, и я знала, о чем он сейчас думает. Его английские предки председательствовали в парламенте, в то время как мои жили в плену суеверий и невежества.

Джозефина гордо выпятила вперед подбородок.

– Покер был игрой моего брата. Он никогда не относился к нему просто как к карточной игре. Он любил повторять, что карточная игра такая же профессия, как и любая другая. Конечно, если вам не изменит удача. Именно это с ним случилось, когда он повстречал твою мать. Она была красавицей с вкрадчивыми манерами. Поначалу у него не было никаких шансов.

Дэвид покачал головой и улыбнулся, сверкнув безупречными ослепительно белыми зубами.

– Современные мужчины и вовсе слабы; их умение одерживать сексуальные победы уничтожено: в моде сексуальная корректность.

Тетя Джозефина кивнула, соглашаясь.

– Спустя несколько лет, когда он ненадолго приехал сюда...

– Он возвращался сюда?! – невольно вскричала я.

– Конечно.

– Но он бывал в плаваниях по несколько месяцев кряду! Даже мама видела его очень редко!

Она усмехнулась:

– В душе Джесси так и остался простым деревенским парнем. Он любил свою жену и не мог сказать ей, каким образом зарабатывает на жизнь.

– Выходит, моя мать была виновата во всем? Уверена, на самом деле вы не думаете так!

Она посмотрела на меня, ее глаза потускнели.

– Клянусь всем, что я имею, если бы мне не удалось избавиться Джесси от чар твоей матери, он погиб бы навеки.

– Но как это возможно – освободить мужчину от чар женщины? – поинтересовался Дэвид, многозначительно улыбаясь. Он наклонился ко мне и прошептал: – На всякий случай.

Я ответила ему свирепой гримасой, и он, подмигнув, отвернулся.

– Здесь нет никакой тайны, – ответила Джозефина. – Кипятите листья розмарина в уксусе и делаете припарки на живот. Используйте листья – но не стебель, ни в коем случае! Помогает от любых дурных влияний.

Она взяла вилку и принялась старательно выковыривать что-то из-под ногтя.

– Но это не помогло Джесси. Я долго искала и нашла способ справиться с этой заразой. Джесси, хотя и без охоты, согласился им воспользоваться. Он пошел в Чиггер-клуб, что напротив аптеки Оачиты, и поставил в одной игре все, что имел.

– И что произошло?! – Я не узнала свой голос: он стал похож на какое-то карканье.

– Он все проиграл. Счастье покинуло его, и после этого Джесси окончательно решил исправиться. Насколько я помню, это было в августе шестьдесят шестого.

Полузабытые картины детства возвращались ко мне. В тот год отец обещал мне, что обязательно приедет домой к моему дню рождения. Я должна была пойти в школу в ту осень и не могла дождаться отца, чтобы поговорить с ним об этом. День рождения приближался, я считала дни и часы, но отец так и не приехал. Больше он не приезжал никогда.

Ужасная мысль пронзила меня.

– Неужели для того, чтобы избавиться от своего порока, отец должен был оставить семью?! – воскликнула я.

– Он не мог вернуться домой, ведь там была твоя мать. Там он снова оказался бы во власти ее чар.

– Получается, он бежал только потому, что испугался проклятия, которое, как он думал, было на нем? – Я задыхалась.

Глаза Джозефины сверкнули.

– Он был заколдован, говорю тебе. И был только один путь избавиться от проклятия. Он не мог приезжать даже сюда.

До тех пор, пока не убедился, что эта женщина, твоя мать, больше не будет преследовать его.

У меня заболел живот. Сколько бессонных ночей, сколько лет ожидания и страданий, и все напрасно! Сколько месяцев боли, страстного желания видеть отца, нестерпимо возмужавшего перед каждым моим днем рождения! И что же: я приезжаю сюда и узнаю, что потеряла отца из-за его пристрастия к карточной игре и дурацкого суеверия.

– Он все еще жив? – спросила я.

Тетка качалась взад и вперед, будто не слыша моего вопроса.

– Да, – ответила она наконец. – Я не знаю, где он, но он жив, это точно. Он приказал мне ничего не сообщать вам о нем.

– Я должна уехать, Дэвид. – Я умоляюще посмотрела на мужа. Он поднял голову, и выражение неподдельного ужаса на мгновение появилось в его глазах. Я поняла, что боль, терзавшая меня изнутри, отразилась и на моем лице. Дэвид поспешно опустил голову.

Джозефина протянула руку, чтобы остановить меня; ее крепкие пальцы сомкнулись на моем запястье.

– Нет, ты не должна уезжать сейчас. Я пригласила Джилли на ужин. Сэмюэль Петер приведет его.

– Кто это – Джилли? – спросила я. Возможно, тот молодой кузен, с которым я пока не успела познакомиться?..

Меня мутило; сквозь туман, застилавший мне глаза, я

увидела, как тетя Джозефина растянула рот в широкой улыбке, обнажив гнилые старческие зубы. Эта гримаса напомнила мне отвратительную маску из тыквы с прорезями для глаз и рта.

Я выбежала через шаткую дверь во двор, заросший бурьяном. Там меня вырвало. Меня выворачивало до тех пор, пока желудок не опустел; я так ослабла, что едва держалась на ногах. Все эти годы я воображала, как, встретив когда-нибудь своего отца, брошусь к нему в объятия, и он объяснит мне, почему нас покинул. Отец бы понял, что я не держу зла, а только пытаюсь понять его, и после некоторого смущения признался бы, что был не прав и все эти годы жалел о случившемся. Пот струился со лба, заливая глаза. Мои детские мечты терпели крушение. Меня продолжало подташнивать. Хватая ртом воздух, я подняла голову и посмотрела в сторону пустой конюшни Джилли.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пыльная дорога узкой серой лентой летела под колеса нашего «кадиллака». Мы с Дэвидом проделали длинный утомительный путь, чтобы взять напрокат эту машину с большими удобными сиденьями для комфортабельного путешествия через весь Юг. Всю дорогу от Литтл-Рок мы смеялись и дурачились, как школьники на каникулах. Используя свою уникальную способность убеждать, он сумел заказать для нас номер 442 в гостинице «Арлингтон», который, как утверждалось, сам Аль Капоне выбирал для встреч со своими шлюхами, останавливаясь в Хот-Спрингс. Это выглядело так романтично! Все еще ощущая горький привкус во рту, я мечтала об отдыхе в прохладной затемненной комнате, где можно было забыться и залечить свои душевные раны.

Улыбаясь, Дэвид коснулся моей щеки и театрально вздохнул.

– Когда я иду в гости, увы, никто не закалывает для меня жирного тельца!

Я вспомнила тошую козу в загоне и тут же почувствовала, как что-то мерзкое снова поднимается по пищеводу.

– Я удовлетворилась бы порцией кокаина или «травки».

– Я всегда знал, что Таггарты не стопроцентные аристократы! – Смеясь, он лишь в последний момент крутанул руль, объезжая рытвину на дороге.

– Мы – люди холма.

– Мне кажется, это просто поэтический образ для обозначения сумасшедшего бедного белого хлама.

Я глотала горячий влажный воздух, как рыба, выброшенная на берег. Дэвид, должно быть, заметил страдание на моем лице: он еще шире улыбнулся и крепко прижал меня к себе.

– Твое происхождение совершенно не волнует меня. Я не из блюстителей классовой чистоты. – Держась за баранку левой рукой, правой он обнимал меня за плечи. Его дыхание щекотало мне ухо, – будто маленькое назойливое насекомое копошилось там.

– Я знаю, – вздохнула я. Все еще страдая, я чувствовала, как тепло его твердых мускулов потихоньку согревает меня.

– У тебя был трудный день, я не могу видеть, как ты страдаешь. – Он еще крепче прижал меня к себе. – Я думаю, что мы должны сократить нашу поездку.

Я грустно кивнула и стала смотреть в открытое окно автомобиля на проносившуюся мимо степь. Ее безлюдье и бескрайность усиливали чувство одиночества и потери. В ложине между деревьями клубился густой туман, как мои воспоминания об отце. Я снова стала смотреть на летящий под колеса асфальт; пейзажи, мелькавшие за пыльным ветровым стеклом, казались не столь выразительными и не так терзали душу. Чувство пустоты, которое я испытывала, больше не удивляло меня, теперь эта пустота казалась такой огромной,

что даже общение с Дэвидом не могло заполнить ее.

– Я хочу завтра отвезти тебя домой, – сказал Дэвид бесцветным голосом. Я не возражала: так будет, наверное, лучше. Чем скорее я оставлю эти места, тем скорее смогу все забыть.

Я проснулась от шума кондиционера; горло пересохло, губы шуршали, как наждачная бумага. Кондиционер спасал от духоты, но вид незнакомой, плотно закрытой комнаты, в которую эта противно шумящая машина нагнетала холодный синтетический воздух, наводил тоску.

Я беспокойно ворочалась с боку на бок. Дэвид спал, как обычно, грациозно изогнувшись, с улыбкой красивого избалованного ребенка. Даже в самые напряженные дни, когда рынку акций грозил неминуемый крах и вся Уолл-стрит, казалось, сходила с ума, сон его оставался безмятежным, как у младенца; на его девственном лбу не появлялось ни единой морщинки, тогда как мой вдоль и поперек вспахивали глубокие борозды.

Потревоженный моим непрерывным ворочанием, Дэвид проснулся; веко с длинными ресницами приподнялось, и невинный ребенок, только что лежавший рядом со мной, мгновенно исчез, уступив место страстному любовнику.

– Ты прекрасна, Мэгги, – шептал Дэвид; его длинные пальцы гладили мои бедра через прохладные простыни.

До знакомства с Дэвидом я была совершенно неопытной

девушкой, и своим бурным натиском он буквально ошеломил меня. Но будучи хозяйкой парфюмерного магазина, я общалась со множеством падших женщин милых созданий, употреблявших все средства, которые им были доступны, чтобы заполучить богатого любовника и заставить его расстаться с частью своих денег ради сексуальных забав с красоткой. Их откровения не прошли даром, и, повстречав Дэвида, я сразу поняла, что передо мной неординарный человек.

Он улыбался и сладострастно гладил мои ягодицы теплой рукой. Под ласками Дэвида я вскоре позабыла о своем пересохшем горле, о шуме кондиционера и о прочих неприятностях и переживаниях, которые посылала мне судьба.

Его губы скользили по моему телу, тонкие длинные пальцы сначала робко, а потом все уверенней и уверенней пролагали себе путь между моими бедрами. Как руки художника создают прекрасную статую, так его руки лепили сейчас статую моей страсти, собирая ее по крупицам в самых сокровенных местах моего тела.

Потолок поплыл у меня перед глазами, я ощутила покалывание в ступнях, которое становилось все сильнее.

– Иди ко мне, Мэгги, – прошептал Дэвид.

Он без усталости ласкал мою грудь. Я погружалась в прекрасный чувственный мир, где были только Дэвид и я. Дэвид, близко-близко склоняясь к моему уху, шептал мне ласковые слова, его дыхание нежно касалось моей кожи, возбуждая

меня все сильнее и сильнее.

Мое тело напряглось, неудержимая страсть рвалась из меня, требуя удовлетворения.

– Ты *моя*, Мэгги, – выдохнул Дэвид, входя в меня. Как всегда, этот момент потряс меня. Волны страсти скользили по животу, вздымаясь все выше. Где-то вдаль я услышала странный звук, напоминавший голос какой-то неведомой мне птицы; я не сразу поняла, что это мои собственные стоны.

Мы жадно ласкали друг друга, и мое тело ныло сладкой дурманящей болью; неповторимые слова любви волшебной музыкой звучали в моих ушах.

Я видела, как светится в полумраке его влажное от пота тело; казалось, что этому безумию не будет конца...

Некоторое время я неподвижно лежала в его объятиях, потом медленно открыла глаза. Мягкий свет падал мне на лицо, легко проходя сквозь завесу шелковистых волос, волшебным ореолом окружавших прекрасное лицо Дэвида. Этот свет, хотя и очень слабый, почти ослеплял меня... впрочем, виной всему была, конечно, красота мужчины, лежавшего рядом со мной. Но не настолько я была ослеплена, чтобы не заметить характерного блеска в его глазах. Этот взгляд был подобен взгляду волка, еще не остывшего после удачной охоты. Этот голодный взгляд сказал мне, что скоро мой любимый вновь воспрянет, полный сил, готовый снова и снова дарить мне наслаждение. Впрочем, я не слишком опытна в

делах любви...

– Хорошо тебе, дорогой? – спросила я неуверенно: на мгновение мне показалось, что он недоволен чем-то.

– С тобой? Всегда. – Его голос звучал так искренне, что я разозлилась на себя за свои сомнения.

Он страстно поцеловал меня в губы, его бедра снова заскользили по моим, наполняя меня любовной силой. Дэвид незаурядный мужчина, я не устаю повторять это!

– А ведь мы, кажется, собирались уезжать сегодня. – Дэвид мазал маслом аппетитную сдобную булочку. На мгновение прервав это приятное занятие, он наклонился над белой льняной скатертью, покрывавшей стол, и остановил на мне взгляд своих ясных голубых глаз. Венецианская комната «Арлингтона» – смесь розового, лилового и зеленого – проигрывала очарованию этих глаз, хотя и была оформлена с большим вкусом. – Напряжение вчерашнего дня утомило тебя. Ты можешь храбриться, делать вид, что полна сил, но я-то вижу, что это не так.

После ночи, первая половина которой прошла в беспокойных метаниях по постели, а вторая – в объятиях Дэвида, я была готова согласиться с ним. Но вместе с тем я чувствовала, что не могу до конца поверить рассказам тети Джозефины о причинах исчезновения моего отца: связанная прожитыми годами и узами родства, она не могла быть объективной и беспристрастной.

Не более беспристрастной, чем я сама, я хорошо понимала это. Получив шанс разрешить наконец-то загадку моего прошлого, я не хотела терять его.

– Я не успокоюсь, пока не выясню все до конца. Смотри на это так: то, что я знаю сейчас об отце, ужасно, хуже, кажется, и представить себе нельзя. Но именно поэтому все, что мне удастся узнать о нем дополнительно, может быть только лучше.

Прежде чем ответить, Дэвид поднес к губам изящную китайскую чашку; его мизинец при этом изогнулся не менее изящно: мой муж пил свой утренний чай. В такие мгновения он напоминал мне дирижера, вдохновенно сжимающего свою палочку; рука неподвижно замерла в воздухе, выдерживая особенно длинную фермату (Пауза или длинный проигрыш в музыкальном произведении.). Познакомившись с остальными Вестшайрами все они были благовоспитанны, держались строго, и все как один со слегка изогнутыми мизинцами, – я поняла, что это их фамильный признак. У меня был мой нос, у Дэвида – его мизинец.

Он поставил чашку, его великолепный подбородок прямо выдвинулся вперед.

– Зря мы приехали сюда в июле здесь сейчас слишком жарко для того, чтобы цивилизованные люди рисковали надолго покидать свой дом. – Его рука опустилась на стол прямо передо мной в вежливом, но решительном жесте. – Даже зверье, которого тут тьма-тьмушая, ведет в это время пре-

имущественно ночной образ жизни. Ну, опоссумы, броненосцы, ты знаешь...

Он разозлил меня своими напоминаниями о броненосцах.

– Только два дня, – умоляюще произнесла я. У меня есть отец, он жив! Это не тот человек, о котором я мечтала все эти годы, но, быть может, не стоит винить его в этом, ведь он родился и вырос совсем в другую эпоху. Как мне хотелось лучше узнать его! Узнать, понять, простить... Возможно, боль без конца и без края, терзающая меня, наконец-то отступит. Я коснулась холеной руки Дэвида, и его пальцы мгновенно сплелись с моими. – Прошу только два дня, Дэвид!

Качнув тяжелыми ресницами, он внимательно посмотрел на меня – слегка прищурившись, будто оценивая котировки акций на фондовой бирже, потом улыбнулся: мои бумаги, кажется, пошли в гору.

– Хорошо, два дня, – сказал он, дружелюбно, как бы подбивая общий итог. – Но не обнадеживай себя слишком: тем ужасней будет разочарование. – Его пальцы еще плотнее оплели мою руку и притянули к тонким губам – для поцелуя. Аристократу приличествует сдержанность, и Дэвид прекрасно умел скрывать свои чувства; но я слишком хорошо его знала и читала сейчас в его глазах как в открытой книге. Последовавшие за этим слова не стали для меня откровением.

– Я думаю, ты все еще лелеешь надежду, что твой загадочный папаша помнит о тебе. Если бы это было так, он давно бы сам нашел тебя. – Дэвид ободряюще сжал мою руку.

– Но Джозефина сказала, что это мать моя во всем виновата.

– Да, хорошая мина при плохой игре. Только слабый человек винит в своих неудачах других – жену в особенности. – Дэвид поднес к глазам стакан с компотом и подмигнул мне сквозь полупрозрачную жидкость. – Лично я собираюсь в бассейн. Лучше присоединяйся ко мне: поплаваем, позагораем... ты, я и пара стаканов джулепа – такая миленькая теплая компания!

Я покачала головой. Вряд ли в Арканзасе знают что-нибудь о джулепах, и я этому несказанно рада: при одном упоминании об этом напитке руки мои начинали чесаться, и кончик носа тоже.

– Я присоединюсь позже: все еще чувствую себя не в своей тарелке; мне жаль тебе отказывать...

Дэвид насмешливо и выразительно посмотрел на мои обожженные солнцем щеки.

– Я просто, как дурак, старался заполнить свободное время.

– И ради этого занимался увлекательным делом. – Вспомнив, чем мы занимались менее часа назад, я заулыбалась; мои щеки покраснели еще больше.

– Ну раз так, я вернусь к ленчу около двенадцати тридцати. Я буду в маленьком кафе, что на Центральной. Не выношу встреч с одинокими алкашами. – Он щелкнул меня по носу. – И надень шляпу. Мы должны охранять твою главную

ценность.

Я наклонилась и чмокнула его в ухо.

– А я всегда думала, что это ты моя главная ценность.

Не было еще и полудня, а от желтого фасада «Арлингтона», струясь и вибрируя, уже поднимались горячие струи. Из-за этого очертания гостиницы размывались, и здание казалось огромным призрачным замком. Я знала, что мне нужно беречься от солнца, но вместо того, чтобы воспользоваться нашим автомобилем или трамваем, я, бодро сбежав по гостиничной лестнице, устремилась в некогда шумный городок Бэтхауз-роуд.

Во времена своего расцвета эти изящные, тщательно оштукатуренные особняки взрастили под своими красными черепичными крышами не одно поколение кинозвезд, акул шоу-бизнеса и гангстеров. До изобретения пенициллина целебные воды привлекали сюда богачей больных и здоровых, – а азартные игры, духовой оркестр и легкомысленные женщины «Арлингтона» не давали толстосумам скучать во время лечения.

Ныне только Фордайс и Бакстаф принимали отдыхающих, другие же курорты, придя в упадок, благоухали плесенью гниющих от сырости неухоженных домов, хранящих воспоминания о канувшем в лету золотом веке. Я вдыхала эти запахи и рисовала себе картины того, что здесь творилось до появления на свет мощных лекарств – конкурентов целебных вод.

Миновав ряд старинных павильонов, сооружейных когда-то над минеральными источниками, я пошла быстрее, бросая мимолетные взгляды на витрины магазинов. В одной из витрин мое внимание привлек графин с изумрудной жидкостью. Любуясь красивым старинным сосудом и находившимся в нем эликсиром, я пыталась представить себе, как бы все это смотрелось в витрине моего парфюмерного магазина, и не сразу сообразила, что уже достигла цели своего путешествия аптеки Оачиты. Табличка у двери гласила, что теперь здесь находится музей.

Я вошла в прохладное, пахнущее плесенью помещение. Вместо одетого в белый халат любезного аптекаря прямо перед собой я увидела склянку, подобную той, что была в витрине; эту склянку я уже не хотела использовать у себя в магазине: она была заполнена водой, и в ней кишели черные извивающиеся создания. На ярлыке было написано: «Медицинские пиявки». Я начала дрожать от влажного холодного воздуха, который наполнял помещение, и пожалела, что у моей блузки такие короткие рукава.

Над банкой с пиявками висело объявление: «Гид вернется через десять минут. Пожалуйста, подождите».

Я могла подождать, но только подальше от этой баночки с мерзкими копошащимися тварями. Я отошла в сторону, темные неровные доски слегка скрипнули под моими ногами. В тусклом свете, падавшем из окна, я разглядывала текст вывешенного разрешения на торговлю листьями коки в те-

чение года; на последнем стояла дата: 1933. Одна из стен была сплошь увешана объявлениями о продаже лекарств на жидкой основе, об услугах врачей любых специальностей, о проведении различных курсов лечения; внизу этого коллажа лежала открытая книга, косноязычно исписанная благодарными клиентами. Около сотни кармашков, пришитых на кусок муслина; крошечная сложенная бумажка была вложена в каждый кармашек. Под стеклом красовался рецепт, датированный 19 октября 1921 года; написанный витиеватым, но легко читаемым почерком, он напоминал средство, которым когда-то пичкал меня мой врач. *Пульсатилла, 12-икс.* Судя по аннотации, это было гомеопатическое средство, предвосхитившее новейшие наркотики.

В призрачной темноте меня снова охватил озноб: я неожиданно для самой себя почувствовала радость оттого, что живу именно сейчас, а не в те давние времена. Дэвид часто обвинял меня в идеализме, но лечение по современной науке импонировало мне гораздо больше, чем глотание чеснока для продления жизни или, что еще хуже, необходимость постоянно носить его при себе в качестве защитного средства.

Все еще надеясь обнаружить приметы разумной жизни, я продолжала прогуливаться среди полок, в беспорядке заполненных всевозможными склянками; преобладали бутылки, заткнутые пробками из непонятного материала. Некоторые склянки были заполнены чем-то ярко-синим, другие со-

держали гранулы янтарного цвета. Одна из склянок, по форме напоминавшая конус, привлекла мое внимание: я почувствовала непреодолимое желание выяснить, что за снадобье в ней находится.

Не открывая крышки, я взяла эту бутылочку и принялась. Белый порошок, содержащийся там, издавал тонкий аромат, доселе мне неизвестный. Я внимательно изучила запись, сделанную от руки на золотистом ярлыке. К сожалению, эти названия тоже мне ничего не говорили. Как парфюмер я могла различить более двадцати вариаций запахов розового масла, знала множество терминов, но теперь не могла припомнить ничего подобного.

Я, конечно, знала, что открывать хранящиеся в музее старинные экспонаты категорически запрещено, поэтому лишь осторожно попыталась пошевелить пробку. Скорее всего, эта бутылочка была запечатана не одно десятилетие назад. Следовало, конечно, поставить ее на место и терпеливо дожидаться гида, но я не могла справиться с искушением немедленно откупорить ее. Стоит мне один раз как следует вдохнуть этот запах, и я, несомненно, определю все его компоненты, удовлетворив тем самым свое профессиональное любопытство.

Оглянувшись, чтобы убедиться, что за мной не следят, я, забыв на мгновение о законопослушании, сильнее надавила на пробку и открыла бутылочку. Поднеся ее к носу, я вдохнула.

Но, к своему изумлению, не смогла определить состав порошка.

Пытаясь идентифицировать аромат, чтобы в дальнейшем использовать его в своем парфюмерном магазине, я сделала глубокий вдох и случайно втянула в себя немного порошка, походившего более на пыль. Мне вдруг стало трудно дышать, легкий сквознячок гуляющий по аптеке, распылил порошок, наполнив воздух неведомым мне ароматом. Голова моя закружилась, ноги стали ватными. Я ухватилась за прилавок, но земля упорно уходила из-под ног; я не удержалась и рухнула на пол.

Происходило что-то странное и ужасное. Комната как бы исчезла. Единственное, что я ощущала в окутавшей меня темноте, это прохладу досок под кончиками своих пальцев и необыкновенный запах порошка, смешанный с запахом натертого воском пола. Я понимала, что мне нужно подняться, но тело отказывалось подчиниться.

Во мне стал нарастать страх. Я ведь не сообщила Дэвиду, куда пошла. Теперь я оказалась совершенно одна в этом ужасном месте.

Вдруг неведомый мне аромат исчез, его вытеснил мускусный аромат, знакомый мне с детства; память о нем я унесу с собой в могилу. Именно этот аромат исходил обычно от моего отца: смесь запаха хорошего флотского табака и слабого запаха моря. Мой отец пах морем, а моя мать – фиалками.

Пытаясь хоть как-то успокоиться, я говорила себе, что могла бы легко приготовить подобный аромат в своей лаборатории – так же легко, как воссоздать его в памяти, – но видение, вдруг представшее перед моим взором, было выше моего разумения. Это был Джесси Таггарт.

Он двигался прямо на меня из густого тумана. Он приближался, но лицо его все еще оставалось неясным, и первое, что мне удалось рассмотреть в тот момент, – это его одежда. Он был одет не в морскую форму, в которой я его всегда представляла, но это был также и не современный костюм его фасон был мне незнаком. Впрочем, подобные наряды я видела, кажется, на фотографиях в альбоме моей матери, – так одевались до Великой депрессии.

Его походка была такой же гордой, как в те мгновения, когда он, возвратившись после долгого отсутствия, торжественно шествовал по дому, весь увешанный свертками. Он все приближался; я узнала до боли знакомые ярко-рыжие волосы, и сердце мое забилося радостнее. Мне не удавалось рассмотреть как следует его лицо, но в остальном он совершенно не изменился; изменилась я сама больше уже не ребенок, а тридцатитрехлетняя замужняя женщина.

Странная мысль обожгла меня. Если мой отец стоит передо мной, не изменившись с тех пор, как я последний раз видела его, то где я нахожусь? Где может произойти такое?

Я хотела было позвать его, но остановилась. Если я не сплю и не сошла с ума, могло быть только одно объяснение

происходящему. Я читала когда-то, что каждая любящая душа переживает однажды такое мгновение: предмет ее любви является к ней с того света, чтобы поприветствовать ее.

И это бывает незадолго до смерти.

Отец протягивал мне руки, и я поняла этот жест: он хотел разрешить недоразумения прошлого – такое же желание испытывала и я сама. О, как я хотела прикоснуться к нему, заполнить пустоту, оставшуюся в душе после его исчезновения! Но не могла. Не меньше этого я хотела, чтобы отец взял меня за руку и повел за собой. Но в этом случае я умру, а я не готова к смерти. Я любила своего мужа и хотела жить с ним и для него. Как бы я ни стремилась узнать правду об отце, из-за этого не стоило терять Дэвида.

Сопrotивляясь желанию последовать за отцом в неизвестность, я сосредоточила все свои мысли на Дэвиде. Он – моя семья. Он – моя жизнь. Я не могу жертвовать этим. Ради чего бы то ни было.

Отец был уже так близко, что я слышала его голос, четко различая каждое слово, будто он громко шептал мне на ухо.

– Это даже к лучшему, девочка. Все теперь будет хорошо. Тебе не понадобится даже совать нос в банки со снадобьями. Ты уже прихватила немного этого порошка на кончик своего носа...

Открыв глаза, я увидела склонившегося надо мной незнакомого человека, его подвижное обветренное лицо как бы парило над моим, широкий галстук подобно опахалу раска-

чивался надо мной взад и вперед. Он, пожалуй, в большей степени напоминал музейный реликт, чем гида, но, глядя на него снизу вверх, сквозь пелену, все еще застилавшую мне глаза, я смогла разобрать, что, исключая потертый галстук, который следовало отнести к давно ушедшей моде, его одежда вполне современна. Но я была удивлена, почему его рубашка так плохо отглажена – вся в складках. Я поняла, что пожилой мужчина передо мной – либо вдовец, либо старый холостяк, и мысленно посочувствовала ему.

– Возьмите мой носовой платок, – сказал он.

– Спасибо, не надо. У меня есть. – Я вытащила из кармана свой шелковый носовой платок и осторожно вытерла остатки порошка со своего носа.

– Вот в чем дело. – Он ободряюще улыбнулся.

Окончательно придя в себя после ужасного приступа, я огляделась и отметила, что аптечное помещение приобрело свой прежний вид.

– Я, должно быть, потеряла... сознание. – Я высказала мысль, которая первой пришла мне в голову: она звучала наиболее правдоподобно. Во всяком случае, происшедшее заставило меня слегка усомниться в здравости собственного рассудка.

– Вы можете встать?

Я кивнула, и пожилой незнакомец помог мне подняться на ноги. Пока он вытаскивал мою соломенную шляпу из-под витрины, я заметила на прилавке след порошка. Мне стало

стыдно при виде учиненного мной беспорядка, и я торопливо протерла прилавок своим носовым платком.

Он поднял бутылку ту, которую я уронила.

– Горлышко откололось.

– Очень жаль, – смущенно сказала я. – Могу я заплатить за это?

Он покачал головой и бросил осколки в мусорную корзину.

—Никто не заметит. Я только сегодня утром нашел эту склянку в чулане.

– Что там было? – спросила я, отправляя носовой платок обратно в карман. «Быть может, я отравилась?» Я ухватилась за эту мысль, как утопающий за соломинку, все еще подыскивая объяснение случившемуся: отравление все-таки более приличная вещь, чем сумасшествие.

– Наверное, какое-то гомеопатическое снадобье. – Он пожал плечами и усмехнулся. – А если нет, это может быть все что угодно – от толченых миндалин овцы до змеиного яда. Вряд ли это предмет гордости АМА (АМА – Американская медицинская ассоциация.), – добавил он. – Впрочем, наркотики и колдовство – это не все средства, что были в арсенале врачей в стародавние времена.

Я поежилась. Неудивительно, что я не распознала этот аромат. Внезапно я почувствовала, как мои ноги снова становятся ватными, голова закружилась... Старик успел подхватить меня; его хватка оказалась на удивление сильной.

– Никто вас здесь не видит, присядьте на минуту и отдохните, – сказал он, помогая мне передвигаться по комнате. – Все из-за этой проклятой жары.

Он подвел меня к потешному фонтанчику с питьевой водой такие встретишь только в старинных парках и скверах. Над фонтанчиком красовалась надпись: «Кока-кола дарует бодрость». Кажется, в своем недавнем бреде я видела на этом месте лицензию на продажу *листьяевкоки*; там была еще надпись о том, что именно *листья*дают эту самую бодрость. Наваждение упорно не оставляло меня.

– Здесь больше не подают содовую воду, – виновато произнес мой спаситель, заметив, как пристально я разглядываю надпись. – Но я принесу вам немного минеральной воды – той самой живой воды, благодаря которой наш город стал широко известен. – Он улыбнулся и зашаркал прочь из комнаты.

Вскоре он возвратился, торжественно поставив передо мной полный до краев стакан.

– Попробуйте. Это помогает и при внутреннем, и при наружном употреблении.

Я сделала несколько глотков, стараясь не замечать легкий запах серы, щекотавший мой волшебный нос. Пошло хорошо.

– В чулане у меня постоянно стоит кувшин. Вода и ничего больше, – сказал он, продолжая улыбаться. – Я противник каких бы то ни было добавок.

Я не возражала, делая глоток за глотком и надеясь, что это питье поможет мне избавиться от недомогания и уж, во всяком случае, не причинит вреда.

– Действует! – торжественно объявил старик. – Вот и щечки порозовели! А ведь вы выглядели так, будто только что встретились с привидением.

После всего, что случилось со мной, мне даже думать не хотелось ни о каких привидениях. Но слово было произнесено, и потрясение, которое я испытала, встретившись с призраком моего отца, вновь заявило о себе. Мне вдруг захотелось убежать, вырваться из этого ужасного места, вернуться домой и постараться все забыть. Но что-то удерживало меня. Пусть настоящей причиной всего была жара, так странно подействовавшая на меня, пусть; сейчас я острее, чем когда-либо раньше, чувствовала необходимость разобраться со своим прошлым.

– Меня интересует Чиггер-клуб, – начала я, предварительно сделав несколько хороших глотков.

Его обветренное лицо на мгновение смягчилось.

– Прошло очень много времени с тех пор, – сказал он задумчиво. – А ведь когда-то каждый, кого ни спросите, наперебой стал бы рассказывать вам об этом.

– Я Мэгги Таггарт, – сказала я, используя свою девичью фамилию.

– Вы из тех Таггартов? Что из графства Гарланд?

Я кивнула, и добрая улыбка расцвела на его лице.

– Я Бу Макгрю. Я хорошо знал Адмирала. Он был постоянным клиентом клуба, а я в те годы работал там. – Он ткнул пальцем в потолок. – Исправно работал наверху до шестидесяти седьмого. В тот год меня отправили сюда, вниз.

– Кажется, это тот самый год, когда карточная игра была объявлена вне закона? – Мои губы сжались. Я была гораздо терпимее к подобным вещам, пока не узнала о несчастной слабости моего отца.

Бу почесал за ухом и усмехнулся.

– Черта с два! Чуть ли ни каждый год, сколько я себя помню, принимались какие-нибудь законы на этот счет. Законы записывались в книги, книги ставились на полки и покрывались там пылью: когда приходится делать выбор между законностью и выгодой, люди закрывают глаза на закон. В те дни мы больше страдали от порицаний баптистов, чем от закона. Каждый понедельник мы платили штрафы согласно судебным решениям, равно как и вознаграждения чиновникам: главной нашей заботой было, чтобы эти суммы попадали в нужный карман.

– Взятки?! – почти прокричала я.

– Да, взятки. – Слегка покраснев, он снисходительно похлопал меня по руке, очевидно удивляясь тому, как быстро я схватила суть. – Парни из Вашингтона считали, что мы создали самый крупный картежный притон в южных штатах. Такого не сотворишь, если не подмажешь как следует кучу жадных чиновников, вплоть до самого губернатора.

– Это ужасно! – выпалила я.

– Может быть и так, но когда тысячи посетителей, приехавших со всех концов света, швыряют груды золота на столы, никто не хочет думать об этом. Сколько было прекрасных мест. Сотерн-клуб, например: шикарные лестницы черного мрамора, хромированный сортир...

– И место наверху? – Я ткнула пальцем на потолок, представив себе, как элегантно одетые люди из всевозможных экзотических уголков земли спокойно принимают карты из рук крупье, небрежно делают ставки, с одинаковой невозмутимостью воспринимая победы и проигрыши.

Старик нахмурился:

– Чиггер-клуб был гораздо беднее: никакого итальянского мрамора, никаких персидских ковров. Наши постоянные клиенты куда лучше умели плевать на паркетный пол, чем ходить по нему.

Одним из этих постоянных клиентов был мой отец.

– Не поймите меня превратно, милая. Джентльмены тоже иногда делают ставки, и Адмирал, вне всякого сомнения, был настоящим джентльменом с Юга.

Меня несказанно обрадовало то, что не я одна так воспринимаю Джесси Таггарта, ведь я знала за собой эту слабость: идеализировать образ моего отца. Я отпила еще немного воды и улыбнулась.

– Так вы говорили, что работали там.

Он бросил мимолетный взгляд на свои руки. Суставы на

его пальцах были очень распухшими, как будто их разбили в драке.

– Выражаясь дипломатично, я состоял в тамошней службе безопасности, – медленно проговорил он.

Я смотрела на его тяжелые руки с узловатыми пальцами. Кажется, это все, что осталось от сильного, здорового мужчины, который как бык стоял когда-то на своих коротких крепких ногах. Карточная игра занятие истинного джентльмена... Может быть и так, но я подозреваю, что только типы, подобные Бу Макгрю, способны еще верить в это. Мои руки были холодны как лед; я сжимала их, пытаюсь согреть.

– Насколько я помню, мой отец очень много времени проводил в море.

Бу посмотрел на меня и рассмеялся.

– «Адмирал» – это всего лишь прозвище. Чтобы заслужить его, ваш отец довольно долго болтался в разных портах, но... он и воду-то терпеть не мог!

– Его сестра сказала мне, что он оставил дом, чтобы стать моряком.

– Милая, он никогда не приближался к морю ближе грязных забегаловок на причалах, в потайных комнатах которых обычно играл в покер. – Бу неуклюже похлопал меня по руке. – Конечно, все это было до того, как удача оставила его. Только что она благоволила к нему, и вдруг охладела... как молочник к девке с Гвернси в третьем часу утра!

Я слегка покраснела, но принимая во внимание обычный

цвет моей кожи, это так же бросалось в глаза, как если бы я взяла красный флаг и стала размахивать им.

– Простите меня, м-мэм, – смущенно пробормотал он, не зная, куда деть глаза. – Все эти байки старых времен... В клубе нам не хватало женского общества, и мы не привыкли стесняться в выражениях. – Он теребил грубой ручищей свою щетинистую бороду. – Адмирал объявился однажды ночью, летом 1966-го, за год до того, как нас прикрыли. Он сказал, что копит деньги на дом, чтобы подарить его дочери в день рождения, и чувствует удачу.

Я вся напряглась. Было слышно, как старый вентилятор под потолком силится разогнать духоту.

– И что произошло?

Старик улыбнулся, но его глаза стали грустными.

– То, что должно было произойти. Все, кроме него, знали, *что* должно было произойти. – Он был таким же суеверным, как тетя Джозефина.

– Он проиграл?

– Вы так и не получили этот дом, правда? – ласково спросил он. Его улыбка потихоньку увяла.

Я кусала свой кулак, силясь сдержать рыдания, готовые вырваться из сдавленного спазмом горла.

– Где он сейчас?

– Кто знает...

– Ну хоть какую-нибудь зацепку...

– Я знаю одно место, но не уверен, что... – Он в нерешит-

тельности качал головой, готовый, кажется, зайцем сбежать отсюда, забыв о своих старых больных ногах.

– Пожалуйста, – умоляла я. – Я проделала такой долгий путь.

Он прикрыл лицо руками, потом поднял голову, устало посмотрев на меня.

– Он убил себя. Его автомобиль лежит, перевернутый, на дне озера Изабелла. Тело так и не нашли, но похороны были весьма приличные, и могила на кладбище у Виллоу-роуд... тоже ничего. Шесть месяцев спустя его останки выбросило волной на берег. Правда, точно опознать их не смогли: мало что от него осталось... Некоторые утверждали, что это не он, но тогда больше никто не был объявлен пропавшим. – Бу опустил глаза. – Ни один из тех, кто был у нас в клубе той ночью, не сомневается в его смерти. Мы видели, в каком состоянии он уезжал.

Мраморный стол под моими руками был холодный и влажный, как могильная плита. Голова снова начала кружиться, и я подумала, что недавний припадок повторяется. Как сомнамбула, я проковыляла к выходу, к яркому свету летнего полудня.

– Не нужно было рассказывать вам все это, – слышался за спиной скрипучий старческий голос; слова повисали в тяжелом горячем воздухе, эхом отзываясь в моих ушах.

Не помню, как я добралась до гостиницы; все, о чем я могла думать, – это о том, чтобы оказаться скорее под защитой

сильных рук Дэвида, успокоиться и под звуки его ласкового голоса вновь обрести себя. Наверное, он был прав, когда просил меня не ходить туда одной: я никогда не смогу быть такой сильной, как он.

Наша комната была пуста. Часы на ночном столике показывали, что остается еще двадцать минут до того момента, когда Дэвид должен вернуться. Я достала носовой платок, промокнула пот с верхней губы и сунула кусочек ткани, все еще пахнувший дьявольским зельем, обратно в карман. Потом легла на кровать и, закрыв глаза, стала молить Господа, чтобы Дэвид пришел скорее.

Должно быть, я задремала, и тяжелое, мучительное сновидение придавило меня. Передо мной возникла какая-то шумная вечеринка.

Светили газовые фонари, и это придавало празднеству мрачный, зловещий вид. Собравшиеся грубо и цинично переговаривались, в комнате стоял зловонный дым от дешевых сигар, так что мне хотелось зажать нос. Коренастый мужчина, полный высокомерия, сидел ко мне спиной, и я ясно видела гигантские, как лунные кратеры, поры на его нездоровой коже, свисавшей складками на толстой шее.

В соседней комнате мужчины, с ног до головы обвешанные оружием, приставали к полураздетым непрерывно хихикающим женщинам. В сторонке несколько красоток, одетых чуточку попримечнее, покачивались на высоких старомодных каблуках, лениво отмахивались от назойливо тянув-

шихся к ним мужских рук; их отделанные бисером платья состояли, кажется, из одних разрезов, а декольте простирались практически до пупа.

Обливаясь потом, я наблюдала за происходящим; сердце мое бешено колотилось. Атмосфера в комнате была крайне недружелюбной, словно дух враждебности навеки застыл в этом воздухе, перемешавшись с омерзительным табачным зловонием.

Несмотря на липкую духоту, царившую в комнате, меня била нервная дрожь. В моем нынешнем подавленном состоянии уединиться в старой комнате Аль Капоне... вряд ли это была удачная мысль! Кошмар забрал мои последние силы, особенно угнетала невероятная подлинность происходившего.

Очнувшись от кошмара, я, перепуганная, бросилась к часам. Это казалось невероятным, но прошел уже целый час. А Дэвид все еще не возвратился.

Я побежала в ванную и включила холодную воду. Согнувшись над раковиной, я плеснула в лицо водой, оказавшейся теплой, как парное молоко. Очевидно, «холод» летом на Юге становится понятием относительным.

Уняв нервную дрожь, я закрыла кран и насухо вытерлась полотенцем, уничтожая остатки грима. Возможно, мы с Дэвидом договаривались встретиться в кафе, а я забыла, к своему стыду. «Какое счастье, что у меня есть Дэвид и есть на кого положиться!» – думала я, стремительно выбегая из ком-

наты. Нужно было как можно быстрее найти его.

Не жалея ног и обуви, я бежала по улице, пока, бросив мимолетный взгляд в окно ресторана, не увидела *его*, сидящего за столиком, сногсшибательно красивого в белом летнем костюме и соломенной шляпе.

Заходя в ресторан, я поймала свое отражение в зеркале и заметила, что мои волосы, выбившись из-под шляпки, торчат какими-то безобразными клочьями. Я сорвала шляпку и попыталась хоть как-нибудь пригладить их руками. Потерпев неудачу, я мимо столика метрдотеля побежала навстречу своему мужу. Он сжал меня в объятиях.

– Как ты, моя маленькая девочка?

Я начала было торопливо пересказывать услышанную мной удивительную историю о самоубийстве моего отца, но почувствовала, что не смогу рассказать все точно, отделив плоды моего воспаленного воображения от реальности. Я улыбнулась Дэвиду, надеясь, что он не заметит, как близка я к истерике; мое лицо горело. Дэвид, с его острым, склонным к холодной логике умом, постоянно обвинял меня в излишнем романтизме, граничащим иногда с сумасшествием, и в это/ момент я поняла, что он совершенно прав. В чем я по-настоящему нуждалась сейчас, так это в небольшой паузе, чтобы немного успокоиться и подумать. Желая выиграть это время, я сказала:

– Какой интересный запах исходит от тебя!

Это был тонкий аромат гардении, такой слабый, что обыч-

ный нос, вероятно, не заметил бы его.

– Такое массажное масло здесь используют, – объяснил он. – Почему бы и тебе не сделать завтра перерыв в своих розысках и не сходить на массаж? – Он внимательно посмотрел на меня, и его глаза превратились в узкие щелки. – Мне кажется, это именно то, что тебе необходимо сейчас.

И вдруг мои плечи будто сами собой распрямились. Именно в этот момент я поняла, что нужно сделать, чтобы моя душа успокоилась раз и навсегда. Пока Дэвид делал заказ для меня, эта мысль окончательно утвердилась. Было еще одно место, куда нужно было обязательно пойти, прежде чем мы уедем отсюда. И это не массажный салон.

После ленча, во время которого у нас с Дэвидом, как обычно, произошла маленькая перебранка относительно выбора блюд, мы отправились прогуляться. Было жарко, и я поняла, почему южные красотки так медлительны: на большее в здешнем климате просто не хватает энергии.

Задумавшись над тем, насколько все это отличается от того, к чему я привыкла у себя дома, я, зазевавшись среди многолюдной толпы, неловко наступила на бордюрный камень и, подвернув ногу, с размаху шлепнулась на мостовую.

Послышался гудок, и я почувствовала, как кто-то резко дернул меня за руку. В следующее мгновение один из тех экскурсионных трамвайчиков, что, переполненные пассажирами, беспрестанно шныряют здесь, со свистом пронесся мимо, обдав меня горячим воздухом, слегка отдающим ме-

таллом и машинным маслом.

Я выпрямилась и оглянулась.

– Дэв... – начала было я, но не договорила: меня будто ударила молния. Замерев от удивления, вглядывалась я в бездонные зеленые глаза стоящего передо мной не знакомого мне мужчины. На его лицо падала тень от широкополой фетровой шляпы, но это не помешало мне заметить, сколь совершенны были его черты: это лицо было словно сработано резцом скульптора.

Я хотела сказать ему, что у меня все в порядке, но слова не шли с языка. Он, должно быть, догадался, что я в шоке, и продолжал держать меня за руку; его пристальный взгляд буквально обжигал меня, а пальцы железным обручем сжимали мою руку. В его руках чувствовалась недюжинная сила; этот тип производил впечатление человека, который обладает молниеносной реакцией, но в то же время может действовать не торопясь и даже нежно в любом случае, с такими следует держать ухо востро.

– Мы когда-нибудь встречались? – спросила я, наконец обретя голос.

Незнакомец смотрел на меня так, как будто мы с ним были давно знакомы. Едва я произнесла первую фразу, легкая улыбка смягчила его лицо.

– Вовсе нет, мадам. – Он щелкнул большим пальцем по полям шляпы, углубляя таким образом слегка распрямившуюся вмятин-ку на тулье, и отпустил мое запястье, оставив

на нем частичку своего тепла.

– Вы уверены, что чувствуете себя хорошо? – У незнакомца был глубокий, слегка хрипловатый голос, и говорил он, немного растягивая слова. – Мне очень неловко, но я должен идти: у меня назначена встреча с дамой, и я уже опаздываю.

Я улыбнулась, почувствовав непонятное разочарование из-за того, что он сейчас уйдет.

– Я... я... в порядке...

Под его пристальным взглядом кровь прилила к моим щекам.

– Да, я тоже так полагаю. – Его своеобразная манера говорить ласкала слух.

Я протянула было руку, желая поблагодарить его, но он уже отвернулся, и мои пальцы скользнули по тяжелой ткани его пальто. Я удивилась, что этот человек так тепло одет летом, и посмотрела в том направлении, куда он удалился, надеясь еще раз, хоть мельком, увидеть его, но незнакомец исчез, лишь раскаленный воздух причудливым миражом струился передо мной.

Окончательно сбита с толку, я удивленно оглядывалась вокруг себя, пытаюсь понять, куда бы он мог исчезнуть. После того как я споткнулась о камень, все произошло молниеносно: трамвайчик пронесся всего лишь в дюйме от меня. Господи! Да ведь он спас мне жизнь.

Когда я увидела мужчину в темной шляпе, который быстрым шагом направлялся ко мне, я было подумала, что незна-

комец решил вернуться, но в поредевшей толпе прохожих узнала Дэвида. Поняв, что мой зеленоглазый спаситель бесследно исчез и что я, возможно, никогда не смогу должным образом поблагодарить его, я почувствовала разочарование.

– Мэгги, вот ты где. Я купил твое любимое мороженое – «Скалистый путь». – Дэвид нес два конусообразных стаканчика, тщательно обернув их салфетками, чтобы ни одна капля не испачкала его холеных рук.

«Скалистый путь»! Вот уж действительно! Я начала истерически хохотать: вероятно, адреналин все еще бурлил в моей крови. В какой-то момент мне показалось, что стаканчик с мороженым вот-вот выпадет из моих рук.

– Что тебя так развеселило? – Дэвид вглядывался в меня, очевидно, думая, уж не хватил ли его жену тепловой удар.

– Я споткнулась о бордюрный камень и чуть не попала под трамвайчик с туристами.

– Я женился на тебе не из-за твоей ловкости. – Дэвид с наслаждением облизывал свое мороженое.

Концентрация адреналина в моей крови, кажется, резко возросла, потому что я вдруг почувствовала, как гнев буквально разрывает меня на части – такого со мной еще никогда не случилось.

– Ну, и почему же ты женился на мне? – зашипела я.

Улыбка сошла с его лица. Я была потрясена не меньше, чем он, и меня бил озноб.

– Я хочу сказать, что только что фактически избежала...

– Что случилось? Ты в порядке?

Я объяснила ему, как чья-то сильная рука сдернула меня с проезжей части, как я решила, что моим спасителем был он, Дэвид, и уже готова была броситься в его объятия, но увидела перед собой незнакомого зеленоглазого мужчину... Я поспешно говорила все это, чувствуя в душе какую-то пакость, будто только что совершила измену.

– Со мной – все в порядке, – выпалила я в конце своей тирады.

– Ну, слава Богу. – Он до боли сжал мое плечо. – Но все это мне не нравится. С тех пор как мы приехали сюда, с тобой творится что-то странное.

В душе я была с ним согласна, но не хотела давать ему лишний повод сократить наше пребывание здесь. В моем распоряжении был еще один день, и я знала, как использовать его.

– Я гораздо выносливее, чем кажусь на первый взгляд, Дэвид, – запальчиво проговорила я.

Он выразительно изогнул бровь, давая понять, что мне не удалось его одурачить. Хорошо еще, что я не проболталась о поврежденной ноге.

– Я бы порекомендовал тебе примочки. – Дэвид потянул меня к себе. – Вместе со мной, – жарко выдохнул он мне в ухо. – В более подходящей обстановке я напомню обо всем, что побудило меня жениться на тебе.

Его руки, дыхание, взгляд жадно ласкали меня, но аро-

мат гардении щекотал мои ноздри, начисто отбивая желание.
Наш запоздалый медовый месяц, кажется, подходил к концу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я позволила себе маленькую невинную ложь. Не в первый и не в последний раз, но все равно это было неприятно. Дэвид – мой муж, и мне нечего скрывать от него, но когда он спросил, куда я иду и когда вернусь, я изобрела нечто правдоподобное о том, что собираюсь провести день в историческом обществе.

Я навела справки: в Хот-Спрингс было прекрасное историческое общество, но я не испытывала ни малейшего желания отправиться туда. Еще меньше мне хотелось пускаться в объяснения по поводу того, что случилось со мной в аптеке днем раньше. Чем больше я думала об этом, тем сильнее становилось мое убеждение, что мне не следовало посвящать Дэвида во все подробности. Если я считаю, что он не прав, когда утверждает, что я переутомилась или перегрелась под сумасшедшим солнцем Арканзаса, я должна также признать, что у меня нет хоть сколько-нибудь разумного объяснения происшедшему.

А более всего я хотела сейчас, чтобы Дэвид видел меня здоровой, разумной и рационально мыслящей. Я сильно сомневалась в том, что у меня еще когда-нибудь появится возможность предпринять новый поиск и выяснить мое прошлое, и сейчас не хотела упускать свой шанс, давая Дэвиду повод думать, что я нежное тепличное растение и не могу

справиться с потрясением.

Итак, вместо того, чтобы, как можно было ждать от слабой, зависимой Мэгги Таггарт-Вестшайр, ехать в историческое общество и там, в удобном помещении с кондиционированным воздухом, изучать старые фотографии и записи, я выехала из Хот-Спрингс по дороге, ведущей к кладбищу. Посещение кладбища – священный ритуал для истинной леди с Юга, об этом поведала мне очень интеллигентная дама, у которой я узнавала дорогу.

Скоро я буду знать, какая из двух версий исчезновения моего отца соответствует действительности: либо будет посрамлена тетка Джозефина, либо Бу Макгрю слишком зажился на этом свете и уже не ловит мышей.

Кладбище оказалось значительно дальше от города, чем я предполагала. Струи горячего воздуха поднимались над асфальтом; горизонт, надписи, дорожные знаки – все расплывалось в этом мареве, и лишь в последний момент я заметила место, где следовало свернуть с Виллоу-роуд. Съехав с гладкого асфальта, я, швыряясь гравием из-под колес, выскочила на узкую грязную дорожку. Подобные дорожные испытания не для роскошного изнеженного «кадиллака».

Я притормозила и поехала медленнее; конечно, не так, как похоронная процессия: достаточно медленно, чтобы не разбудить усопших, но и достаточно быстро, чтобы ощутимо продвигаться вперед. Я проезжала мимо домов и лачуг, и чем дальше продвигалась по грунтовой дороге, тем чаще мне

попадались разрушенные, пустующие строения. Наконец я достигла кладбища, небольшого участка земли, окруженного вязами и старым железным забором.

Изъезженная когда-то дорога теперь заросла травой; казалось, что последняя машина проехала здесь много лет назад. Я заметила удобное место у трех плакучих ив, припарковалась и вышла из машины. Вокруг меня полчища цикад, невидимых в густой листве, тянули свою жутковатую песню; вместо удушающей жары, от которой в городе некуда было скрыться, здесь меня встретил легкий прохладный ветерок. Он мгновенно растрепал и мои волосы. Ржавые ворота, слегка приоткрытые, безжизненно висели на петлях; судя по всему, в течение многих лет их не касалась рука человека. Все это выглядело зловеще, но, набравшись смелости, я вошла на кладбище. Территория его основательно заросла бурьяном, молодые побеги жимолости расползлись по земле и напирали на забор; я поняла, что за кладбищем давно никто не ухаживает.

Порывы влажного воздуха обвевали меня и подобно крошечным невидимым эльфам заманивали все глубже в затененную вязами рощу. Я боролась с желанием немедленно убежать, уговаривая себя, что нельзя упустить возможность завершить свои поиски, прекратив тем самым бесконечные мучительные попытки воссоздать в памяти образ моего отца, оживить его – хотя бы в моем сознании. Я хотела избавиться от воспоминаний, захлестывавших меня всякий раз,

когда я видела счастливых родителей, катящих коляску с младенцем, или отца, играющего в мяч со своим ребенком. А эти мрачные сумерки между сном и пробуждением!.. Конечно, успокоить мою память об отце – это еще полдела, но я надеялась, что это станет хорошим началом. Спотыкаясь о камни и жесткие стебли растений, я проходила могилу за могилой, читая имена мужчин, женщин и детей, чья смерть, возможно, значила так же много для их друзей и семей, как мой отец для меня. Я выдернула засохший куст, который заслонял могильный памятник. Едва различимая надпись, датированная 1890 годом, открылась моим глазам: *«Он пришел в этот мир, ничего не имея. Ничего не имея, он покинул его»*. Разглядывая эпитафии на могильных камнях, я подумала, что многие из них могли бы подойти и для ныне живущих. Если это скромное кладбище – действительно место, где покоится прах моего отца, то, судя по всему, он не единственный, кто захоронен здесь, неотягощенный земными богатствами.

На кладбище преобладали небольшие гранитные надгробия, но было и несколько безымянных деревянных крестов. Когда-то они гордо возносились к небесам, а сейчас были свалены в кучу и более всего напоминали человеческие кости.

Волшебный аромат фиалок разливался в воздухе. Мой отец пах морем, а моя мать – фиалками... Сделав глубокий вдох, я запела мантру, которая еще в детстве помогала мне избавиться от страха. Успокаивающая мелодия напомнила

мне, что мой отец пах морем, потому что часами просиживал в кабаке у причала за карточной игрой, а не потому, что много плавал и соленые морские ветры обдували его и играли его волосами.

Запах фиалок, казалось, исходил от могил. Я решила поискать, от какой именно, и под раскидистым вязом нашла то, что искала. Джесси Роберт Таггарт. 19 июня, 1935 – 11 августа, 1966.

Одиннадцатое августа, только четыре дня прошло после моего дня рождения – того, на который он не приехал. Сколько раз я обещала себе в любых ситуациях сохранять спокойствие, но клятву эту постоянно нарушала. Вот и сейчас созерцание этой скромной надгробной надписи подняло настоящую бурю в моей душе. Игорные клубы в Хот-Спрингс были закрыты в 1967 году – слишком поздно, чтобы это помогло Адмиралу. Цикады в траве продолжали петь свою песню; я опустилась на колени, с замиранием сердца вспоминая аромат его пиджака – море и хороший табак, – когда отец брал меня на руки и я прижималась к нему. Это напомнило мне прежние времена, когда я ощущала под пальцами толстую ткань отцовского пальто. Именно это прикосновение – еще, быть может, тепло его объятий – было связано с мыслью «отец приехал»; я прижималась к отцу, не желая думать о том дне, когда он снова покинет нас. Девственные, нежные фиалки пробивались сквозь буйно растущий на могиле сорняк. Я стала аккуратно выдергивать сорную траву,

освобождая цветы, и вдруг остановилась. Почему эти нежные фиалки выжили в этом нахальном бурьяне, и вообще, кто посадил их здесь?

Казалось невероятным, что мать предприняла путешествие, чтобы навестить могилу отца, во всяком случае, после того, как она решила скрыть от меня истинные причины его исчезновения. И все же, вдыхая этот запах, неотрывно связанный с ней в моем сознании, хотелось думать, что она все-таки побывала здесь.

Когда цены на фиалки резко подскочили, многие производители стали использовать синтетические суррогаты, но моя мать отказывалась приобретать такие духи, пользуясь только натуральными. Даже снобы от парфюмерии соглашались, что молекула синтетического аромата полностью идентична натуральной и что разница в запахах неуловима, но я нашла природный ингредиент, который ни один ученый не сможет воспроизвести в лабораторных условиях. Матери не было дано природой такое уникальное обоняние, как у меня, но она обладала другим талантом – стремлением дойти до корней в познании истины, поэтому и сумела отличить суррогаты от натурального запаха.

Я разглядывала даты на памятнике моего отца, уговаривая себя, что нужно принять случившееся, каким бы горьким оно ни было. Но именно в этот момент ко мне пришло твердое убеждение, что здесь что-то не так. Аромат моей матери витал над могилой отца, но я не чувствовала *отцовско-*

гоприсутствия. Напротив, я была совершенно уверена, что это не его тело лежит под могильным камнем и фиалками.

Что-то внутри меня упорно отказывалось поверить, что он покончил с собой. Острое чувство жалости и любви к отцу пронзило меня под старинными вязами, при тревожном стрекоте цикад. И так, я поняла, что Бу был не прав, рассказывая мне о смерти отца, но если правдой было то, что он рассказывал о покупке дома, значит, Адмирал любил нас, а это для меня важнее всего остального.

Прохладный ветерок бесшумно обвевал мою шею. Легкий шорох листвы слышался среди могильных плит, становясь более отчетливым в те мгновения, когда стихал, будто прислушиваясь к чему-то, хор цикад.

Хору звуков сопровождал оркестр ароматов: благоухание дикой жимолости звучало подобно высокой скрипичной ноте, нахально требуя, чтобы все внимание было приковано лишь к ней, в то время как фиалки на могиле моего отца звучали сдержанно; их неповторимый аромат, скромный и устойчивый, доходил до самого сердца. Но доминировала мелодия сырой плодородной земли, ставшей последним приютом для бесчисленных человеческих тел.

Сладковатый запах земли вызывал из небытия призраки прошлого и воскрешал утраченные надежды. Смешанный с запахом фиалок, он рождал удивительное ощущение – я почти реально могла обонять аромат табачного дыма, который исходил от моего отца, и слабый, все время ускользающий,

как бы насмежавшийся надо мной запах моря.

Увядший лист, упавший мне под ноги с кизилового дерева, привлек мое внимание. Лист этот, кружась на ветру, упал рядом с забытой могилой, чтобы обрести наконец вечный покой. Гладкий плоский могильный камень едва выглядывал из заросшей бурьяном земли; если бы не лист, я бы и не догадалась, наверное, что здесь когда-то была могила.

Я долго смотрела на камень; его скромный привет так тронул меня, что я начала дрожать. Если бы я знала правду тогда!.. Я безуспешно старалась успокоить себя, но слезы, как я ни сдерживалась, хлынули из глаз. Радости и печали последних дней, известие о смерти отца и то, что причина этой смерти так и осталась неразгаданной, – все это многократно превышало мои моральные силы. Глубокая печаль разлилась во мне, и я зарыдала.

Немного успокоившись, я вынула из кармана носовой платок, вытерла слезы и почувствовала внезапное головокружение то самое, что сразило меня в аптеке. Ветерок прекратился, и я начала задыхаться. Неведомо откуда появилось яркое горячее солнце, запах жимолости усилился. Я старалась глубже дышать, приспособившись к резкому изменению в окружавшей меня атмосфере. Вдруг сквозь аромат жимолости явственно проступил запах моря и хорошего трубочного табака. Я жадно вдыхала этот запах, знакомый мне так же хорошо, как мой собственный. Сердце бешено колотилось, я увидела около оплаканной мной безымянной мо-

гилы неясный силуэт мужчины; его очертания были размыты ослепительным полуденным солнцем.

Неужели это мой отец?!

Я крепко зажмурилась и когда открыла глаза, яркое солнце исчезло, будто облако накрыло его, меня снова окружила влажная прохлада кладбища. Головокружение прошло. Запахи и видение исчезли.

Плохо понимая, что происходит, я в страхе бросилась через кусты и бурьян, придерживая руками подол, чтобы не мешал бежать.

Ошеломленная, я поехала домой. Телеграфные столбы мелькали, как сухие листья в бурю, белые линии дорожной разметки сливались в сплошное грязноватое дятно: я мчалась назад к Дэвиду. Только он поможет мне забыть мои страхи, он моя опора – какой в моем детстве был отец. Дэвид любит меня, он поддержит меня.

Я добралась до «Арлингтона», с трудом зарулила на стоянку в гараже и трясущейся рукой отсчитала арендную плату дежурному. Лифт, казалось, не опустится никогда. Добравшись наконец до нашего этажа, я побежала по коридору.

Комната 442. «Дэвид, пожалуйста, будь там!» – умоляла я, роясь в кошельке в поисках ключа от номера. Каким-то образом мне удалось отыскать ключ и попасть им в замочную скважину.

Слава Богу! В номере горит свет и слышно, как Дэвид плещется в душе. Душ это то, что мне нужно. Я смою все болез-

ненные воспоминания и забудусь в объятиях своего мужа.

Я кинулась в ванную. Клубы горячего пара обрушились на меня, едва я открыла дверь. Пар прикрывал зеркало легкой дымкой, и моеотражение в нем казалось причудливым цветным пятном. От жары и духоты я начала задыхаться.

Сквозь пелену тумана я увидела Дэвида. Его глаза были закрыты в экстазе; сидя на краю ванны, он держал в объятиях женщину. Всякий раз, когда он толчками входил в нее, ее длинные светлые волосы вздрагивали подобно влажной спутанной гриве. Вздываясь подобно необузданному жеребцу, напрягая каждый мускул в сладострастной ярости, он поднимал ее все выше и выше. Его собственные волосы, обычно безукоризненно уложенные, были спутаны и растрепаны. Совершив заключительный толчок, он, содрогаясь всем телом, издал дикий вопль, и его прекрасное лицо тут же приняло тупое, безразличное выражение.

Приглушенные временем, картины прошлого кружат в моей памяти, обернутые каждая в свой аромат: «Поло колон», наше с Дэвидом любимое мыло, которым были намылены их сплетенные тела, аромат гардении, который я почувствовала днем раньше.

Все наши последние ночи. Упорное нежелание Дэвида сообщать точное время своего возвращения. Все, оказывается, имело вполне определенную разгадку. А я-то, дура, думала, что, заурядная внешне и чувственно, смогу удовлетворить такого мужчину, как Дэвид. Теперь я узнала – о, как мучите-

лен был момент прозрения! – что мой ненасытный муж удовлетворял свою страсть с другой женщиной, а не со мной.

Я, шатаясь, вышла из комнаты. Дэвид что-то кричал мне вслед, его хриплый голос, казалось, проникал повсюду. Слезы заливали мои глаза, и узор ковра, лежавшего на полу, расплывался в причудливую какофонию цветов. Я уронила свой кошелек, но не остановилась, а продолжала идти. Какая же я дура, если раньше не разгадала Дэвида! Неужели я ослепла от любви и не могу видеть правду? Всю жизнь я восхищалась своей матерью, стоицизмом, с которым она переносила жизнь без папы, всегда хотела быть хоть немножко похожей на нее. Словно студентка, прилежно копирующая своего преподавателя, я вышла замуж за подобие своего отца.

Я добежала до лифтов и стала нервно давить на кнопку, но двери упорно не открывались. В отчаянии я прислонилась к стене. Все, во что я верила, на что надеялась в этой жизни, было ложью. Семья, любовь – все оказалось жестоким обманом, все рухнуло в один момент. Я вынула носовой платок и поднесла к лицу.

Рыдая в платок, пропитанный волшебным ароматом, я потеряла сознание. Темнота начала обволакивать меня, предлагая мне спасение в ином мире – лучшем, чем тот, что окружал меня до сих пор.

В этот момент я еще помнила резкий запах, который сопровождал совокупление Дэвида с его любовницей, но уже не имела ни сил, ни желаний что-либо предпринимать. Я

чувствовала, как меня уносит куда-то далеко на мягких крыльях волшебного аромата, яркие цвета ковра мертвели. Глухой удар закрывающихся дверей лифта – последнее, что я помню.

* * *

Меня уносило куда-то непрерывными уверенными толчками. Хотя это были, скорее, энергичные покачивания, почти приятные, подобные тем, что испытывает, наверное, ребенок в колыбели. Вдруг это движение прекратилось, видимо, кабина лифта добралась до нужного этажа. Двери открылись.

Я приподняла одно веко, и убийственной силы удар немедленно обрушился на меня. Правый хук был нанесен классным боксером, и некоторое время я лежала неподвижно, пытаясь унять страшную боль, пронзившую меня, потом снова открыла глаз. Только один: я, кажется, окривела. Передо мной стоял негр в одежде невероятных размеров.

– Откуда ты взялась? – спросил он, с удивлением глядя на меня. – Я думал, все вышли на последнем этаже.

Я не понимала, о чем он говорит. И, потрясенная происходящим, дрожащими руками принялась расправлять складки на моем легком летнем платье. Кабина с великолепной стеклянной дверью и сверкающими латунными поручнями была явно не та, которую я помнила. Как я здесь оказалась?

Воспоминания о Дэвиде пронзили меня острой болью. Пар, струящийся по двери ванной, глаза, закрытые в экстазе, – он достиг, очевидно, таких вершин блаженства, каких никогда не знал со мной; его рот в тот момент был слегка приоткрыт, расслаблен в пароксизме страсти; а ведь Дэвид всегда так умел контролировать себя! Я пулей вылетела из лифта, сопровождаемая удивленным взглядом дежурного.

Лица незнакомых людей, толпившихся около лифтов, мелькали передо мной как в тумане. Реальность была нечеткой, будто потусторонней, и это мешало мне сосредоточиться. В толпе все выглядели одинаково, лица перемешались, образовав однородную серую массу.

Потрясенная, я выбежала из гостиницы, не думая о том, куда направляюсь, лишь бы быть подальше от Дэвида и ужасной сцены там, наверху.

– Вызвать вам такси? – Плотный мужчина в старомодном костюме в полоску стоял передо мной. Я кивнула и полезла в карман за кошельком.

– Нет, не нужно такси, – пробормотала я, обнаружив пропажу.

– Вы остановились здесь?

Я взглянула через плечо на импозантный фасад «Арлингтона».

– Уже нет.

Он пристально посмотрел на меня.

– Вы выглядите неважно, детка. Может, отвезти вас в

больницу? Ведь вы приехали в Хот-Спрингс ради целебных ванн, не так ли? – Не спросясь, он взял меня под локоть.

Он, разумеется, не был служащим отеля, для этого он был слишком старомодно одет; к тому же я заметила, что швейцар неодобрительно хмурится, глядя на него.

Покачав головой, я попробовала вырваться из его потной ладони, но споткнулась. Мощная рука незнакомца удержала меня на ногах; так, в обнимку, мы сделали несколько шагов.

– Каждый из приехавших сюда, на воды, имеет свою болячку. Ревматизм, боли в спине, слабые кишки. – Он пожирал глазами мои голые ноги и вырез на платье; его голос начинал дрожать. – Еще невралгия. А что у вас?

Разумеется, его не интересовали мои семейные проблемы. Невралгия. У меня, слава Богу, не было ни невралгии, ни неврита, но из рекламы аспирина я знала, что это распространенный и мучительный недуг.

– Невралгия, – буркнула я. Потрясение, пережитое мной, и боль, которую я испытывала сейчас, давали мне право на эту ложь.

Он улыбнулся, и его густые бакенбарды будто распушились.

– О, это поддается лечению; но я знаю только одного человека, который сможет помочь.

Усатый незнакомец, обладатель старомодного костюма и жилета, проигнорировал мои бурные протесты.

– Бесплатная еда и поездка по самым горячим минераль-

ным ваннам в городе... Убирайся, она занята! – Мой добровольный сопровождающий неожиданно выпятил грудь, оскалив зубы.

– Ты на моей территории, Скайлз! – зарычал неизвестно откуда взявшийся другой человек, хватая меня за руку.

Одержав победу в ходе оживленного обмена мнениями, Скайлз наконец обратился ко мне.

– Прискорбный инцидент, дорогая леди, – сказал он, вновь сцапав мою руку. – Я настаиваю, чтобы вы немедленно проследовали со мной в клинику доктора Леммингса. – Еще крепче сжав свою лапу, он повел меня к тротуару.

В этот момент я почувствовала, что волна головокружения снова накрывает меня. Я огляделась вокруг, ища какой-нибудь затененный уголок, чтобы присесть и решить, как избавиться от назойливого кавалера и дать покой голове и сердцу, как вдруг еще какой-то мужчина появился перед нами.

Его зеленые глаза пристально смотрели на меня из-под фетровой шляпы. Я замерла в ужасе, узнав эти глаза. Я видела их прежде, в прежнем своем бреду. «Неужели он все время следил за мной?!» мелькнула безумная мысль. Он постоял секунду, затем, чуть коснувшись макушки своей шляпы, пошагал дальше.

Когда он удалился, спасительная мысль мелькнула у меня: быть может, все эти люди – актеры, которые своими костюмами хотели поразить Хот-Спрингс по случаю какого-ни-

будь карнавала? Я огляделась вокруг и увидела людей, так же старомодно одетых, – неужели и туристы присоединились к актерским забавам? Лечение больных со всего света было когда-то хорошим бизнесом здесь. Быть может, какой-то умник из местных вспомнил об этом и решил таким образом привлечь туристов?..

– Пойдем, – грубо сказал Скайлз. Игнорируя мои протесты, он потащил меня к краю тротуара, где несколько старинных автомобилей рычали, выгружая пассажиров в таких же карнавальных костюмах.

Мое дыхание становилось более частым и затрудненным, а голова раскалывалась. Я прекрасно чувствовала себя в летнем Хот-Спрингс – разве что проклятая жара немного мешала, – но почему-то покинула тот город и никак не могла вернуться обратно.

Мальчишка-продавец сунул мне газету прямо в лицо. Я взглянула на дату. Там стояло: 31 июля, 1926 год.

Я прищурилась, снова и снова вглядываясь в эти цифры. Ошибки не было. Что это, тоже элемент карнавала? Я сошла с ума или мне снится все это?

Всюду, куда ни падал взгляд, были такие же старинные здания, автомобили, одежды. Даже запахи не те, что были связаны в моем сознании с местом под названием Хот-Спрингс. Но если это не Хот-Спрингс, то где я?..

Спазм, подобный тому, что я испытала раньше под воздействием жары, выдавил воздух из моих легких. Уже по-

что без сознания, я всем телом навалилась на Скайлза, пытаясь не упасть. Автомобиль экспонат музея истории техники – тормознул поблизости, громко зазвучал гудок. Вышел водитель, открыл дверь и, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, ждал, когда мы сядем. Я вцепилась в пальто Скайлза, чувствуя, что сознание покидает меня.

Я разгребала темные тучи, упорно пытаюсь подняться из черного небытия к свету. Постепенно приходя в сознание, я сначала почувствовала, что раздета, потом заметила окружавшие меня грязновато-желтые стены; в нос ударил крепкий запах мочи. Потом я начала различать другие запахи и поняла, что нахожусь где угодно, но только не в «Арлингтоне». Но как я попала сюда, как оказалась на жесткой кровати в комнате, больше похожей на контейнер? Мои последние воспоминания были связаны с человеком, которого звали Скайлз. Я помнила, что он пытался отвезти меня к доктору, но лицо его заслонил образ незнакомца с зелеными глазами.

Муха, вероятно, слишком тяжелая, чтобы подняться в воздух, прогуливалась по моему носу, словно по проспекту. Я хотела поднять руку, чтобы смахнуть насекомое, но что-то мне помешало. Попробовав пошевелиться, я к своему ужасу обнаружила, что крепко привязана к кровати туго натянутыми кожаными ремнями.

Головокружение еще мучило меня, мои мысли были такими же малоподвижными, как и мое тело, и я не могла про-

изнести ни звука. Зловоние аммиака, смешавшись с десятками других омерзительных запахов, терзало мой сверхчувствительный нос, тяжелый влажный воздух обволакивал меня, едва давая возможность дышать. В моей голове как тяжелые жернова прокручивались раздумья о том, на что похоже это удушье: то ли меня хотят утопить, то ли надевают на голову один из этих ужасных полиэтиленовых пакетов, от баловства с которыми матери предостерегают своих детей. Приступ клаустрофобии, который я испытала в это мгновение, был ужасен; к тому же я не могла двигаться.

Вдруг открылась дверь, пропустив в комнату слабую струю воздуха и высокого мужчину в чем-то грязно-белом. Я так задыхалась и так страдала от одиночества, что готова была благодарить судьбу за глоток свежего воздуха и за чье угодно общество.

– Мы проведем курс из двадцати одной инъекции мышьяка для лечения сифилиса. – Это были первые слова, которые я здесь услышала. Смех, похожий на скрежет железа по стеклу, раздался из его утробы. – Если мышьяк не убьет ее, это, скорее всего, поможет.

Сифилис? Мышьяк?..

– Прежде чем ей полегчает, она много раз пожалеет, что не выбрала другую профессию. – Это произнесла какая-то женщина, и оба вошедших весело рассмеялись; их голоса доносились до меня будто из другого мира. И вправду ли я нахожусь там? Мышьяк больше не используют для лечения, я

твердо помнила это. И почему эти люди решили, что у меня сифилис? Все это казалось невероятным.

– Сначала она была очень возбуждена; мы долго боролись с этим, – сказал мужчина, все еще трясаясь от смеха. – Принесите мне пиявки. Пустим кровь, и ей полегчает.

Послышались удаляющиеся шорох и скрип ботинок: какие-то люди спускались по лестнице. Мне оставалось только гадать, кто находится в соседних комнатах: я слышала только их стоны и тяжелые запахи, исходившие от их нездоровых тел. Дом ужасов; я с трудом повернула голову, надеясь, что они заметят мое движение и освободят меня.

Доктор в мятом белом халате склонился надо мной.

– Лежите-спокойно. Ваше состояние еще не стабильно; если бы вы были более осторожны, то не оказались бы здесь. – Он повернулся ко мне спиной и угрожающе загремел инструментами, лежавшими рядом на металлической тележке.

Поежившись от страха, я снова посмотрела вниз и обнаружила, что кто-то снял с меня всю одежду, заменив ее больничной рубашкой. Мои ноги и руки были обнажены; на пальце бледным пятном выделялся след от обручального кольца. Спинки моей кровати были чугунными, такие я видела на картинках, изображавших больницы времен первой мировой войны.

Газета!

Она была датирована 31 июля, 1926 года. Если газета была всего лишь частью декорации, которая должна убедить ме-

ня в реальности карнавального действия, тогда почему я нахожусь здесь одна среди этих ужасных людей? Нет, судя по всему, я попала в прошлое.

Но ведь это невозможно. Я будто попала в произведение какого-нибудь писателя-фантаста. Подключив все свое воображение, я, пожалуй, могла допустить, что каждого туриста каким-то образом нарядили в одежду двадцатых годов, но зачем меня поместили сюда, в это омерзительное место?!

Не выдержав арканзасской жары и испытав шок от измены Дэвида, я, очевидно, потеряла сознание, и сейчас лежу на больничной койке под прохладными простынями, но после теплового удара воображаю, будто нахожусь в прошлом. Такое объяснение выглядело вполне логичным и вполне правдоподобным.

Снова послышался скрип, и я увидела медсестру, несущую банку с водой, в которой, извиваясь, плавали пиявки. Галлюцинация это или нет, какая разница: испуг мой был вполне реальным. Я умоляла о помощи, но как это часто бывает в кошмарном сне, у меня не было сил произнести хотя бы слово. По бесстрастному лицу сестры милосердия я поняла, что она не снизойдет до того, чтобы заглянуть в мои глаза, полные ужаса.

Она поставила банку на стол неподалеку от меня; вода просто-таки кишела этими мерзкими тварями. Я снова резко дернулась, пытаюсь хоть как-то ослабить опутывавшие меня ремни, но убедилась, что привязана так сильно, что даже

глубокий вдох был бы для меня болезненным. Во мне поднималась паника, я задыхалась, но была не в силах отвести взгляд от проклятых пиявок.

Я тщетно пыталась пробудиться от мучившего меня кошмара. С ужасом и изумлением я наблюдала, как медсестра, на мгновение опустив руку в банку, проворно выхватила оттуда одного червя. Вода капала с ее кулака, когда она, достав извивающуюся пиявку, поднесла ее к моему лицу.

В комнате стояла невыносимая жара; она, казалось, становилась все нестерпимее, в то время как я обреченно наблюдала за приближающейся ко мне пиявкой. Внутри ее рта – если это отверстие можно так назвать – не разглядела зубов, но это было слабым утешением.

Медсестра пристраивала пиявку к моему виску. Почувствовав холодное прикосновение, я отпрянула, но так и не смогла предотвратить неизбежное. Почувствовав, как холодная скользкая пиявка приступила к своей кровавой трапезе, я пронзительно закричала и, отчаянно мотая головой, попыталась избавиться от пиявки.

– Заткните ей рот, – прорычал доктор сквозь стиснутые губы, которые у него были какого-то нездорового синюшного цвета. Медсестра отошла от меня и тут же вернулась с устрашающим кожаным ремнем, который напоминал намордник.

– Вы должны благодарить Бога, что Скайлз не отправил вас в «Государственную бесплатную лечебницу», – он явно

издевался надо мной. – Где пребывает большинство ваших товарок.

«Моих товарок?..»

– А здесь у вас даже отдельная комната, – продолжал он в том же тоне.

– Н-но я не могу заплатить вам, – прохрипела я в надежде, что моя неплатежеспособность освободит меня.

– Ваш счет полностью оплачен, – сказал доктор, выразительно подняв руку: на кончик своего мизинца он нацепил мое обручальное кольцо. Мои надежды испарились.

В то время как я тупо смотрела на кривую ухмылку доктора, дверь с шумом распахнулась, что немало удивило всех присутствующих. В дверях стоял мужчина, шляпа скрывала его лицо.

Луч надежды блеснул для меня. Возможно, пришло мое спасение. Если я все еще никак не могу пробудиться от этого кошмара или галлюцинаций, или еще чего-то, что мне сейчас трудно понять, – самым лучшим завершением будет появление преданного рыцаря в сияющих доспехах. Мой загадочный рыцарь сдвинул на затылок фетровую шляпу, и я увидела уже знакомые мне зеленые глаза человека, с которым столкнулась у отеля.

Быстрым взглядом он окинул меня всю – от пиявок на голове до кончиков пальцев голых ног.

– Для ваших опытов вам придется подыскать кого-нибудь другого, Леммингс, – сказал он спокойно. – Эта пациентка

подлежит проверке.

– Но я должен продолжить, сынок. Я не могу сейчас отпустить ее к вам. Я дал клятву Гиппократу. Лечить ее это моя обязанность. – Он посмотрел на меня заинтересованно и в то же время с отвращением. – Я не могу позволить ей продолжать сеять вокруг себя заразу, – он пожал плечами. – Одному Богу известно, сколько еще мужчин пострадает безвинно.

– Она поедет со мной, Леммингс. – Незнакомец боком протиснулся вдоль стены. Не глядя, он сгреб мою одежду и встал у меня в ногах. – Освободите ее от ремней... и удалите пиявку.

– Молодой человек, я не знаю, кем вы там себя возомнили, но вы мешаете мне заботиться о своей пациентке. – Голос доктора был резким и скрипучим и напоминал звуки, сопровождающие работу несмазанных шестеренок допотопных машин. Он угрожающе шагнул вперед. – Если вы откажетесь немедленно покинуть нас, я прибегну к помощи властей.

– Пожалуйста, – невозмутимо ответил мужчина. – Но полицейские наверняка примут мою сторону, когда узнают, каким образом вы приобретаете своих пациентов.

– Тебе-то что за дело?

– Использовать коммивояжера, чтобы обманным путем доставлять людей в вашу клинику, – это противозаконно.

Доктор улыбнулся.

– Даже, если бы вам удалось выстрелить из палки, – он кивнул в мою сторону, – и привлечь ее в качестве свидетеля,

что само по себе уже невероятно, у меня есть протекция; все схвачено и за все заплачено, парень.

– Тогда я обращаюсь в более высокие инстанции.

Не успела я моргнуть, как незнакомец, словно фокусник, достал пистолет и нацелил его на доктора Леммингса. Свет от единственной электрической лампочки, висевшей без плафона, блеснул на серебристой поверхности ружейного ствола.

– Снимите с нее эту пиявку. Немедленно.

Доктор Леммингс ослабил мои путы, затем быстрым движением оторвал пиявку. Я получила немалое удовольствие, заметив, как дрожала его рука, когда он опускал эту мерзость обратно в банку.

– Теперь шаг назад. Вы и медсестра. Мы уезжаем. – Он устремил на меня взгляд своих зеленых глаз и лукаво выгнул бровь. – Если, конечно, вы не мазохистка.

Я радостно закивала: в моем теперешнем положении перспектива поездки даже неизвестно куда с властным вооруженным незнакомцем показалась мне спасением. Мне хотелось как можно быстрее и как можно дальше уйти из этого ужасного места.

– Обнимите меня за шею, – приказал он. Я попробовала шевельнуть руками, но они были тяжелыми как свинец. Не дождавшись помощи, он легко поднял меня одной рукой, переложив оружие в другую.

Пока он нес меня, я уловила исходящий от него аромат.

Подчеркнутый удачно подобранным одеколоном, это был грубый запах, запах тревог и волнений. Я привыкла к «Полло», любимой марке Дэвида: этот аромат привносил элемент таинственности в наши взаимоотношения. Теперь я посчитала это одним из бесчисленных способов, которыми пользовался муж, чтобы ввести меня в заблуждение.

Я рассматривала моего спасителя, размышляя, какую тайну он хранит в себе. Было это его первое похищение или он уже проделывал подобные штучки раньше? Ведь он был так спокоен, когда держал на мушке доктора Леммингса.

– Подождите, он взял мое кольцо, – сказала я, когда мы подошли к двери.

– Грабим своих пациентов даже тех, которые еще живы, Леммингс? Да вы хуже гангстера! Давайте сюда кольцо.

Как только кольцо вновь заняло привычное место на моем пальце, мы вышли из комнаты и спустились в холл. Учтывая все обстоятельства, я должна была безумно радоваться уже тому, что вырвалась из рук ужасного доктора, а я вдруг вспомнила о своей одежде.

– Мой прикид никуда не годится.

– Что не годится?

– Прикид... – Я, покраснев до корней волос, пыталась объяснить, что мое платье слишком легкое и очень открытое на спине. Я устремила рассеянный взгляд в бесконечность, надеясь, что мой путник меня поймет.

Он перехватил этот взгляд и улыбнулся.

– Ничего смешного, – сказала я.

– Я и не утверждаю этого, – ответил он, поджимая нижнюю губу, чтобы удержаться от смеха. – Но вы предъявляете требования, не замолкая, говорите, забывая, что я уже довольно долго держу вас на руках. – Помогая себе ногой, он приподнял меня повыше, обернул полый своего пальто и направился к выходу из клиники.

– Благодарю вас, – сказала я со всей вежливостью, на которую только была сейчас способна. Испытания, так неожиданно свалившиеся на мою бедную голову, вконец вымотали меня, и я почувствовала, что все мои желания сводятся сейчас к одному – выспаться. Я даже не задумывалась о том, куда он несет меня.

Покачиваясь на его сильных руках, вдыхая пленительный аромат, исходивший от его кожи, я начала забываться.

– Еще раз благодарю вас, – промямлила я и добавила, ужаснувшись тому, что сорвалось с моих губ: – В знак благодарности я даже готова снять перед вами трусы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кто-то ласкал мои руки, мягко поглаживая их, нежно перебирая пальцы. Откуда-то издалека мне слышался низкий, тихий голос. И было странно, что в окружавшем меня царстве призраков и теней, этот голос показался мне хорошо знакомым.

Я спала, как мне казалось, несколько дней подряд. В моих снах присутствовали и другие голоса, говорившие на незнакомом мне диалекте, но я догадывалась, что это старое южное произношение. Несколько раз мне мерещился мой зеленоглазый незнакомец, он сидел подле моей кровати и рассказывал разные истории. Был ли в этих рассказах удачливый карточный игрок с такими же рыжими волосами, как и у меня, или мне только грезилось это?..

– Она, кажется, приходит в себя...

Я заставила себя открыть глаза, чтобы разглядеть того, кто произнес эту фразу, и столкнулась с пристальным взглядом моего зеленоглазого спасителя. Значит, не все видения были плодом моего воображения. Он появлялся в перерывах между сновидениями, его тягучий южный говор проникал и в мои беспокойные сны.

Он сидел с непокрытой головой – строгие линии его лица больше не были скрыты низкоопущенными полями шляпы; его темные волосы были растрепаны возможно, ветром, но

скорее откуда взяться ветру в этой безвоздушной стране? – это произошло, когда он снимал свою шляпу. Я приподнялась и задала вопрос тот, что обычно задают пациенты, очнувшиеся после беспамятства и горячки:

– Где я?

– Клиника доктора Тайлера. Лечение артритов и ревматизма.

У меня не было артрита, но это место выглядело значительно привлекательнее, чем государственная бесплатная лечебница, и уж, конечно, не было никакого сравнения с сумасшедшим домом.

– А доктор Л-лемон? Он здесь? – Он прыснул от смеха.

– Леммингс? Нет, его здесь нет. Я бы с удовольствием узнал, что он и ему подобные кормят сейчас акул где-нибудь в океане.

Я разделяла эти чувства. В комнате с традиционными для больницы мертвенно-белыми стенами было душно, но здесь я, по крайней мере, могла не опасаться пиявок. Я вздрогнула, вспомнив отвратительные сцены в клинике Леммингса.

– А какое сегодня число? – спросила я, облизывая губы, сухие и липкие одновременно.

– Пятое августа, четверг.

До моего дня рождения оставалось меньше двух недель! А куда делись целых четыре дня? Неужели я так долго была без сознания?

Я осмотрелась. Спинки кровати были старыми железны-

ми – такими же, как у доктора Леммингса. Все предметы вокруг меня – красиво оформленный глобус у окна, латунные дверные ручки – все не принадлежало времени, в котором я жила. Это были раритеты, и подлинность их не вызывала у меня сомнения.

Стала ли я жертвой жестокого обмана или просто сошла с ума?

– А какой год? – спросила я.

– Пятое августа тысяча девятьсот...

С замиранием сердца я ждала гласа судьбы.

Он пристально смотрел на мою грудь, учащенно вздымавшуюся от волнения, и я заметила характерный блеск желания в его глазах. А ведь я была одета в омерзительный больничный балахон... Да, это был настоящий мужчина!

– Год?.. – повторила я; мое дыхание учащалось под его раздевающим взглядом.

Он поднял глаза, и его брови саркастически изогнулись: заметив, как покраснело мое лицо, он, очевидно, решил, что последний вопрос – обычная шутка.

– Тысяча девятьсот двадцать шестой.

Я замерла на полувздохе. 1926. Та самая дата, что была обозначена на газете. Мое последнее отчетливое воспоминание относилось к моменту, когда я очнулась в кабине лифта. Старинные автомобили, и никаких современных удобств. Никаких видеокамер. Никаких багажных тележек с резиновыми колесами. Никаких неоновых реклам.

Все казалось до боли реальным. Здесь какая-то ошибка; я искала и не находила никаких свидетельств того, что меня кто-то обманывает или что все это сон. Неожиданное открытие, пронзительное и мучительное, вдруг свалилось на меня: я здесь *абсолютноодна*. Абсолютно одна, опутанная по рукам и ногам этим кошмаром – самым страшным и нелепым в моей жизни.

– Вы в порядке? – спросил незнакомец, слегка растягивая слова. Когда он не был вооружен, его голос становился волнующе нежным.

Я кивнула и уселась поудобнее, обхватив колени руками. Если я не сошла с ума, как мне казалось вначале, должно существовать логическое объяснение случившемуся. Я должна казаться равнодушной, пока не разберусь, что происходит. Я уже видела, как здесь обращаются даже с нормальными людьми. А что будет, если они решат, что я сумасшедшая?! Я вытерла потные ладони о простыни и попробовала собраться.

– При вас не было ничего: ни кошелька, ни чемодана. Никто вас здесь не знает. И никто не навещает, – мягко добавил он; его глаза скользнули по моей руке, остановившись на том месте, где я ношу обручальное кольцо.

Если он ожидал, что его слова огорчат меня, он ошибался. Единственный человек, который может разыскивать меня, – это Дэвид. Дэвид... Смешиваясь в отвратительный букет, ароматы «Поло колон» и гардении пробивались ко мне

сквозь духоту комнаты. Я вскочила как ужаленная, натянув простыню до подбородка; злоба и ненависть рвались из меня, как будто Дэвид уже стоял в дверях.

– Леммингс не найдет вас, – успокаивающе произнес мой спаситель. – Здесь вы в безопасности.

Я прерывисто вздохнула. Вспомнив эти запахи, связанные в моем мозгу с предательством Дэвида, я будто снова пережила недавнюю позорную сцену. Смогу ли я когда-нибудь составить духи, в которых использую аромат гардении, и не увидеть при этом ног другой женщины, обнимающих голое тело моего мужа? Вероятно, нет.

Нет, я не боялась появления Дэвида: я забралась так далеко, что ему не хватит целой жизни, чтобы найти меня здесь. Я подняла глаза и увидела, что незнакомец внимательно смотрит на меня, явно ожидая, что я назову себя, я решила вспомнить о хороших манерах и, протянув ему руку, сказала:

– Я Мэгги Вестшайр.

– Шиа Янгер. – Он явно не привык к женским рукопожатиям, потому что колебался секунду, прежде чем сжать мои пальцы своей крепкой рукой. Зная силу его взгляда – и то, с какой легкостью он хватается за оружие, – я думала, что его ладонь окажется грубой и мозолистой, но она была на удивление гладкой. Тепло этой сильной ладони с сумасшедшей скоростью разлилось по моему телу.

– Янгер? Почему-то мне знакомо это имя... – сказала я,

слегка волнуясь: я помнила жестокий блеск его глаз в ту минуту, когда он сжимал в руке пистолет. – Кажется, был такой гангстер?

– Мы с ним отдаленные родственники, – ответил он, выпуская мою руку. – Кстати, их группировка давным-давно перестала промышлять в этих краях.

– Это обнадеживает, – пробормотала я. – Объясните, почему вы вытащили меня из клиники Леммингса?

– Честные люди не имеют ни шанса против подонков вроде Скайлза и Леммингса. Я просто хотел устранить эту несправедливость.

– Значит, вы – добрый самаритянин.

– Считайте меня кем угодно, только не святым. – Его смех, глубокий, рокочущий, удачно дополнял образ крутого парня, произвольно складывавшийся в моем сознании. «Наверное, он действительно связан с бандой Янгера», – почему-то подумалось мне.

– Но вы, наверное, здорово рисковали, – заметила я вслух.

Он пожал плечами, повернулся к окну и, глядя куда-то вдаль, сказал:

– Возможно, но я не мог позволить этому проходимцу издеваться над вами. – Скулы его напряглись, челюсть выдвинулась вперед; у меня возникло подозрение, что он говорит не только обо мне.

– Неужели врачи до сих пор используют пиявки и мышьяк для лечения? – спросила я. Это казалось мне варварством

даже для 1926 года.

Шиа сердито щелкнул зубами.

– Большинство врачей давным-давно отказалось от кровопускания, но что касается мышьяка и ртути, их используют очень широко. Мы с доктором Тайлером когда-то обсуждали этот вопрос.

– Вы тоже врач?

– Я? – он удивился. – Не-е, просто интересуюсь.

Я попыталась осмыслить сказанное им: какой человек мог с такой легкостью направлять пистолет на одного врача, а с другим вести степенные разговоры о преимуществах тех или иных лекарственных средств?

– А вы не знаете, почему доктор Леммингс прописал мне мышьяк?

– Невралгия.

Невралгия. Опять это слово. Почему он не дал мне просто пару таблеток аспирина? Даже непрофессионалу – такому, как я, – понятно, что мышьяк для больного – нечто вроде оружия массового поражения.

– Около трети людей из тех, что приезжают на ванны, страдают... невралгией.

– Я даже не знаю, что означает этот термин, – призналась я.

– Я слышал, как вы сказали Скайлзу, что у вас именно это.

– Только для того, чтобы он оставил меня в покое.

Он засмеялся, широкая улыбка приятно смягчила твер-

дую линию его скул.

– Ладно, скажу. В Хот-Спрингс, дорогая, термином «невралгия» принято обозначать сифилис.

– О... – Мое лицо краснело все сильнее, по мере того как смысл этих слов доходил до меня. Скайлз пожирал глазами мое летнее платье – слишком открытое по сравнению со скромными одеяниями женщин в отеле. И Леммингс сказал, что я еще пожалею, что не выбрала другой профессии. Я уронила голову на руки, безуспешно стараясь скрыть смущение.

– Я не... – я искала деликатный термин для обозначения проститутки, – я не шлюха. – О Господи, это звучало еще ужаснее!

Все еще усмехаясь, Шиа сидел на краешке моей узкой кровати, его теплая ладонь поглаживала мое бедро, прикрытое лишь тонкой простыней. Скуластое лицо, жадные зеленые глаза... он был красив не той совершенной красотой, которой отличался Дэвид; но было в этом парне что-то, что привлекало меня не меньше. А может быть, и больше. Такой парень может долго плести вокруг женщины нежную паутину ласки, до тех пор пока она не погибнет в его объятиях. Один раз я попалась уже на такой обман.

– Медицина не знает ни одного абсолютно надежного способа лечения этой болезни, – объяснял он бесстрастным голосом, будто рассуждал о ценах на зерно. – Термотерапия дает неплохие результаты на европейских курортах, именно поэтому минеральные ванны сейчас так популярны. А ртуть

и мышьяк высасывают силы из людей, и если больные не умирают, то в какой-то момент начинают страстно желать себе смерти.

Я, конечно, вполне современная женщина – если иметь в виду именно *мое* время, – но я становлюсь безнадежно старомодной, когда разговор заходит о болезнях, передаваемых половым путем. Особенно если разговор этот приходится вести с почти незнакомым мужчиной, от близости которого тебе становится жарче, чем под солнцем Арканзаса в самый разгар летнего полдня.

– Почему же они не используют пенициллин? – наконец выдавила я из себя, обмахивая уголком простыни свое разгоряченное лицо.

– Используют что? – Он наклонился ближе, между бровями его обозначилась складка.

Я поняла – правда, слишком поздно! – что пенициллин, вероятно, еще не открыт. Ши пристально, с подозрением смотрел на меня; я почувствовала струйку пота между грудей. Я стала чаще дышать.

– Я от кого-то слышала об этом средстве, но не сама я... – Больше всего на свете я боялась, что он подумает, будто я имею личный опыт лечения этой зловредной болезни. Ши смотрел на меня с каменным выражением лица.

– Уверяю вас, я веду очень размеренную жизнь... – Мои нервы начинали сдавать, голос срывался на крик. – Я приехала сюда вовсе не из-за ванн... – Он продолжил смотреть на

меня. – Уменьянетникакогосифилиса... Господи! – Я содрогнулась, представив, как мои истошные крики разносятся по тихим больничным коридорам.

– Здесь все только об этом и говорят, – эхом раздался голос, пришедший, кажется, откуда-то снизу.

Я была полностью уничтожена. Испарина блестела на моих руках и шее, простыни и подушки, на которых покоилось мое бедное тело, можно было выжимать.

Зеленые глаза Шиа хлыстом стегнули по мне.

– У меня нет с-сиф... этого. Честно.

– Я знаю, – сказал он спокойно; усмешка скользнула по его лицу. – Я видел ваш анализ крови.

– Вы видели мою историю болезни?..

– Конечно. Сегодня утром я зашел в лабораторию выпить чашку кофе, и...

– Вы заходили туда только ради кофе?! – В обычных обстоятельствах я очень уравновешенный человек, – может быть, даже слишком. Но бывают ситуации похожие на ту, что возникла на днях, – которые приводят меня в бешенство. Более того, в такие минуты ко мне приходит неколебимая уверенность, что я имею полное право вести себя таким образом.

– Вы болтаетесь по комнатам, залезаете в картотеку с приватной информацией! – продолжала орать я. – И этот ваш... доктор Тайлер вам позволяет?!

– Я не обращался к нему за разрешением, если именно это

вы имеете в виду, – сказал Шиа, начиная сердиться.

– Неужели вы не слышали о праве пациента на конфиденциальность?

– Нет.

– Но это закон.

– Законы пишутся, чтобы было что нарушать, – спокойно ответил он.

– Нет, это *правила* пишутся, чтобы их нарушать, – настаивала я.

– Законы, правила – какая разница?

Его бесцеремонное отношение к закону поставило передо мной нелегкую задачу. После предательства Дэвида я не хотела иметь ничего общего с человеком, которому я не могу доверять.

– Я решила, что вы думали, будто я заразная.

– Я знал, что это не так.

– Но я не знала, что вы знали. – Широкая улыбка расцвела на его красивом лице.

– Какое вам дело до того, о чем я думаю? – Действительно, какое мне дело? – открыв рот от удивления, подумала я.

С разинутым ртом я выглядела, очевидно, крайне непривлекательно, но сейчас меня не заботило это. Я больная, а больные имеют определенные права. Хотя Шиа Янгер нарушил мое право на конфиденциальность, я помнила о другом своем праве, соблюдение которого зависело только от меня, – праве не заботиться о своей внешности.

Его следующие слова застали меня врасплох.

– У вас очень необычный цвет кожи. Особенно когда вы краснеете.

Права больного были мгновенно забыты, мой рот захлопнулся, как шторка в фотоаппарате. Этот парень принесет мне одни неприятности, я уже знала это; но это знание заставляло чаще биться мое сердце.

Дура, однажды я уже гуляла по этой кривой дорожке. Я нервно крутила обручальное кольцо, вспоминая свой бурный роман с Дэвидом. Взглянув на Шию, я улыбнулась, изо всех сил сопротивляясь его обаянию.

Как будто прочитав мои мысли, он протянул руку и мягко уложил на место прядь волос, падавшую мне на лицо, потом поднялся, полностью заслонив окно своим могучим мускулистым торсом.

– Я пойду скажу доку, что вы очнулись.

– Жду, – сказала я, протягивая руку, чтобы хоть на мгновение задержать его. Мои пальцы скользнули по рукаву его пальто, и я вздрогнула, будто что-то подтолкнуло меня изнутри: пальцы помнили эту грубую ткань!

– А мы с вами не встречались где-нибудь раньше?

Он нахмурился.

– Я первый раз увидел вас тогда, у отеля. – Тыльной стороной ладони он легонько коснулся моей щеки; я по достоинству оценила ласку нежных, как пух, волос, покрывавших его запястье. Его губы тронула усмешка, когда он перехватил

мой взгляд. – А встретив, я бы непременно запомнил тебя, красавица.

Он по-военному повернулся на каблуках и мгновенно исчез; мне оставалось только покорно ждать его возвращения.

– Янгер утверждает, что вам неправильно поставили диагноз. – Доктор Тайлер внимательно разглядывал меня сквозь толстые стекла очков. Он обладал широченными плечами и бочкообразной грудью. Его кустистые брови, выдававшие упрямый характер, топорщились над металлической оправой очков. Он долго осматривал меня и наконец, оттянув мне веки своими толстыми, как сардельки, пальцами, буркнул себе под нос:

– Хороший цвет. Никакой анемии.

Я хотела было высказать ему все, что думаю по поводу того, что Ши Янгер рылся в моей истории болезни, но прежде чем смогла заговорить, он воткнул мне в рот шпатель и попросил сказать «А-а-а». Ну, могло быть и хуже. По крайней мере, здесь не было пиявок и мне не грозили мышьяком. Я выдала ему великолепное «А-а-а».

Он ухмыльнулся и вытащил железяку из моего рта. Когда доктор Тайлер появился в дверях, показалось, что его плечи придавил груз прожитых им долгих лет; сейчас, приглядевшись, я заметила что его синие глаза даже сквозь толстые стекла очков светятся на удивление ярко. Он погрел наконечник стетоскопа в своей пятерне, но все-таки я покрылась мурашками, когда холодный металл коснулся моей ко-

жи. Все было так же, как если бы передо мной был мой личный врач. Правда, глядя на стетоскоп, я отметила, что некоторые медицинские инструменты за прошедшие годы не пертерпели никаких изменений.

Закончив осмотр, доктор уложил меня на спину.

– Ваша лихорадка прошла. Лаборатория не выявила спирохету реакция Вассермана отрицательная.

Для меня в моем незавидном положении было очень важно, что это заключение прозвучало из уст специалиста. И хотя Шиа уже говорил, что со мной все в порядке, это авторитетное подтверждение того, что я не сифилитичка, обрадовало меня.

– Вы сможете помочь мне? – спросила я все еще с тревогой в голосе. Но тут же сообразила, что ответить на этот вопрос для доктора Тайлера затруднительно, ведь он не знал о моих обмороках, галлюцинациях, головных болях, и я была готова рассказать об этом. Но как сообщить ему о главном: о том, что я прибыла из будущего?

– Видно будет. – Он наморщил лоб, размышляя; его густые брови почти закрывали стекла очков. – Налицо признаки интоксикации, причин которой я не могу понять. Вы не могли отравиться чем-нибудь?

Я не могла припомнить ничего подобного и отрицательно покачала головой.

– Имеется ли какой-нибудь симптом, который постоянно сопровождает эти ваши... припадки? Расстройство желудка,

потеря памяти?..

Подозревая, что он намекает на мое душевное помешательство, я быстро ответила:

– Нет.

Он также быстро кивнул и продолжил свой опрос.

– Я вижу, что вы замужем, – сказал он, указывая на мое обручальное кольцо. – В семейной жизни неизбежны конфликты. Многие проблемы связаны именно с этим.

Я удивилась, как мог он догадаться о моих семейных проблемах. Вспоминая об измене мужа, я все еще чувствую озноб и боль; такую испытывают, наверное, от удара кнутом. Но ведь первое потрясение я испытала раньше, за день до того, как узнала о неверности Дэвида. Я снова покачала головой.

– Мой брак сложился неудачно, все уже практически кончено, но я думаю, что дело не в этом.

– Тогда, быть может, какие-то другие переживания?

Я вернулась мыслями туда, в аптеку. Тот день был необычайно жаркий, но в музее работал кондиционер... Незадолго до припадка, который со мной там случился, я нюхала какой-то порошок... Ну и что: за свою жизнь я перенюхала десятки тысяч различных снадобий – это же моя профессия! – и без каких-либо серьезных последствий.

Но память моя упорно возвращалась к этому порошку. Я чувствовала его запах, когда ожидала лифт; этот аромат окружал меня, когда со мной случилась эта непонятная исте-

рика последнее, что я помню перед тем, как очнулась в этом странном месте.

Мой носовой платок! Этот запах исходил от порошка, который остался на моем носовом платке, после того как я вытерла им прилавок в аптеке. Бог мой, здесь, наверное, и зарыта собака! Когда я в последний раз вдохнула этот злосчастный порошок, концентрация его оказалась достаточной, чтобы я потеряла сознание. А теперь мне кажется, что я нахожусь в прошлом. Я выпрямилась, удобнее усевшись на своей кровати.

– Есть кое-что, – начала я. Доктор Тай-лер придвинулся ближе и наклонился вперед, так что я увидела свое отражение в его очулярах. – Я нюхала какой-то порошок.

– Что за порошок? – спросил он.

Я судорожно размышляла о том, какие компоненты следовало использовать, чтобы составить подобный аромат.

– Я не знаю, что это такое, запах был очень необычный.

– У вас не найдется хотя бы чуточку этого порошка?

– Нет, но запах остался на моем носовом платке.

– А где ваш платок?

– В кармане моего платья. – По крайней мере, он был там, когда я вошла в лифт.

– Но когда мистер Янгер привез вас сюда, на вас ничего не было.

– На мне было платье, когда он меня выкрал! – Я заморгалась. На мне были также очень откровенные трусики на шнур-

ках, но о них я решила не упоминать. Я вспомнила мои последние слова, перед тем как я потеряла сознание на руках у Шиа, и краска залила мое лицо.

– Я попробую найти ваше платье, миссис Вестшайр, – пообещал доктор Тайлер. – Он, вероятно, положил его куда-нибудь. – Доктор поморщился, что-то бормоча себе под нос. Я почти уверена, что он произнес: – Это не в первый раз.

– О, – это все, что я могла вымолвить. Если я правильно поняла доктора, я далеко не единственная женщина, которая лишилась своей одежды из-за Шиа Янгера. Пытаясь скрыть краску, заливавшую мои щеки, я накрылась простыней. Я, конечно, понимала и раньше, что Шиа отнюдь не образец нравственности, но это не спасало меня сейчас от желания убить его на месте. Немного утешало то обстоятельство, что я имела благопристойную причину быть раздетой в тот момент, когда Шиа похитил мои вещи; вряд ли у других его дам были подобные оправдания.

Доктор Тайлер сунул руки в карманы халата.

– Я попробую встретиться с Янгером, но даже если нам удастся вернуть ваш носовой платок, у меня нет подходящего оборудования, чтобы сделать точный анализ. А если мы выясним состав порошка, как найти противоядие?.. Если забыть об интоксикации, вы вполне здоровая женщина, к тому же вам сильно повезло.

– Каким это образом? – Я казалась себе такой невезучей!

– Интоксикация ослабила вашу иммунную систему лишь

ненадолго, никаких долговременных последствий! Но в этом случае сколь-нибудь длительный курс лечения с использованием кровопусканий и мышьяка мог бы убить вас. Шиа Янгер, вполне возможно, спас вам жизнь.

Мне повезло, и я осталась жива. Но почему же радость не переполняет меня? Все, о чем я думала, так это о том, какой бестолковой стала моя жизнь. Правда, такой она была и раньше, и я приехала в Хот-Спрингс в надежде изменить это. Но одно мгновение все превратило в какой-то кошмар. Когда неожиданные сюрпризы подстерегают тебя на каждом углу, где найти силы бороться с этим?

– Так как симптомы вашего заболевания медицине неизвестны, гомеопатия здесь вряд ли поможет, – продолжал доктор. – Так что единственное средство – трехнедельный курс горячих минеральных ванн для очистки вашего организма. – Он улыбнулся и протянул мне руку. – Пока это все, что я могу вам предложить. Мы начнем завтра.

Я рассеянно наблюдала, как он повернулся и вышел за дверь. Стоило ему уйти, как чувство острого одиночества навалилось на меня, и самообладание начало изменять мне. Я надеялась, что доктор убедит меня в том, что я больна и многое из того, что отпечаталось в моей памяти, лишь плод моего воображения; но его рассуждения о пиявках и мышьяке показали, что я была не права.

А все из-за этого дурацкого порошка. Каждый раз, когда вдыхала его, я теряла контакт с окружающим. Разбив бутыл-

ку в аптеке, я увидела своего отца – реального, во плоти. В 1926 году отец еще не родился, я знала это, но, может быть, в тот момент я оказалась в каком-нибудь другом времени и там встретила с ним?

После того как я обнаружила, что мой брак был фарсом, мне случайно вновь попался этот треклятый порошок. Неужели я окончательно запуталась в подлых ловушках прошлого, наивно поверила в обещание спасения, которое ждало меня там, за чередой лет, и махнула аж в 1926 год, почти за десятилетие до рождения моего отца? Если я не галлюцинирую и не сошла с ума, невозможно придумать никаких других разумных объяснений этим немощным дорогам, старомодной одежде, архаичным медицинским манипуляциям.

Тревога моя нарастала; я сидела, обхватив колени руками, и раскачивалась взад-вперед. Больше невозможно было отрицать того, что происходило вокруг меня. Каким бы невероятным это ни казалось, но понюхав этот злосчастный порошок, я провалилась сквозь трещину во времени.

Я перестала раскачиваться и огляделась, заново оценивая ситуацию. Время уходит. Я не могу больше оставаться здесь. Нужно вернуться домой. Не из-за Дэвида, нет! Я должна найти своего отца, и сделать это как можно скорее, пока не исчезло это мое умение путешествовать во времени. Я пыталась оттолкнуть эту мысль, но чем большие усилия я прилагала, тем сильнее она завладевала мной.

Что же мне теперь делать?!

Пульсирующая боль в моей голове все усиливалась. Если благодаря порошку я оказалась здесь, быть может, он поможет мне таким же образом вернуться обратно? Тогда мне следует как можно скорее раздобыть свой носовой платок. Очевидно, это моя единственная надежда на возвращение.

Я терзалась сомнениями, и неожиданная неприятная мысль вдруг зародилась в моей голове: как это уже много раз бывало в моей жизни, мое будущее сейчас зависит от кого-то другого. Если Шиа не принесет мой носовой платок, прежде чем состав потеряет свою силу, я останусь здесь. Навсегда.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Прошли сутки, а от неуловимого Ши Янгера не было известий. Я теряла терпение. Мне был нужен мой носовой платок. Немедленно.

Проведя эти сутки в запертой комнате, размеры и температура которой более всего напоминали сауну, я твердо решила в дальнейшем сама решать свою судьбу. Слишком долго я была игрушкой в руках других. Это означало, что каким бы безумием это ни казалось – мне следует самой разыскать свой носовой платок, до того как порошок потеряет свою волшебную силу, и попытаться вернуться домой. Я не могла больше сидеть и ждать, когда появится какое-нибудь разумное объяснение моих злоключений.

Я решительно поднялась и сунула ноги в шлепанцы. Мне бы не помешала хоть какая-нибудь одежда, но все мои помыслы были направлены на поиски моей собственной.

Я с трудом справилась с завязками своего больничного халата, проклиная того, кто прикрепил эту хлопчатобумажную канитель у самого воротника, тем самым наглухо драпируя фигуру, и решительно вышла из палаты. Достаточно я побыла безответной овечкой. Этоуже разрушило мою семью; теперь я буду вести себя иначе.

Направляясь через холл к офису доктора Тайлера, я решила, что уж коль скоро мне изменил муж, – а было бы логич-

но предположить, что Дэвид проделывал подобное не один раз, – лучшей мстью с моей стороны будет тоже пуститься во все тяжкие. Это будет очевидно увлекательно с хорошими мужиками, с плохими мужиками, и, конечно, с Шиа Янгером, которому я отвела место где-то посередине.

Благодаря сплетням и слухам, которые быстро распространялись по клинике, я имела кое-какую информацию. Одна из медсестер подслушала, как доктор Тайлер откомандировывал посыльного в меблированные комнаты, где обычно поселялся Шиа, когда приезжал в Хот-Спрингс. Кстати, если бы кто-нибудь вдруг вздумал поинтересоваться, где провел последнюю ночь Шиа Янгер, то узнал бы, что не в своей постели. Он вообще почти не появлялся дома.

Пока я торчала в этой дурацкой больнице, которая была центром по распространению сплетен, Шиа, вероятно, немало потрудился, снижая уровень холестерина по всему Хот-Спрингс. В конце концов это были бурные двадцатые годы, и это был город, который выжил благодаря карточным шулерам, гангстерам и бесчисленным любителям острых ощущений, которые им дарила полная соблазнов ночная жизнь этого города.

В отвращении я стиснула зубы. Не потаскуха, не любительница острых ощущений, я не могла понять, какая дьявольская сила забросила меня именно в эту историческую эпоху. Путешествие во времени вещь невероятная сама по себе, но уж если мне выпало такое «счастье», возникает во-

прос: почему я оказалась именно здесь и именно в это время?

Правда, можно дать одно объяснение... 1926 год почти десять лет до рождения моего отца; это слишком далеко, чтобы травить мне душу, но и достаточно близко, чтобы мне окончательно успокоиться.

Стараясь как можно выше держать голову, чтобы казаться очень решительной, что было весьма непросто, так как одной рукой все время поддерживала подол моего одеяния, я постучала в дверь, на которой красовалась табличка с именем доктора Тайлера. Чей-то голос пригласил меня войти. Открыв дверь, я поняла, что все мои приготовления были напрасны. Шиа Янгер объявился во всей красе. Зажмурившись, мой непутевый спаситель вдохновенно вальсировал по кабинету, держа в объятиях что-то белое. Протерев глаза, я с ужасом обнаружила, что это был медицинский скелет.

– Интересный выбор партнера, – сухо сказала я. Быть может, это сумасшедший дом, и я буйнопомешанная, как и все клиенты этого милого заведения? Шиа открыл глаза и усмехнулся.

– Моя танцевальная карта свободна до конца дня. Если вы готовы, я могу вас туда вписать. Думаю, мой теперешний партнер не будет возражать. – Он повернулся и галантно наклонил голову; его ослепительно белая рубашка поднялась пузырем, распространяя по комнате пьянящий аромат.

– Я не танцую. Я... я этому никогда не училась. Я... я недо-

статочно подвижна для этого. – Дэвид сказал как-то, что он единственный, кто рискует танцевать с такой клячей, как я. Разумеется, я не смела подвергать сомнению его высказывания.

– Даже если вы и не учились, это не имеет значения, когда речь идет о такой милашке, как вы.

«Милашка». Моя рука сама собой закрыла щеку, стараясь унять проступивший жар. Все повторилось снова: этот негодяй походя бросает комплимент, и я становлюсь податливым, беззащитным созданием! Что ж, это прекрасная возможность выработать иммунитет к подобным вещам: Дэвид, тот говорил в основном о себе.

– Эта больничная одежда мне очень идет, – нашлась я, – но было бы неплохо получить мое прежнее платье...

Мягкие волосы по-мальчишески спадали на его лоб. Шиа тенью скользнул мимо меня; ветерок, сопровождавший его движение, колыхнул подол моего халата.

– Вы еще пожалеете о том, что не воспользовались шансом пройти со мной тур вальса. Я не делаю таких предложений кому попало.

– Неужели? – усмехнулась я, скептически оглядывая скелет. – А мой носовой платок...

– Та маленькая разрисованная тряпица, что была у вас?

Я кивнула, мое нетерпение росло по мере того, как он и его танцевальный партнер щека к щеке скользили туда и сюда по комнате. Он сморщил нос и покачал головой.

– Я никогда не понимал, почему женщины носят idiotские вещички вроде вашего платка. На что можно употребить подобную ерунду?

Лицо мое горело от нетерпения. Если Янгер не перестанет тянуть время и не отдаст мне платок, я с превеликим удовольствием задушу его. С не меньшим удовольствием я заключу его в объятия, если он будет послушным мальчиком. Но Шиа, казалось, не замечал моих страданий: он кружился в танце, крепко держа своего партнера и мурлыча под нос какую-то до боли знакомую песню.

Наконец я узнала эту мелодию: Гершвин, «Обнимаю тебя». Мое раздражение исчезло, вслушиваясь, я старалась вспомнить, где прежде я слышала эту мелодию. Песни Гершвина более всего на свете любил мой отец. Он пел их мне вместо колыбельной – каждый вечер, который проводил дома, – и покупал пластинки с их записями – все, какие мог найти.

Пока Шиа напевал эту песенку, перед моим мысленным взором возникла старая эбонитовая пластинка на 78 оборотов; я как зачарованная слушала эту музыку долгими одиночными вечерами, когда отца не было дома, а мать, постоянно страдавшая изнуряющими головными болями, удалялась в спальню.

– Откуда вы знаете эту песню? – спросила я прерывающимся голосом.

– Услышал как-то во время игры в карты, – ответил Шиа,

все еще вальсируя. Солнечные блики лениво играли в его волосах, придавая им темно-каштановый оттенок. – Я, кажется, не могу отделаться от этой навязчивой мелодии.

Эта мелодия звучала и во мне, живо напоминая о том, для чего я ищу порошок. Если раньше я собиралась решать загадку моего прошлого, то теперь мне было необходимо восстановить свое настоящее.

– Глупо это или нет, но если мой носовой платок у вас, убедительно прошу вернуть его мне, – сказала я мягко.

– А как насчет тех прелестных трусиков, без которых вы оказались, когда я спасал вас? – В его глазах плясали чертики. – Наверное, вы их тоже хотите вернуть?

Земля будто поплыла у меня под ногами – я буквально кожей, почти как прикосновение, чувствовала на себе его взгляд. Его взгляд не просто раздевал, он, казалось, проникал сквозь кожу. Я почувствовала, как натянулись завязки моего халата, и старалась справиться с охватившим меня волнением. Стало очевидно, что передо мной завзятый сердцем, чье очарование губительно для женщин. Он всю ночь отсутствовал дома и наверняка общался с кем-то более очаровательным и теплым, чем медицинский скелет.

Обозлясь на самое себя, я стала придумывать, как достойно парировать его атаку, но тут открылась дверь и в комнату торопливо вошел доктор Тайлер. Его седые брови, прижатые проволочной оправой очков, напоминали буйно растущие сорняки.

– Вы здесь, Ши. Миссис Вестшайр давно ожидала вас. Она хочет получить свои вещи.

– Понимаю. – Ши, подмигнув, проделал невероятное па со своим партнером посредине комнаты.

Доктор Тайлер многозначительно прокашлялся.

– Я знаю, сынок, вы большой оригинал, но знаете, скелет, с которым вы танцуете, когда-то принадлежал мужчине...

– Что? – Ши застыл, споткнувшись о растопыренные ноги своего неизвестного друга. Нахмурясь, он отстранил от себя скелет и стал осматривать его на предмет определения пола.

– Мужчина, хм? – Он погладил скелет по черепу и галантно поклонился ему. – Это было хорошо, Мейбл... э-э, Мей... но только я не тот парень...

Ши быстро повесил скелет на крюк и запихал его руки, как в карманы, между ребрами.

Губы доктора Тайлера тронула легкая усмешка.

– Теперь относительно одежды миссис Вестшайр. Она хотела бы вернуть ее как можно скорее. Я не могу понять, для чего вы забрали одежду себе? – Он взглянул на мужской скелет и задумчиво постучал пальцем по подбородку. – Ваши экзотические привычки рожают у меня некоторые подозрения...

Ши недовольно поморщился.

– Нет? – продолжал доктор. – Я никогда не задумывался об этом, но кто знает... – Торжествующе взглянув на Ши, он

взял со стола свой медицинский саквояж и зашаркал к двери. – Да, еще одно, – сказал он, резко обернувшись. – Миссис Вестшайр нуждается в прогулках на свежем воздухе это входит в назначенный мною курс лечения. Никаких перегрузок – просто легкая прогулка где-нибудь поблизости. Вы сможете сопроводить даму, не учинив при этом какого-нибудь непотребства? – Доктор наградил Шиа многозначительным взглядом из-под своих стекляшек.

Шиа пристально посмотрел в мою сторону, раздраженность в его глазах постепенно исчезала, уступая место пленительному блеску.

– Док, разве вы не доверяете мне? Я буду вести себя как образцовый джентльмен.

Для любого, кто хоть мало-мальски чувствовал атмосферу беспечности, окружавшую Шиа, было ясно, что сделанное им обещание – сильное преувеличение, но доктор Тайлер, должно быть, был удовлетворен: он дружелюбно похлопал негодника по плечу и закрыл за собой дверь.

– Вы вовсе не обязаны нянчиться со мной как с младенцем, – сказала я, когда мы снова остались одни. Я могла доверить себя Шиа, но ненадолго, лишь бы только раздобыть свой носовой платок.

– А я, наоборот, не стал бы возражать. – Его глаза беззастенчиво разглядывали меня, в их зеленом таинственном омуте засветились волнующие меня огоньки, и я еще раз удивилась, почему эти глаза кажутся мне такими знакомы-

ми. Я противилась этой мысли, но было такое ощущение, что я знаю этого человека, что у нас было общее прошлое, а не только те пять дней, что прошли с момента нашей последней встречи.

– Нет, правда, – сказала я быстро, – когда я получу свои вещи, я буду счастлива. – Я не могу позволить себе быть увлеченной первым попавшимся мне красивым мужчиной. Хотя это было бы так естественно после измены Дэвида.

– Против собственной воли, Мэгги, вы не останетесь здесь ни одного дня, – сказал он спокойно.

Я посмотрела на свой непрезентабельный больничный халат и шлепанцы и почувствовала, что моя решимость испаряется. Я предприняла свои поиски, чтобы залечить раны прошлого, но пока что моя поездка привела к ужасным открытиям, которые я вовсе не собиралась делать: супружеская неверность Дэвида и возможное самоубийство моего отца. Я умудрилась испортить даже путешествие во времени, перескочив на несколько лет за дату рождения отца.

Страстное желание увидеть своего отца стало еще мучительнее. То, что начиналось как простое беспокойство, теперь переросло в болезненное ощущение, засасывающее меня в черную зияющую дыру. Нельзя давать этому чувству взять власть над собой.

Укрепившись в своем решении, я расправила плечи, но вдруг встретилась с пристальным взглядом Шиа.

– Я просто дурачу вас, мистер Янгер.

Высоко подняв голову, я повернулась и направилась к выходу. И сейчас меня не волновало мое хоть и закрытое, но рваное одеяние.

* * *

Я лежу на своей кровати; в комнате слишком жарко, чтобы ходить из угла в угол или жаловаться на жизнь, но мозги пока не расплавились, и думать можно. Я не знаю, как вернуть свой носовой платок, я даже не знаю, как вернуться домой, если удастся его найти; но я знаю твердо: поиски, которые стали теперь смыслом моего существования, не завершены.

Не более тридцати минут прошло с момента, когда Шиа постучал в мою дверь. Я ответила, и голос мой прозвучал неожиданно резко: все переживания последних дней выплеснулись в этом коротком звуке.

Из-за двери появилась рука, с нее свисало мое платье. Длинные, подвижные пальцы, высывавшиеся из-под платья, могли принадлежать только Шиа Янгеру. Сам Шиа не появился, и правильно сделал: во мне поднималась волна агрессивности.

Повесив платье на крючок, рука исчезла. Вскоре она вновь появилась, держа двумя пальчиками мои трусики. Забыв о духоте, я как ужаленная соскочила с кровати и вырвала их из волосатой нахальной лапы.

Затем появился носовой платок. Шиа размахивал им, как парламентар белым флагом. Я была готова на все, лишь бы получить обратно свое сокровище, поэтому расслабилась и, вздохнув, позволила ему войти.

С напыщенностью провинциального трагика он будто драгоценный подарок положил передо мной этот клочочек ткани. Знал бы он, сколько надежд связывала я с этой шелковой тряпицей! Осторожно я поднесла платок к лицу, чтобы ощутить до боли знакомый аромат, не желая, впрочем, перенестись в будущее прямо на глазах у Шиа. Не почувствовав никакого запаха, я судорожно прижала платок к носу, но запах хозяйственного мыла был единственным, который мне удалось различить. Таким мылом я никогда не пользовалась.

– Вы постирали мой носовой платок!

– Да, а что?

– Вы все погубили! – закричала я.

– Что погубил? – Он нахмурился.

– Нет, ничего. Не имеет значения. – В отчаянии я зажала платком одновременно нос и рот и стала глубоко дышать, желая оказаться как можно дальше от этого проклятого места, перенестись обратно в мое время.

Ничего не произошло. Никакого неземного света, никаких потусторонних голосов, ничего. Единственные образы, которые мне удалось вызвать из памяти, были до боли реальными: воспоминания о том, как я застала Дэвида с другой женщиной, о том, какое горе обрушилось на меня, и как я

рыдала в этот самый платок.

Я опустилась на кровать, все еще сжимая в руках бесполезный носовой платок. Отчаяние заполнило меня. Я не безумна и не галлюцинирую. Я потеряла единственную связь с будущим. Мне некуда идти. Я попала в ловушку прошлого.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– Да, я постирал все это. Это что, преступление?

Я тупо смотрела перед собой, теребя кусочек шелка. Это был мой лотерейный билет, шанс вернуться домой – один на миллион, но в припадке рыцарства Шиа выстирал платок и спустил в канализацию мое будущее.

– С каких это пор мужчины стали делать черную работу? – устало спросила я. – Или это специально для меня?

– Так учила меня моя мать, – он сказал это таким тоном, что я сразу поняла: шутить с ним можно о чем угодно, но мать его лучше оставить в покое.

Я потерла переносицу и виски, пытаюсь избавиться от головной боли, все еще терзавшей меня. Да, никогда мужчины не были такими рыцарями, как в эпоху, в которой я оказалась! Особенно это относилось к джентльменам с Юга, но Шиа, кажется, превзошел и их.

Я бросила носовой платок на кровать и свирепо посмотрела на Шиа.

– Какое вам было дело до моих личных вещей?!

Он швырнул мне мои туфли; они упали рядом с платком.

– Вы что, ожидали, что я принесу их вам на атласной подушечке?

– Разумеется, нет. – Представив себе Шиа, стирающего мое бельё, я рассердилась: было в этом что-то до неприличия

интимное.

– Я думал, что приличия требуют постирать личную вещь дамы, прежде чем вернуть. Хотя, – медленно проговорил он, – я не имею опыта в этих делах и могу ошибаться. – Его чувственный рот растянулся в усмешке.

Я скрестила на груди руки с видом судьи, выносящего смертный приговор.

– Если верить доктору Тайлеру, вас не в первый раз уличают в похищении женской одежды.

Его улыбка стала еще шире.

– Я не утверждал, что такого не случилось прежде; я сказал, что не имею достаточного опыта.

Я задержала дыхание и резко выдохнула, отбросив прядь волос, упавшую мне на глаза. Почему я впустую трачу силы – физические и душевные? Какое мне дело до этого парня?

Он поднял мои матерчатые туфли и принялся разглядывать их рифленые подошвы.

– Я долго пытался понять, где делают и кто носит такие туфли.

Решив, что он, вероятно, не видел раньше ничего подобного, я вырвала туфли из его рук.

– В Калифорнии таких полно, – поспешно сказала я.

– А-а, – улыбаясь, протянул он: Калифорния для него все равно что на Луне, и моя последняя реплика его успокоила.

– Я обещал доку периодически прогуливать вас на свежем воздухе. Мы могли бы начать завтра. – Он сделал шаг к две-

ри.

Я опустила глаза и кивнула. Место и время были мне безразличны. Я хотела назад, в будущее – или в любое другое время, лишь бы там был мой отец.

Кажется, Шиа был немного растерян: он снова подошел ко мне и мягко коснулся моей руки.

– Когда я осматривал ваши вещи, красавица, то обнаружил, что у вас нет денег. Признаться, я и сам сейчас немного в затруднении, но... всегда имеются способы быстро их заработать...

Я слегка вздрогнула, подумав о том, какие именно способы он имел в виду. Неожиданно я вспомнила о его пистолете. Он давно не демонстрировал его, но никогда не забуду, как страшен он был, когда направил свою пушку на доктора Леммингса.

– Нет, спасибо, – сказала я, нервно играя обручальным кольцом. – Думаю, я сама что-нибудь придумаю.

Не хватало мне еще связаться с типом, который презентовал Шиа этот пистолет. Я, конечно, была растеряна, но не настолько же...

Прогуливаясь по Центральной улице под благоухающими магнолиями и падубами – там, в своем времени, – я упорно пыталась представить себе, что происходило в этом городе до того, как современные лекарства поспособствовали разорению здешнего курорта; но я и вообразить не могла, что когда-нибудь мне «посчастливится» увидеть воочию те бла-

гословенные времена. Но сегодня это случилось, и первый вопрос, который встал передо мной, почему состоятельные люди и знаменитости различного масштаба стекаются в Хот-Спрингс, словно здесь медом намазано.

Завернувшись в простыню, словно в тогу, я вошла в комнату для водных процедур, курс которых прописал мне доктор Тайлер. Горячий пар клубился по всему помещению, словно туман над болотом. Банщица встретила меня у дверей, ее морщинистая черная кожа блестела от пота.

– Меня зовут Хасси, – сказала она с ярко выраженным южным акцентом.

– А я – Мэгги, – ответила я, но она уже повернулась ко мне спиной и начала регулировать краны в кабинке, отделанной мрамором.

– Снимите вашу простыню, милая, и встаньте там.

Крепкая, почти как тетя Джозефина, она работала быстро, и во всей ее фигуре сквозило то же упрямство.

Я неохотно отдала свою простыню и шагнула под неприглядное хитроумное сооружение. Разнокалиберные брандспойты подобно щупальцам свисали с потолка. Хасси подняла самый толстый – с длинным серебряным наконечником.

– Что это за устройство? – спросила я, стараясь скрыть волнение.

– Шотландский душ. Повернитесь.

Душ?.. Брандспойты были огромные. Казалось, ничто не заставит меня встать под это пыточное орудие.

– Это стимулирует циркуляцию в сосудах, – сказала она нетерпеливо, держа руку на кнопке, включающей эту адскую машину. Это выглядело ужасно.

– Может, нам начать с чего-нибудь полегче, – спросила я с надеждой, – например, с массажа. – Я взглянула на стоявший неподалеку стол.

Хасси перехватила мой взгляд.

– Здесь я делаю клизмы с минеральной водой. – Она улыбнулась, продемонстрировав свой беззубый рот. – Доктор Тайлер не велел ставить вам клизмы. Пока.

– Не везет мне, – вздохнула я, твердо пообещав себе сбежать отсюда до того, как это «пока» наступит.

– Может, вы хотите побывать в нашем лучевом кабинете? – Усмехнувшись, она кивнула в сторону стальной кабинки, освещенной электрическим светом. – Мы применяем это при артритах... и сифилисе, – добавила она, наблюдая за моей реакцией.

Господи, был ли тут хоть один, кто бы не был уже слышан об *этом*?

– Ерунда какая-то, недоразумение, – пробормотала я.

Держа брандспойт в одной руке, другой она попыталась развернуть меня кругом.

– Это наш самый мощный душ для обработки спины и ног.

– О-о, – уважительно протянула я. Эта экзекуция была, по-видимому, не самой страшной. Я подчинилась Хасси, и

тут же острая как игла струя воды впиалась в мои бедра. Когда моя кожа начала трещать по всем швам, и я готова была заорать как безумная, Хасси передвинула реактивную струю мне на спину, продолжая испытывать мое терпение. Неужели другие люди еще и платят за это? Куда древним китайцам с их примитивной пыткой водой! Их бы на выучку к Хасси....

– Кто сказал вам, что я больна сифилисом? Шиа? – крикнула я через плечо, стараясь не замечать зуда в спине. Она фыркнула и – о, радость! – перекрыла водяной поток.

– О, он был послушным больным, потому что первый раз появился здесь с пулей в ноге, и его, кажется, накачали тогда наркотиками, чтобы унять боль. Но я все-таки сказала, что если он не будет мне подчиняться, я прострелю ему другую ногу. – Определенно, мы говорили об одном и том же человеке!

Хасси подвела меня к медленно заполнявшейся ванне и, задернув занавеску, предложила лечь в нее.

– Она обязательно должна быть такой горячей? – взмолилась я, тронув ногой дымящуюся поверхность.

– Кипяток выгоняет яд из организма, – безапелляционно заявила она. Я вздохнула: порошок, частицы которого все еще находились в моем организме и были последней ниточкой, связывавшей меня с будущим, тоже был ядом. Я начала медленно погружаться в воду, пока она не дошла мне до шеи. Ванна цвета слоновой кости была такой длинной, что я не могла дотянуться ногой до бортика. Она заполнила три

небольших чашки горячей водой из крана и расставила их по краю ванны.

– Это чтобы выгнать всю гадость из организма, – пояснила она.

Я нервно сглотнула. Это был тот же самый сернистый состав, который мне предлагал Бу Макгрю – там, в аптеке. Бу сказал тогда, что эта вода лечит и снаружи, и изнутри. Я знала, что мой случай особенный, но все же залпом осушила одну чашку и принялась за вторую.

– Этот человек, я уверена, будет попадать в одну переделку за другой. – Она взяла в руки мочалку из люфы и присела на край ванны в облаке пара, вонявшего серой. – Но вы, я думаю, – его первая переделка, которая не потребовала ни хирургического вмешательства, ни бинтов.

– Сядьте, – приказала она. Я медленно приняла сидячее положение, размышляя о том, что или кто мог быть причиной других его переделок; в это время Хасси опустила мочалку в воду и начала надраивать мою несчастную спину. В ее руках люфа напоминала наждачную бумагу.

– Это чтобы удалить мертвые клетки, – пояснила она. Я до сих пор содрогаюсь, вспоминая, как Хасси обдирала мои плечи.

Когда, наконец, шлифовка моей кожи утомила ее, она повесила мочалку на пояс наподобие шестизарядного револьвера и ткнула пальцем в круглый металлический диск, блестящий над поверхностью воды у меня в ногах.

– Это вспениватель. Расслабьтесь. – Она отодвинула занавеску в сторону и исчезла.

Этот механизм – по-видимому, предшественник современных «джакузи» – противно застучал и стал обстреливать меня под водой пузырями; да, этот процесс очень напоминал стрельбу. Впрочем ощущение было приятное. Начиная понимать, что именно привлекает гангстеров и знаменитостей в Хот-Спрингс, я откинулась назад, постепенно вытягивая ноги, пока они не оказались под вспенивателем.

Я хотела уже блаженно закрыть глаза, но тут заметила провод, отходящий от вспенивателя куда-то за ванну. Я рывком поднялась. Мне с детства было известно, что нет ничего опаснее электрического кабеля, погруженного в воду. Перспектива быть убитой током в гидролизной ванне на девяносто галлонов не показалась мне приятной. Я осмотрелась, чтобы определить, есть ли безопасный, то есть не по влажному полу, путь к отступлению, и не нашла его.

Стиснув зубы, я осторожно отодвинулась подальше от вспенивателя и, нарушая инструкции Хасси относительно расслабления, следующие двадцать минут провела, держась мертвой хваткой за края ванны и умоляя электрического бога не убивать меня. Конечно, Шиа спас мне жизнь, я готова признать это, но приведя меня сюда, он, кажется, свел на нет все свои усилия.

Когда Хасси наконец вернулась, ее грубое «Подъем!» волшебной музыкой прозвучало в моих ушах. После того как

она вытерла меня и завернула в огромное махровое полотенце, я последовала за ней в большую комнату, где с полдюжины женщин лежали на столах, завернутые, подобно мумиям, в такие же полотенца. Воздух здесь был наполнен ароматом сосны, ландыша и эвкалипта, – видимо, их масла использовались в каких-то процедурах. Окна с толстыми рифлёнными стеклами, встроенные под потолком, были раскрыты настежь, но в комнате было жарко, как в сауне.

– Ваша кожа стала совсем розовой, – сказала Хасси, укладывая меня на стол. Даже красной, почти как ваши волосы. Могу поспорить.

Наши мнения совпали.

Хасси погрузила полотенце в кипяток и выжала его голыми руками. Затем одним концом этого горячего жгута она обернула мою ступню, а другим – бедро, туго связав их. В колене у меня затрещало, и я начала задыхаться.

«Горячо!» – хотела крикнуть я, но не проронила ни звука: жаловаться было опасно. Я хорошо помнила, что умудрилась сотворить эта дама простой мочалкой, и решила не будить лиха.

– Кипяток уничтожает яд, – повторила она. Голос ее звучал безжалостно, но я почувствовала, как она кладет мне на лоб влажную прохладную тряпочку.

– Как вы умудряетесь не сжечь свои руки? – спросила я, стараясь хоть как-то забыть о жаре, исходящей от полотенца, в которое я была обернута. Мне трудно было представить,

как можно всю жизнь проработать в таком пекле.

– Я занимаюсь этим двенадцать лет. Руки чувствуют жар, но волдырями не покрываются. – Она вновь погрузила тряпку в холодную воду и положила мне на лоб, заменив ту, которая уже нагрелась. – Вы труднее переносите жару, потому что вы рыжая. Вздремните чуток. Я вернусь через три четверти часа.

Заметив большие круглые часы, висевшие на стене, я быстренько вычислила время, когда она должна вернуться. Мне хотелось, чтобы это произошло не слишком скоро – во всяком случае, не раньше, чем мне удастся ответить на некоторые вопросы, неожиданно возникшие у меня.

Палящий жар полотенец начал наконец спадать, постепенно становясь мягким успокаивающим теплом, и тогда я подумала, что реплика Хасси о моих волосах напоминает мне о чем-то. Я попробовала вспомнить, о чем именно, но появилось только смутное ощущение, что здесь как-то замешан Шиа. Шутил ли он по поводу цвета моих волос?

Я перебирала в памяти те дни, когда он, сидя возле моей кровати, рассказывал всякие истории так, как если бы я в любой момент могла очнуться и ответить ему. Я думала о том, насколько он был добр ко мне, но – странное дело! – какая-то часть моего существа протестовала против этой мысли, против той эмоциональной связи, которая, как казалось, возникла между нами за эти дни. Он был тонким лучиком света во мраке душевных терзаний, его сильный, ласковый

голос помогал мне выжить в мире, заполненном кошмарными, болезненными снами, – мире, из которого так хотелось вырваться. Но что он сказал о моих волосах?..

Мне никогда не нравились мои волосы, я слегка комплексовала по этому поводу: люди всегда обращали на них внимание, независимо от того, нравились они им или нет.

Мои мысли лениво текли вспять во времени через туманное море воспоминаний, пока не добрались, наконец, до детства. Я полностью отключилась от окружающего, поэтому воспоминание было пронзительно ярким, будто все произошло только вчера.

Я увидела маленькую девочку, терпеливо смотрящую на дверь. Она ждала кого-то. Это ее шестой день рождения, и отец обещал, что обязательно придет домой и привезет подарок. На ней новое платье нежного синего цвета. Сидя на большом стуле с жесткой спинкой, она поклялась себе, что не откроет ни одного подарка и не попробует ни кусочка пирога, пока не появится папа. Солнечный свет струится сквозь стекла окна, и они сверкают, как алмазы, а комната подернута лучистой рябью. И даже когда стало темнеть и симпатичные алмазики потускнели, она не двинулась с места. Она будет ждать всю ночь.

Подарки остались нераскрытыми, пирог не съеденным, а маленькая девочка так и не перестала ждать.

Вскоре фотографии Адмирала исчезли с крошечного столика, где они покоились на любовно вышитой салфетке.

Каждый раз, когда раздавался стук в дверь, девочка нервно вскакивала, думая, что это отец. Черты его лица постепенно начали расплываться в памяти ребенка, но она навсегда запомнила его улыбку, которая проникала в душу и словно говорила: *«Явернусь. Ялюблютебя. Яне оставляютебя»*.

Однажды днем, когда девочка играла на улице, милая, ласковая женщина – это сразу почувствовала девочка, потому что ее собственная мама была очень сдержанной и строгой, – подошла к ней и погладила ее по головке. Девочке строго-настрого запрещалось разговаривать на улице с незнакомыми людьми, но эта леди смотрела на нее так, как когда-то ее отец как будто она была единственным ребенком в мире.

– Ты знаешь, почему твои волосы такого цвета? – спросила добрая леди.

Девочка ненавидела свои волосы, которые ей казались оранжевыми, как у куклы, и она сморщила нос и покачала головой.

– Ты счастливая, – сказала дама, крепко, даже слишком крепко, стиснув детские ручонки. – Очень у немногих такие рыжие волосы.

Ребенок удивленно смотрел на нее, размышляя, какое же это счастье иметь красные как морковь волосы? Но в глазах женщины было столько тепла, что ей хотелось верить. И девочка вспомнила то, о чем уже почти забыла. Ее папа тоже был рыжий.

Этот разговор должен был примирить ее с собственной внешностью, но где-то в глубине души девочка считала, что эта леди могла ошибаться. У этой доброй леди были голубые глаза и прекрасные светлые волосы, и ей трудно было понять страдания маленькой рыжей дурнушки! Время, когда отец был рядом, – единственное, когда девочка чувствовала себя счастливой.

А теперь, когда у нее нет даже этого, она никогда больше не будет праздновать свой день рождения – до тех пор, пока не пройдет это страстное до болезненности желание почувствовать на своих плечах ласковые сильные руки отца.

– Пора немного охладиться! – кричала Хасси, теребя меня за плечо.

Пока она разматывала меня, я тупо наблюдала, как стрелка на стенных часах с раздражающей точностью отсчитывает секунды. Я все жду, жду почти всю жизнь своего отца, чей образ терзает меня во сне и наяву – в минуты, когда я менее всего ожидаю этого.

Понемногу я начала приходить в себя, сны и воспоминания бледнели, по мере того как исчезал горячий кокон, обволакивающий меня.

Мыслями я вновь вернулась к воспоминаниям об Адмирале и о запахах, которые обычно сопровождали его появление. Соленый запах моря, смешанный с табачным дымом. Как ни старалась, за всю жизнь я так и не смогла вспомнить его лицо. Оно было чистым листом бумаги, подернутым ту-

манной дымкой, – листом, который я никак не могла заполнить.

И сейчас я твердо знала: я должна прекратить это пассивное ожидание и, приложив усилия, найти своего отца. Время неумолимо уходит.

Я присела на краешек стола и неожиданно почувствовала головокружение. Когда это состояние прошло, я открыла глаза и увидела многочисленные солнечные блики, преломляющиеся в клубах пара. Подобно этому бесформенному туману, время отделило меня от собственной эпохи, заманив в ловушку прошлого без надежд на спасение. Я увидела крошечную радугу, упорно пробивавшуюся сквозь туман. Таггарты всегда слыли везунчиками. Ныне я, как никогда, нуждаюсь в частице этого фамильного счастья.

На следующее утро меня разбудил какой-то шум: это кровать скрипнула под тяжестью человека, который сел на ее край. Испугавшись, я повернулась на бок и почувствовала рядом с собой Дэвида. Когда наши руки соприкоснулись, я вздохнула и жадно притянула его к себе. После ужаса пережитого близость сильного тела наполнила меня блаженным покоем. Я уловила, как он отвечает на мою ласку, и расслабилась в его объятиях. Все пережитое показалось кошмарным сном, и я наконец освободилась от этого кошмара. Теперь все будет хорошо.

Сжав ладонями его голову, я вытянулась, чтобы его губам было легче найти мои. Он ответил жадным поцелуем, и

тепло страсти разлилось по моему телу гораздо сильнее, чем обычно. В спальне было очень жарко, и быть может, поэтому чувство, охватившее нас, несло в себе какие-то новые ощущения. А может, повлиял мой кошмарный сон...

– Боже, что со мной было. Ты никогда не поверишь... – Медленно приходя в себя, я радовалась долгожданной близости со своим мужем, полной грудью вдыхая его аромат.

Я достаточно долго прожила с Дэвидом и до мелочей знала его запах; но запах, исходивший от мужчины, в чьих объятиях я сейчас находилась, не был запахом Дэвида. Я окаменела. Через мгновение мои широко раскрытые глаза встретились с ослепительно зелеными глазами Шиа Янгера.

– На Юге, дорогая, принято сначала хотя бы здороваться, но если в Калифорнии сразу приступают к делу, я всецело за. – Задыхаясь от страсти, сейчас он напоминал сорвавшегося с цепи зверя, Шиа жадно впился в мои губы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Шиа, казалось, был неутомим. Собрав все силы, я просунула руки между нашими телами, упершись ладонями ему в грудь. Чувствуя, как сердце его отчаянно бьется под моими ладонями, я безуспешно попыталась оттолкнуть его.

– Не с вами я целовалась, – задыхаясь, бормотала я. – Я думала, это мой муж.

Он откинулся немного назад ровно настолько, чтобы как следует разглядеть меня.

– Вы были чертовски нежны сегодня, красавица. – Голос Шиа, казалось, исходил из глубин его груди, так тяжело он дышал. – Ваш муж – счастливый человек. – И сел, пристально глядя на меня.

Я была верна Дэвиду и, пока не раскрылся его подлый обман, думала, что так будет всегда. Бешеный стук сердца теперь напомнил мне, что я, быть может, потеряла мужа, но не свое либидо. Формально я была все еще замужем, но я отнюдь не пуританка.

– Что вы здесь делаете? – спросила я, – довольно хрипло, потому что никак не могла успокоить дыхание.

Шиа в задумчивости поскреб по подбородку, на котором уже проступала суточная щетина. Минутой раньше, когда наши губы слились в экстазе, эта щетина яростно царапала мое лицо.

– Плохо побрился. Папочкина бритва совсем затупилась, – хмуро произнес он и легонько дотронулся до царапины на моей губе. – Теперь будет нарывать. Простите меня, я не хотел.

Его успокаивающее прикосновение заставило меня испытать острое наслаждение, но признаваться в этом совсем не хотелось. На всякий случай я отодвинулась от него подальше.

– Не хотели царапать, или не хотели целовать?

– Ни того, ни другого, ей-богу. Я пришел, чтобы пригласить вас на прогулку. Док считает, что молодая леди не может выйти на улицу без сопровождения – она непременно влипнет в какую-нибудь неприятность. – Шиа провел по подбородку ладонью и усмехнулся. – Я считаю, что он несколько старомодно относится к женщинам, но может быть, он и прав. Так куда бы вы хотели пойти? Мы пойдем ножками, или, быть может, вам больше нравится, когда я ношу вас на руках?

Я покраснела, припомнив обстоятельства, при которых он последний раз брал меня на руки.

– Я вполне способна передвигаться на своих двоих, мистер Янгер. И еще, для вашего сведения: я никогда не гуляю без нижнего белья.

Шиа громко засмеялся, откинув голову назад. Широкая улыбка обнажила безукоризненной формы белые зубы. Такая улыбка может заставить некоторых женщин забыть обо

всем даже о своем нижнем белье; но я не из таких, уверяла я себя.

– Я бы мог прокатить вас на своем автомобиле, – сказал он. – Есть какие-нибудь места, которые вы хотели бы посетить?

– О-о, – протянула я, стараясь скрыть нахлынувшие на меня чувства. – Как изысканно вы выражаетесь! – Южане действительно выражаются иногда очень странно. Я стала сосредоточенно разглаживать складки на простынях, размышляя о том, что однажды уже пожертвовала здравомыслием ради смазливового мужика и теперь вряд ли смогу доверять кому-нибудь из этих негодяев так же, как доверяла когда-то Дэвиду. Но сейчас деваться мне было некуда: пусть этот тип вооружен до зубов, пусть он даже бандит и убийца, мне не у кого больше попросить помощи. Следует, конечно, держать с ним ухо остро.

– Слышали вы когда-нибудь об аптеке Оачиты? – спросила я.

– Да, это на Центральной. Около года назад там появился новый владелец.

Мои надежды воскресли. Если я обнаружила порошок в аптечном музее – там, в будущем, – почему бы не поискать его в этом времени?

– Я хочу поехать туда, – решительно произнесла я.

Шиа удивленно смотрел на меня.

– Если вам нужны лекарства, я смогу достать через дока

все, что угодно.

– Нет. Мне нужно туда поехать.

Шиа взглянул на вешалку, где висели мои вещи.

– А что вы наденете? Не это ли коротенькое платьице?

– А что, какие-нибудь проблемы?

Прищуриив свои зеленые глаза, он наклонился вперед и хлопал меня по голому плечу пониже шеи, где начиналась моя больничная хламида. Тепло его руки отозвалось нервной волной, прошедшей по всему моему телу.

– Лично мне можете показывать любую часть своего тела. Но мне не нравится, что вы собираетесь демонстрировать себя всем и каждому.

Я села, прижимая к груди простыню.

– Я, может быть, э... слишком современна. – «Если не для своего времени, то для этого», – подумала я про себя. – Но попрошу не указывать мне, что и когда делать. – Достаточно я подчинялась одному мужику, не стоило удирать в другое время, чтобы тут же поставить над собой другого.

Он наклонился ближе.

– Позвольте мне сказать. – Его дыхание щекотало мою потную шею, несмотря на жару по моему телу пробежала дрожь. – Если бы я имел жену – такую, как вы, – я бы не был настолько любезен, чтобы позволить каждому мужчине в городе видеть то, на что имею право только я.

Мы напряженно смотрели друг на друга; воздух, казалось, стал более плотным и затруднял дыхание. Я почувствовала

легкое головокружение.

— Там, откуда я приехала, мужчины по-другому смотрят на это, — произнесла я наконец. — К тому же вы не мой муж, — добавила я хрипло.

Он встал; его огромный рост взволновал меня не меньше, чем близость его тела несколько минут назад.

— Это не аргумент, красавица. По крайней мере, наденьте сверху этот больничный балахон. Это хоть немного прикроет вас от похотливых взглядов. — Он повернулся на каблуках и, подняв голову, вышел.

Сердце бешено колотилось, его удары глухо отдавались в голове. Мало того, что этот парень непредсказуем, он к тому же чрезвычайно упрям, во всяком случае, с моей точки зрения. Я сорвала с себя хлопчатобумажный балахон и натянула свое платье и туфли, затем, чтобы успокоить Шию, накинула халат наподобие пальто. Я долго прилаживала одну к другой обе его половины, пытаюсь прикрыть свои оголенные бедра. К сожалению, эта штукавина одинаково плохо прикрывала меня и спереди, и сзади.

Я отчаялась соединить обтрепанные полы халата и во внезапном порыве — то, чего никогда не позволяла себе прежняя Мэгги Вестшайр, — разорвала пополам это убогое одеяние и с гордым видом вышла, оставив обрывки на полу.

В клинике доктора Тайлера, в отличие от обычной больницы, не было твердо установленного тихого часа и времени посещения больных. Как правило эту информацию я из-

влекла из обрывков бесед, неспешно протекавших в комнате отдыха, – пациенты находились в больнице, по меньшей мере, три недели, и удовольствия, которые предлагала им ночная жизнь Хот-Спрингс, рассматривали как важную составную часть назначенной им терапии. Тем не менее, выйдя за двойные стеклянные двери больницы, я почувствовала себя матросом, впервые за долгое время получившим увольнение на берег.

Поскольку я в первый раз за эту неделю покинула больницу и вышла на солнце, радостное чувство свободы наполнило меня.

Прищурив отвыкшие от яркого света глаза, я с удовольствием вдыхала влажный горячий воздух. Ароматы 1926-го сильно отличались от привычных запахов современной мне эпохи. Во влажной духоте, предвещавшей грозу, стоял запах дорог, загаженных запряженными в повозки лошадьми.

У подножья парадной лестницы, удобно устроившись на сиденье старинного автомобиля, Шиа читал газету; его нога в пижонском ботинке покоилась на приборной доске. На нем была соломенная шляпа, низко надвинутая на лоб; в тени оказалась почти треть его лица. Рот, мощь которого я только что испытала на себе, был растянут в усмешке; наверное, Шиа читал комикс. Он был, кажется, в веселом расположении духа, что было весьма кстати, ведь я нарушила его указание, ничем не прикрыв столь фривольный для двадцатых годов наряд.

Он поднял голову и перехватил мой взгляд. Предупреждая сцену, которую он мог закатить мне по поводу моего туалета, я стремительно спустилась по лестнице и тут же завела разговор о его автомобиле.

– Это «Модель-А»?

– Это «Модель-Т». – Он прищурился. – Что это за «Модель-А»?

Судя по его реакции, «Модель-А» еще не была сконструирована. Вспомнив о своих более чем скромных познаниях в истории, я пообещала себе впредь быть более осторожной.

– По-моему, я сказала что-то не то. Я перепутала названия. К тому же я плохо разбираюсь в технике. – Последняя фраза шла в ход, когда в микроволновой печи подгорал обед для Дэвида или когда я случайно стирала его любимые видеозаписи. В каком бы времени я ни находилась, мои отношения с техникой оставались натянутыми.

Шиа устоял на мои голые ноги и нахмурился, сразу забыв о моем невежестве в области автомобилестроения.

– Садитесь. – Придерживая дверь, он помог мне ступить на хромированную подножку и устроиться внутри.

Вместо того чтобы плавно опуститься на мягкое сиденье, – как было, когда я садилась в «корвет» Дэвида, – я неуклюже взгромоздилась на высокую скамью перед панелью управления; для этого мне пришлось изогнуть ноги под невыносимым углом. Не закрывая дверцу автомобиля, Шиа вручил мне свернутую газету и, перегнувшись через меня, некото-

рое время регулировал два непонятных рычага. Лишь только его тело прижалось к моему бедру, кровь жаркой волной прилила к моей шее, и лицо запылало.

Выпрямившись, он обратил внимание на мое возбуждение.

– Для человека, пускающего во все тяжкие, вы слишком бурно на все реагируете.

Его взгляд скользнул по моим ногам.

– Вам крупно повезло: я джентльмен, красавица.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, – сказала я, кокетливо забрасывая ногу на ногу, – но вы, кажется, никогда своего не упустите.

Он наклонился, чтобы закрыть мою дверь; его широкие плечи на мгновение загородили солнце.

– Именно поэтому я повторяю: вам крупно повезло, что я джентльмен. – Пьянящее тепло исходило от его тела. Я почувствовала, как струйка пота побежала у меня между грудями.

Засучив рукава, он прошелся вдоль автомобиля. Демонстрируя свое великолепно развитое тело, он проделал несколько гимнастических упражнений для рук. По опыту я знала, что он довольно долго и без напряжения может нести на руках взрослую женщину.

Со своего жесткого сиденья я видела, как он наклонился и стал запускать двигатель – ручную, с помощью причудливо изогнутой железяки; могучие мускулы его рук и спины вы-

пирали из-под белой крахмальной рубашки. Если бы я еще сомневалась в том, что действительно нахожусь в прошлом, то теперь, наблюдая, как усердно ему приходится трудиться, чтобы запустить свою несчастную «Модель-Т», я окончательно убедилась бы в этом. Шиа был непредсказуем, но он был рядом, и он был настоящим мужчиной. Я представила, как снова лежу с ним в кровати, обнимая его мускулистое тело, и целую его так же яростно, как он меня. Мысль сумасбродная, но что будет, если я не смогу больше сопротивляться его горячим прикосновениям?..

Во рту у меня пересохло, и я облизала губы. Будто прочитав мои мысли, Шиа проследил глазами это мое нервное движение. Он бросил на меня мутный взгляд; в нем сквозила плохо скрываемая похоть. Это безумие, сказала я себе. Я должна думать о том, как выбраться отсюда, из этой ловушки прошлого, должна собирать по кусочкам свои детские воспоминания, а не плодить новые безумства. Я не могу позволить себе увлечься таким непредсказуемым, импульсивным человеком.

Но мое тело твердило иное. Меня все больше и больше тянуло к Шиа. Поняв это, я испугалась, ведь разум кричал, что мне необходимо вернуться домой, в мое время.

Двигатель закашлялся, подав наконец признаки жизни, и Шиа поспешно вскочил на сиденье, боясь, что капризный механизм заглохнет. Бесконечно долго Шиа нажимал на какие-то педали и рычаги, прежде чем с шумом, треском и жут-

кой воню, щекотавшей мне ноздри, мы двинулись наконец вперед.

Проехав несколько кварталов, он остановился перед зданием, на котором красовалась вывеска «Меблированные комнаты», заглушил двигатель и установил ручной тормоз. Он явно что-то замыслил, но медлил в нерешительности.

– Это не аптека. Почему мы остановились здесь? – спросила я.

Он спустился с подножки и медленным шагом обошел вокруг автомобиля, став с моей стороны.

– Если вы хотите, чтобы я сопровождал вас в центр города, вам придется переодеться. Вам, женщинам, позволено теперь голосовать на выборах, но я не могу допустить, чтобы вы разгуливали перед публикой в таком виде.

Что за свинство! Неудивительно, что именно в это время женщины начали борьбу за свои права. Я прикусила язычок, убеждая себя, что у меня сейчас целая куча более важных дел, чем дискуссии с Шиа о правах человека. Но дудки: архаичное отношение Шиа к женщинам может нарушить мои планы, и не следует потакать ему. Не позволив ему распахнуть передо мной дверь, я вышла из машины с другой стороны. Все еще кипя от злости, я влетела по лестнице на веранду, уставленную плетеными креслами-качалками. Все кресла были заняты какими-то людьми вероятно, клиентами этого заведения, – которые, усиленно раскачиваясь, пытались таким способом справиться с жарой.

Какой-то чудаковатый старикашка зацепил меня тростью, когда я проходила мимо него.

– Кто эта красотка, Шиа? – спросил он.

– Веди себя прилично, Слай. Нет еще и полудня, а ты уже налился. Это миссис Мэгги Вестшайр.

Все еще в раздражении, я решила наплевать на хорошие манеры и проигнорировала обоих, и молодого и старого.

На веранду вышла какая-то леди. Изысканная прическа из седых волос красиво обрамляла ее лицо – в отличие от моей безобразной медной гривы, которая, казалось, так и норовит сдвинуться куда-то в сторону. С волосами, закрепленными с двух сторон тонкими гребенками, и вереницей кнопок вдоль длинного, до полу, платья, она казалась ожившей картинкой с журнала мод начала века фасоны только для изысканной публики!

– Меня зовут Корнелия, – сказала она с улыбкой. Она придиричиво окинула меня взглядом, и я неприветливо посмотрела на нее.

– Посидите в гостиной и отдохните от жары, – быстро проговорила она. Потом ткнула своим длинным пальцем в Шиа. – Мистер Янгер, не будете вы так любезны последовать за мной? Я отдам вашу почту.

Ее голос с мелодично звучащими, южными гласными действовал на меня успокаивающе. И хотя Шиа не говорил, куда он везет меня, я догадалась, что Корнелия – хозяйка дома.

Я, слишком разгоряченная и утомленная жарой, чтобы

дойти до гостиной, плюхнулась на парчовую кушетку и сразу утонула в ней: там была вмятина, как раз подходившая под мои габариты. Из-за закрытой двери доносился голос Корнелии; она сетовала, что люди стали забывать правила хорошего тона.

– Вы поставили меня в идиотское положение: в моем заведении появилось нечто практически полуголое, в изношенном, отрезанном платье, даже без намека хоть на какой-то багаж и в компании такого мерзавца, как вы; как прикажете все это понимать? Я уверена: вы выиграли ее в свой ужасный покер.

Я вся обратилась в слух.

– Да нет, – Шиа хохотнул. – Мне действительно повезло в карты, но позже, и это не было такой большой удачей, как миссис Вестшайр.

Я покраснела, но не перестала подслушивать.

– Я южанка... – возражала она.

– Я никогда не предполагал, что это недостаток.

– У меня респектабельная гостиница, и я не могу допустить, чтобы вы приводили сюда дам, подобных этой.

– Ну, предположим, здесь имеются дамы на любой вкус. Например, та крошка, испанка-танцовщица, которая использует лопающиеся шары в своем номере...

– Ей негде было остановиться, не выбрасывать же ее на улицу!

– Разумеется, лишь ваше доброе сердце всему причиной...

– Доброе сердце в данном случае ни при чем. Вспомните, каковы были ее манеры! Кто-то должен был научить ее пользоваться вилок для салата и не проливать лимонад на скатерть. И вообще, что вы понимаете в этом? Вы самый никудышный знаток женщин по эту сторону Миссисипи.

Я слегка выпрямилась, не будучи уверенной, что стоит оскорбиться по поводу только что произнесенных слов.

Шиа продолжал смеяться.

– Вы, конечно, правы, Кори, но я сколотил небольшое состояние, поставив на то, что эта танцорка не успеет закончить свой номер до того, как лопнут все ее воздушные шары.

– О Боже! – Корнелия громко вздохнула.

– Все, что я прошу, – это хорошую одежду, которую Мэгни могла бы носить, пока не встанет на ноги. Я знаю, у вас полно барахла, которым с вами расплачивались девицы, когда у них не было денег, чтобы заплатить по счету. Это все-таки лучше, чем воздушные шары, не правда ли?

Могла себе представить очаровательную улыбку, которой он наградил при этом свою хозяйку. Если бы я была игроком, то держала бы пари, что Шиа выиграл эту небольшую словесную дуэль.

Корнелия прошествовала через качающуюся дверь; Шиа следовал за ней по пятам. Пронесшийся ветерок качнул хрустальные подвески люстры, и разноцветные блики отразились на висящих по стене семейных фотографиях. Окававшись среди этих атрибутов памяти, я выпрямилась, ис-

кренне стараясь выглядеть как можно более добродетельной, несмотря на мою современную одежду.

– Вы бедны, дорогая. Мистер Янгер только что рассказал мне о ваших неприятностях. Разумеется, я подыщу что-нибудь вашего размера. Предлагаю вам выпить холодного чаю, пока я займусь поисками подходящей одежды.

Конечно, я не должна была позволять манипулировать собой подобным образом, но хоть однажды можно позволить себе поступиться принципами тем более, когда это может пойти тебе на пользу. Я решила, что буду слушаться Шиа, пока не получу от него все, что мне нужно.

Я согласно кивнула Корнелии:

– Я люблю холодный чай.

Она поплыла в кухню; Шиа продолжал усмехаться. Я улыбнулась ему улыбкой невинного младенца, в то время как мои ногти сами собой с силой вонзились в ладони. Я продолжала игру. Пусть Шиа думает, что это он командует парадом. До тех пор пока я не найду дорогу в будущее, это не имеет никакого значения. У меня, конечно, нет опыта в таком деле, но я уверена, что смогу быть правдоподобной. В конце концов ведь у меня был Дэвид – великий мистификатор, у которого было чему поучиться.

Приближаясь к аптеке Оачиты, я нервно теребила верхнюю кнопку на матроске, которую великодушно уступила мне Корнелия. Запах дешевого мыла, исходивший от этого одеяния, был крайне неприятен как и грубая ткань, из ко-

того оно было сделано. Корнелия накрахмалила и блузу, и юбку до такой степени, что тонкая ткань, из которой они были сшиты, больше напоминала картон; в том, что она выбрала для меня именно этот наряд, сквозило намерение проучить своенравную девицу, которая, прости Господи, свалилась ей на голову и начала качать права, ничего не понимая в современной моде. Это был, вероятно, ее посильный вклад в святое дело очистки благословенного Юга от подозрительных элементов.

Вдобавок ко всему она напоследок сунула мне в руки какой-то мешок, уверяя меня, что там содержится все, что необходимо настоящей леди с Юга. Черт его знает, что там было; мне казалось, что в такую жару все, что размерами превышает бикини, выглядит неприлично. Единственный положительный момент заключался в том, что блуза и практически волочащаяся по земле юбка были цвета зеленой маслины – цвет, который хорошо гармонировал с моими рыжими волосами.

Шиа припарковал автомобиль перед аптекой и заглушил двигатель. Внешне аптека выглядела так же, как тогда, когда я в последний раз была здесь там, в будущем. В окне стояли два одинаковых графина, заполненных какой-то цветной жидкостью. Волнение поднималось во мне, покрывая мурашками кожу.

– Входим? – Шиа забежал вперед, чтобы открыть мне дверь.

В волнении я переминалась с ноги на ногу, ведь мы приехали туда, где, быть может, находился столь нужный мне порошок.

– Когда... когда я последний раз была здесь, случились кое-какие неприятности...

Он нахмурился; его рука, уже лежавшая на ручке двери, заметно напряглась.

– Кто-то покушался на вас?

Я вспомнила, каким ясным было тогда видение мой отец, появившийся после того, как я вдохнула порошок. Лицо, правда, не просматривалось, но запах, исходивший от призрака, был до боли реальным. Я подумалатаогда, что умираю и что мой отец – один из тех, кто более всего любил меня, – пришел, чтобы забрать меня в мир иной. Я зажмурилась и потрясла головой, пытаюсь отогнать нахлынувшие на меня чувства. Раскрыв некоторые из его тайн, я сомневалась теперь, был ли мой отец по-настоящему честным человеком, способен ли был по-настоящему любить.

– Нет, ничего подобного. Мне просто показалось однажды, что я встретила здесь человека, которого знала когда-то – давным-давно, в прошлом. Но я ошибалась.

– Вы неважно выглядите, красавица. Может, отвезти вас обратно в больницу?

– Нет. Пожалуйста, не надо, – ответила я.

– Тогда я пойду с вами, – твердо сказал он, открывая дверь.

Я подергала блузу на потной груди, чтобы слегка охладиться и восстановить дыхание, благодаря время, в которое я попала, за то, что оно нашло мне такого верного, сильного спутника.

– Не возражаю, – сказала я, пожав плечами с безразличным видом. И мы вошли.

Я ожидала, что внутри аптека будет выглядеть точно так же, как в прошлый раз, ожидала той же прохлады и полумрака. Там действительно было темно и мрачно, как в средневековом аптечном магазине, но вместо прохлады я почувствовала, что воздух в помещении был горячим и неподвижным. Вентиляторы под потолком крутились без видимого эффекта.

Отведя одной рукой влажные волосы от потной шеи, другой я стала старательно обмахивать лицо.

– Миллион долларов тому, кто избавит меня от этой проклятой жары!

– За павильонами минеральных источников имеется множество милых тенистых аллеек.

Я улыбнулась. Избавление, пусть временное, от жары и влажности, царивших здесь, представлялось просто счастьем, но я рассчитывала избавиться от местных неудобств более радикальным способом. Если я найду способ вернуться в мое время, я смогу, вероятно, вычислить всех людей, которые знали Джесси Таггарта. Должно же хоть что-то сохраниться!

Разум говорил мне, что я должна смириться с мыслью о смерти моего отца и помолиться за упокой его души; но я не могла избавиться от ощущения, что в этом есть какая-то тайна. И это не потому, что приближался мой день рождения. Раньше было так: безумное желание увидеть отца нарастало, становясь невыносимым перед днем рождения, затем постепенно затухало. Теперь это было похоже на ощущения перед грозой: в воздухе росло напряжение, готовое вот-вот разрядиться гибельным смерчем.

Пока фармацевт занимался у кассы с неряшливо одетым человеком, я спустилась по наклонному проходу между рядами низеньких кабинок. Чувствуя дыхание Шиа у себя за спиной, я не испытывала страха; к тому же я с удовольствием отметила, что в этой аптеке нет пиявок – тех самых, что красовались в витрине музея, когда я впервые побывала здесь.

Я тщательно осмотрела ряды бутылок вдоль стены, пытаясь обнаружить то, что мне было нужно. Я даже узнала несколько странных названий на бутылках, виденных мной раньше, – G. MYRRH, TINCTURA CINNA-MONI; правда, этикетки с золотым обрезом были теперь новыми и яркими. Мне стало жутко от сознания, что когда-то я стояла здесь, на этом самом месте, перед этими самыми бутылками, но в другом времени. Я и раньше знала, что такое страх, но теперь, казалось, испытала это чувство сама, и холодок пробежал по моей спине.

– Вы намерены сообщить мне, для чего мы притащились

сюда? – спросил Ши; его раздраженный голос вонзился в мои мысли как нож.

От неожиданности я вздрогнула и посмотрела на Ши. Его гневный пристальный взгляд, казалось, пронизывал меня насквозь, но я надеялась успокоить своего спутника, не вдаваясь в подробности.

– Я ищу порошок. Доктор Тайлер и я думаем, что у меня может быть аллергия на него. Когда я в последний раз была здесь, я заинтересовалась странным пузырьком – он имел форму колокольчика и случайно вдохнула немного порошка, который там содержался. Почти мгновенно я потеряла сознание и очнулась только возле отеля, где вы увидели меня со Скайлзом.

Он нахмурился:

– Но ведь вам, кажется, стало лучше. Почему же этот порошок так важен теперь?

– Я... я чувствую себя как бы не в своей тарелке.

Несмотря на то, что я была воспитана в доме, где не было принято выносить сор из избы, а ни к чему не обязывающие разговоры о прическах и губной помаде заменяли доверительные беседы а может быть, именно поэтому я всегда завидовала тем, кто умеет казаться искренним. Но сейчас я была вынуждена прибегать к полуправде. Что я могла сказать ему? Что мне нужно вернуться в будущее? Он счел бы меня сумасшедшей.

– Где вы нашли этот пузырек?

Это был коварный вопрос. Желая выиграть время, я устала на мои белые туфли-лодочки – такие, по мнению Корнелии, должна носить приличная леди в это время года. Полки, где я когда-то нашла порошок, очевидно, еще не были построены – пока на этом месте был проход.

– Я не могу точно припомнить. Вероятно, из-за интоксикации, – сказала я, гордясь своей удачной импровизацией.

Прищурив глаза, Ши с подозрением посмотрел на меня, перечеркивая таким образом краткий момент моего триумфа. Потом он резко повернулся и пошел прочь, оставив меня в довольно жалком состоянии трясущейся от волнения и мокрой от пота под скрипучим вращающимся зонтиком потолочного вентилятора.

Я растерянно наблюдала, как он широкими шагами направился к прилавку; наглая самоуверенность чувствовалась в размеренных движениях его длинных, как жерди, ног. На мгновение мне показалось, что вместо воздуха я вдыхаю пары какого-то зловонного жирного супа; лишь когда это ощущение прошло, я смогла сдвинуться с места.

Фармацевт за прилавком вручил покупателю пакет из коричневой оберточной бумаги. Пожилой человек нетерпеливо схватил покупку, отвинтил пробку бутылки, находившейся внутри, и поднес вожделенный предмет к губам. Пошаптываясь, он долго тянул содержимое, затем удовлетворенно обтер рот рваным рукавом.

– До завтра, Харви, – сказал он, закрывая за собой дверь.

Пока я собиралась объяснить аптекарю, что именно я ищу, Шиа взял инициативу в свои руки:

– Я насчет порошка, который упакован у вас в пузырек, по форме напоминающий колокольчик.

Фармацевт некоторое время пристально разглядывал Шиа сквозь стекла очков в проволочной оправе. За прямоугольниками линз его черные глаза казались крошечными бусинками, сидящими близко-близко одна к другой.

– У меня в аптеке нет ничего похожего. – Вместо мягкого южного акцента, который я ожидала услышать, в его голосе слышались нагловатые бостонские интонации – аптекарь слегка гнусавил, к тому же звуки вылетали у него, казалось, откуда-то из глубины груди. Шиа надменно фыркнул, всем своим видом выказывая полное презрение к Харви.

– Эта леди утверждает, что она, зайдя в вашу аптеку, случайно вдохнула какой-то порошок из пузырька, который я вам описал.

– Это невозможно. Я знаю наизусть все, что содержится у меня на складе. Она ошибается. – Этот долговязый, наглый тип не удостоил меня даже взглядом.

– Леди вдохнула этот порошок, и у нее случился обморок. Мы просто хотим выяснить, что это за гадость.

Веко аптекаря задергалось, но сам он был явно озабочен лишь тем, чтобы придать своему лицу возможно более безразличное выражение.

– Что бы она там ни говорила, все это лишь ее большое

воображение.

– Это не очень вежливо – говорить подобным образом с дамой, Харви. – Говор Шиа был по-прежнему мягок, но его челюсть напряглась. Я уже наблюдала такую метаморфозу прежде. Правда, тогда в его руках был пистолет.

– Извините меня, – сказала я. Идея отыскать здесь бутылку, виденную мной когда-то далеко в будущем, показалась мне в этот момент безумной. Еще глупее было втягивать в это дело Шиа. – Наверное, я и вправду ошиблась...

Шиа остановил меня властными движением руки.

– Теперь это уже мое дело, красавица, – сказал он и снова обратился к Харви. – Тот тип, что покупал у тебя сейчас свою ежедневную порцию джина, это Снич Маккови (Снич (от англ. snitch) – ябеда, доносчик.)?

– Это конфиденциальная информация. Я не могу разглашать врачебную тайну. – Харви упорно старался отмазаться.

– А ты знаешь, что все его бумаги фальшивые, и ты, таким образом, можешь быть признан виновным в нарушении сухого закона?

Последняя фраза явно подействовала. Аптекарь завертелся как уж, лицо его покрылось красными пятнами.

– Это не ваше дело, – все-таки пробормотал он.

Шиа продолжал:

– Горсть монет – и Снич не будет раздумывать слишком долго, закладывать или не закладывать тебя своим друзьям в полиции. Великолепная картина: вооруженные до зубов,

полицейские входят сюда и переворачивают все вверх дном! Для местной полиции лучшей рекламы не придумаешь! Солидные притоны, бордели им не по зубам там заправляют крутые ребята! – а твоя забегаловка для них – самая подходящая цель.

Глаз Харви нервно дергался, и казалось, что он все время кому-то подмигивает. Он отчаянно трусил и злился.

Шиа нагло ухмыльнулся:

– Ты думаешь, Снич получил свое имя от мамочки?

Лицо Харви сделалось похожим на куриную гузку, на него было жалко смотреть. Да, Шиа умел воздействовать на людей!

– Я купил этот магазин год назад, после смерти прежнего хозяина. – Харви снял очки и нервно потер переносицу. – Он не очень заботился о том, где и у кого он покупает медикаменты. – Харви водрузил очки на прежнее место. – Возможно, у него и была такая бутылка...

Мое сердце бешено колотилось. Я вновь обретала потерянную было надежду найти этот злосчастный порошок. Подхлестываемый суровостью Шиа, Харви повел нас в пыльный чулан, полки которого были сплошь заполнены пузырьками и банками.

– Никак не найду время рассортировать весь этот хлам. – Он приставил лестницу и, покачивая головой и бормоча себе под нос ругательства, полез куда-то наверх. Харви был очень раздражен и, казалось, сомневается в том, что найдет

что-либо, но когда он спускался вниз, я увидела в его руке бутылку, формой своей напоминавшую колокольчик.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Аптекарь брезгливо держал бутылку двумя пальцами за пробку, будто прикосновение к этому сосуду могло запачкать его нежные, белые руки.

– На ярлыке написано, что это порошок Афродиты, – сказал он, сморщив свой великолепный бостонский нос, будто это он, а не я был великий нюхач. – Видимо, какое-то народное средство; такие я считаю не просто бесполезными, но опасными. Давая вам эту гадость, я иду на сделку с совестью.

– Да, про твою совесть нам уже все известно. – Шиа взял бутылку у Харви и передал ее мне. – Это то, что вы искали, красавица?

Я кивнула, не веря своему счастью.

– Нет никаких серьезных доказательств, что все эти порошки, капли, пилюли Афродиты действительно существуют, все это чистой воды суеверие...

Я буквально кожей ощутила, как напряглось тело Шиа, стоявшего рядом со мной.

– Если дама желает употреблять в пищу высушенные мужские гениталии, мне на это наплевать, – буркнул он.

У Харви отвалилась челюсть, он отступил подальше, за пределы досягаемости Шиа.

– Я просто стараюсь избежать неприятностей, мистер. Пожалуйста, забирайте это. Что вы будете делать с этой дрянью

у себя дома, меня совершенно не касается. – Он бросил на меня любопытный взгляд и вышел из чулана, оставив нас одних.

Мои щеки пылали; я пыхла от напряжения, стараясь откупорить бутылку. Когда наконец пробка была извлечена, я стала нервно принюхиваться, стараясь, правда, дышать неглубоко, чтобы не повторилась прежняя неприятность. Впрочем, последнее мне и не грозило: вместо таинственного аромата, который я ожидала почувствовать, по комнате распространился запах мускуса; он был настолько силен, что, казалось, его можно было слизывать языком прямо из воздуха.

Растерянная, я обратилась к Шиа.

– Это не то.

Не сговариваясь, мы немедленно кинулись обыскивать полки пузырек за пузырьком. Мы обнаружили также какие-то пыльные контейнеры с причудливым содержимым: истолченными оленьими рогами, голубиной кровью и прочей ерундой; но никаких сосудов в форме колокольчика мы так и не обнаружили. В другом конце этого помещения мы также потерпели фиаско: порошка здесь не было.

Почувствовав крушение всех моих надежд, я рассеянно опустила в карман пузырек с порошком Афродиты и устало проговорила:

– Отвезите меня домой. – Смертельнорасстроенная, я действительно хотела как можно скорее уехать отсюда.

– Не спешите. – Шиа загородил мне выход из чулана, в котором царил необыкновенный беспорядок.

– Вы говорите, что именно здесь чем-то отравились, потеряли сознание и очнулись уже у отеля?

Я кивнула. Именно так все и было, если не считать некоторых подробностей, о которых не стоило упоминать.

Его глаза снова сузились; их интенсивный зеленый цвет был единственным ярким пятном в этом сером пыльном подземелье.

– Тогда почему мы ищем среди этих пыльных бутылок; кажется, к ним никто не прикасался, по крайней мере год?

Я почувствовала, что мои руки стали влажными. Да, это была деталь, о которой я не подумала.

– Не могу припомнить в точности, как все произошло...
Интоксикация...

Шиа крепко взял меня за запястье.

– Перестаньте темнить. Я вижу вас насквозь. – Он смеялся меня изучающим взглядом; в его глазах светилась требовательность. Я вкратце снова пересказала ему свою легенду слово в слово. Вспышка гнева подобно молнии озарила лицо Шиа; судя по всему, он что-то вычислил и, схватив меня за шиворот, резко повернул к себе, заставив посмотреть ему прямо в глаза.

– Хватит врать.

Сжатая его железной пятерней, я начала задыхаться; высокий воротник моего дурацкого одеяния давил на горло.

– Что вам надо? – прохрипела я, стараясь освободиться, но он придавил меня еще сильнее.

– Вы непременно хотите перехитрить кого-нибудь? Тогда отправляйтесь к своему мужу. Здесь не такое безопасное место, как кажется на первый взгляд, и вы, несомненно, нуждаетесь в моей защите; но если уж я решил подставить свою шею, я должен точно знать, ради чего я это делаю.

Я мужественно встретила его неистовый взгляд.

– Вы закончили? – спросила я с вызовом.

– Не совсем. – Он опустил голову, и его рот оказался достаточно близко для того, чтобы поцеловать меня. И Шиа сделал бы это, если бы захотел: его бедро обжигало меня даже сквозь плотную ткань юбки. – С этого момента мне нужна только правда. Обо всем. Потому что если вы снова потащите меня в свою кровать, красавица, я хочу знать, для чего вы делаете это.

Я едва держалась на ногах и часто и хрипло дышала, почувствовав, как мало воздуха в этом тесном помещении.

– Е-есть кое-какие вещи, которые я не могу вам рассказать. Но я должна найти этот порошок. От этого зависит мое здоровье.

Его губы сжались, а пальцы еще сильнее впились в мое запястье.

– Я знаю, вы хотите, чтобы доктор Тайлер и я думали именно так, но док уже сказал – и вам, и мне, – что он вряд ли сможет сделать что-либо с этим порошком, даже если по-

лучит его. Я хочу только правды.

Мысль освободиться немедленно от бремени мучившей меня тайны была, конечно, соблазнительной. Это было дьявольское искушение. Возможно, мне следует довериться Шиа. Я вглядывалась в строгое красивое лицо стоявшего передо мной мужчины, отчаянно пытаюсь понять – может ли он стать мне настоящим другом.

Но поверит ли он мне? Я уже давно живу в этом кошмаре, но все еще не могу до конца разобраться в нем. Моя история невероятна, к тому же у меня нет никаких доказательств.

Что ж, я, пожалуй, смогу выдержать дополнительное промывание желудка и пересуды больничных кумушек о моем психическом здоровье: «Эта Мэгги Вестшайр совсем рехнулась: вообразила себя пришелицей Бог знает откуда. Но ничего: несколько минеральных ванн погорячее, и она придет в себя».

Я сглотнула и смело посмотрела ему прямо в глаза.

– Поймите, я должна найти этот порошок. *Вэтомвсямая-жизнь*. Я не могу сказать вам всего, но поверьте мне, прошу вас.

– Вы хотите, чтобы я поверил вам. – Рот Шиа скривился. – Почему же вы сами не доверяете мне и не говорите всей правды?

Я постаралась выдержать его пристальный взгляд, хотя это было не просто.

– Это правда, – вот и все, что я сумела произнести.

– Вы просите слишком много, красавица. – Жар его тела, казалось, прожигал мне кожу. Он выпустил меня, и я без его поддержки едва устояла на ногах. – Подождите меня снаружи.

Ему не пришлось повторять свою просьбу. Я пулей вылетела из аптеки, благодаря Шиа за то, что он не стал сейчас моим врагом: иметь его в качестве союзника было куда безопаснее.

Шиа вышел из аптеки, сияя улыбкой от уха до уха. От недавнего гнева не осталось и следа – или он сумел скрыть это чувство.

– Харви испытал внезапный приступ совестливости и просил меня передать извинения за его поведение. Еще он посоветовал нам встретиться со Свеном Лундгреном, он промышляет торговлей самогоном и всевозможными хитрыми настойками в Фордайских банях.

Меня не интересовало, к каким садистским приемам прибег Шиа, чтобы раздобыть подобную информацию – я думала лишь о том, как скорее заполучить порошок.

– Можем мы отправиться туда прямо сейчас?

– Я обещал доку заставить вас совершить хороший пеший моцион. Заведение Свена находится немного дальше по этой улице. Вы в состоянии идти пешком?

– Попробуйте только остановить меня. – Это, может быть, звучит не очень изысканно, но я, если нужно, поползла бы туда и на коленях. Очевидно, я не была одинокой в своем

стремлении попасть в Фордайские бани. Чем ближе мы к ним подходили, тем многолюднее становилось на улице. Пропорционально плотности толпы в душе росла и увядшая было надежда.

Толпа, окружавшая нас, была необычайно пестрой; здесь попадались люди всех возрастов; некоторые были одеты столь изящно и сверкали такими великолепными драгоценностями, что могли, не переодеваясь, ехать в самые шикарные ночные клубы, в то время как другие выглядели так, будто продали все приличное, что у них было, и приехали сюда в надежде избавиться от своих недугов.

Встречались дамы, одетые по последней моде: в платья с удлинённой талией и низко сидящие шляпы; я была приятно удивлена, почувствовав бессмертный аромат «Шанели» № 5, наполнявший воздух вокруг меня.

Когда мы достигли «Ламар», первой из восьми бань на Бэтхауз-роуд, я замерла в изумлении. Здания курортов, тянувшиеся вдоль Центральной улицы, в моем времени более всего напоминали обшарпанные раковины давно погибших моллюсков. Теперь, в 1926-м, эти величественные красивые здания, построенные между 1911 и 1923 годами, переживали свой золотой век. Не без некоторого благоговения, я рассматривала великолепные фасады «Бакстафф», «Озарк» и «Квапау», мимо которых мы проходили. Казалось невероятным, что я воочию лицезрею золотые денечки Хот-Спрингс.

Достигнув великолепного «Фордайс», который в рекла-

мах именовался самым роскошным минеральным курортом в мире, мы были буквально захвачены толпой посетителей.

– Теперь я буду действовать сама, – решительно заявила я. Методы Шиа казались мне слишком грубыми, хотя они и доказали свою эффективность.

Он не ответил, и я обернулась, чтобы посмотреть на него, но увидела лишь толпу сновавших туда и сюда незнакомых людей. Шиа с его ростом возвышался бы над этой мелюзгой подобно башне, если бы находился где-нибудь поблизости. Несмотря на то, что улица была полна людей, острое чувство одиночества внезапно охватило меня.

Толпа немного поредела, и я наконец заметила его: он стоял возле подъема на балюстраду, внимательно наблюдая за женщиной, которая усердно трудилась, толкая инвалидное кресло на колесиках вверх по наклонной дорожке. В кресле сидела маленькая девочка; ее светлые волосы были аккуратно заплетены в косички, а лицо более всего напоминало китайскую куклу. Подойдя ближе, я поняла, что девочка не была такой уж маленькой, просто рост ее не соответствовал возрасту, о котором можно было судить по лицу, совершенному, будто творение скульптора.. Туловище девочки было каким-то скрюченным, а ноги и руки – тонкими, как палки.

Она приехала сюда, вероятно, чтобы пройти курс гидротерапии. В глазах ее был страх, рот сжат в болезненном напряжении, и я поняла, что она в первый раз приехала на процедуры. Мне был знаком этот страх: глядя в зеркало, я не раз

замечала его в своих глазах.

За креслом девочки в напряженной позе стояла ее мать. Она была испугана не меньше дочери. А ее лицо несло на себе следы пережитых ею тягот, разочарований и боли.

Толкая перед собой коляску, женщина, очевидно, не увидела трещины на мостовой, и одно из колес попало в нее.

Колесо упорно отказывалось сдвинуться с места, и Шиа, наблюдавший за муками бедной женщины, наконец не выдержал и бросился на помощь. Заметив его, мать девочки радостно кивнула; Шиа, вытащив колесо из трещины, легко вкатил кресло на вершину спуска – казалось, что сидевший там ребенок ничего не весил. Я думала, что он тут же ретируется: Шиа производил впечатление человека, которому легче пустить в ход кулаки, чем проявлять сочувствие. К моему удивлению, он, поставив коляску на тормоз, наклонился и стал что-то говорить девочке, не обращая внимания на окруживших их зевак.

Девочка, подняв голову, внимательно смотрела на него, и когда он закончил, подобие улыбки появилось на ее личике. Наблюдая эту трогательную сцену, я почувствовала, как к горлу моему подкатывает комок. Я очень хорошо понимала, что это такое – быть одиноким и испуганным. И не всегда встречаются такие, кто, подобно Шиа, приходит на помощь.

К тому времени, когда я, тяжело ступая, вошла в помещение бани, дежурный уже сопровождал мать и дочь по коридору, а Шиа ожидал меня в вестибюле.

– О чем вы с ней говорили? – спросила я, наблюдая, как коляска с девочкой исчезает где-то в конце зала.

– Я рассказал ей одну историю.

—О чем?

– О том, как одна красивая маленькая девочка была больна, а приехав сюда, поправилась.

Я вспомнила дни, когда в полусознательном состоянии лежала в больнице; он рассказывал мне свои истории, они смешивались с моими снами, и невозможно было разобрать, где реальность, а где фантазия. Я и сейчас иногда думаю, не померещилось ли мне все это. Шиа человек необузданный и импульсивный. Я никогда не подумала бы, что у подобного типа достанет терпения нести бессменную вахту у постели больного и незнакомого ему человека. Видимо, я была не права.

– Что там случилось? – спросила я. – Эта девочка поправится?

Шиа рассеянно посмотрел на меня. Взяв меня за подбородок большим и указательным пальцем, он наклонился так низко, что я ощутила пьянящий мужской запах, исходивший от его кожи.

– Не каждому в жизни выпадает счастье, красавица, – с печалью в голосе произнес он. Люди вокруг толкались, стараясь быстрее пробиться к столу регистратора, но для нас время будто остановилось. Чистая, светлая печаль отражалась в его глазах, и я почувствовала, что духовная связь меж-

ду нами, едва наметившаяся прежде, в эту минуту окрепла.

Я поняла, что больше не одинока в этом новом для меня мире. Шиа человек, много повидавший в жизни. Он умеет слушать – и умеет понимать. Я подняла руку, чтобы коснуться его щек, но он, будто испугавшись моего жеста, резко повернулся и заработал локтями, пробивая себе дорогу к регистратуре.

Я поняла, что он не хочет отвечать на мою невольную ласку. Какая же я дура: была готова принять все, что угодно, даже не узнав, что именно собирается предложить мне Шиа. «Узнаю прежнюю Мэгги, – подумала я с отвращением, – постоянно от кого-нибудь зависящую и получающую от этого удовольствие». Что если его доброе отношение ко мне вызвано лишь физическим влечением? Ведь он мне ничем не обязан. Да, это все моя привычка полагаться на другого человека. Если я и дальше буду вести себя таким образом, меня ждут неприятности, и это будет по заслугам.

Я направилась к регистратуре вслед за Шиа; он выспрашивал клерка о Свене Лундгрене.

– Гимнастический зал на третьем этаже, – отвечал человек с совиными глазами, сидевший за столом. Он заметно нервничал, но несмотря на это говорил чрезвычайно растягивая слова – так пластинка, рассчитанная на 45 оборотов в минуту, играет на скорости в 33 оборота. – Мистер Лундгрэн – наш инструктор по физкультуре. Лифт за углом.

Шиа поблагодарил клерка, взял меня за руку, стараясь как

можно быстрее выбраться из толпы, окружавшей стол.

– Итак, наш самогонщик инструктор по физкультуре! Я думал, он алкаш или голубой... Этакая бабочка – порхает по лесу в поисках кореньев или ягод... – Лукавая усмешка вновь появилась на его лице.

– Ждите меня здесь, в вестибюле, – сказал он. – Вверх я поеду один. – И он пошел к лифту, прежде чем я успела что-нибудь возразить. Я, разумеется, не собиралась торчать здесь в одиночестве и решительно последовала за ним к кабине лифта, показавшейся мне до смешного старомодной. Дверь открылась, и негр-лифтер, улыбаясь, спросил, какой нам нужен этаж.

– Третий, – входя, ответил Шиа.

– Я еду с вами, – твердо заявила я, проталкиваясь в крошечную кабинку. – Вы можете командовать кем угодно, только не мной. У меня такое же право находиться здесь, как и у вас.

– Один из вас должен уйти из кабинка, – ужасно коверкая слова, произнес чернокожий лифтер. В то же мгновение я почувствовала, как какая-то сила мягко поднимает меня и выносит в коридор. Шиа проделал это так же легко, как несколько минут назад затолкнул на подъем инвалидную коляску.

– Боюсь, вам придется не по вкусу гимнастический зал. Это не место для настоящей леди. Третий этаж, – скомандовал он.

Я проскочила внутрь, не дав возможности лифтеру закрыть дверь.

– Я сама буду решать, что мне по вкусу, а что нет. – Я не очень регулярно посещала спортивные залы, но за свою жизнь мне не раз доводилось видеть не слишком одетые мускулистые тела, так что вряд ли меня могла смутить еще одна подобная картина.

– Док спустит с нас шкуру, если узнает, что я водил вас в такое похабное место, так что топайте отсюда, если хотите остаться в живых. – В глазах Шиа светилось ослиное упрямство – то же, что чувствовала я.

Лифтер смущенно прокашлялся. Улыбка постепенно сползла с его лица.

– Я есть очень жаль, но мой не может везть мужчина и женщина в один кабин. Это противный правила. – Около лифта уже собралась небольшая толпа зевак.

Внимательно выслушав причитания лифтера, Шиа промычал что-то неопределенное и мягким, но мощным движением вытолкнул несчастного негра из кабины, чем немало удивил и меня, и его. Хотя моя, кажется, взяла, мысленно я посочувствовала этому человеку: он, наверное, никогда не имел дела с типами, подобными Шиа.

– Если кто-нибудь спросит, скажи, что я не придерживаюсь никаких правил. – Он закрыл дверь перед носом удивленного лифтера, но на кнопку не нажал.

– Не пытайтесь демонстрировать на мне свое умение воз-

действовать на людей, – прошипела я. – Я способна сама отвечать за свои поступки.

– Я обещал доку быть приличным парнем.

– Да, и у меня сложилось впечатление, что доктор Тайлер сильно сомневался, сумеете ли вы исполнить эту миссию без каких-либо эксцессов, – парировала я.

Шиа свирепо посмотрел на меня – так свирепо, что я с ужасом почувствовала, как волоски на моем затылке встают дыбом. Он наклонился надо мной; его рука уперлась в стену чуть повыше моей головы. Я почувствовала себя насекомым, пришпиленным булавкой к листу бумаги.

– У вас очень красивый рот, красавица, просто необыкновенный рот. Это я вам говорю.

Неужели он считает, что у меня красивый рот?.. Жар наших тел наполнял кабину, размерами не превышавшую почтовый штемпель, и это не способствовало ровному течению мыслей. И хотя я неоднократно клялась себе, что не позволю ему больше пользоваться моей слабостью, в этот момент я вынуждена была признать, что у него самого потрясающе сексуальный рот.

– Необыкновенный, – повторил он. Его зеленые глаза стали щелочками. – Я надеюсь, вы не станете пользоваться им только для произнесения гадостей.

Он нажал на кнопку, и лифт, дрогнув, тронулся с места. Я не поняла до конца смысла его последних слов: комплимент это был или нечто противоположное; во всяком случае, щеки

мои вспыхнули.

– Постараюсь не обижать вас, – пробормотала я, когда лифт остановился.

По его лицу катались желваки.

– А я и не собирался обижаться.

Он открыл дверь и направился к спортзалу. Чем больше я с ним общалась, тем меньше понимала. Шиа непредсказуем – это единственное, что можно сказать о нем наверняка. Я всегда гордилась своей способностью понимать людей, давать объяснения их действиям. Мне вдруг вспомнилось, как Дэвид пьет чай, как его мизинец аристократично оттопыривается при этом, напоминая жирную запятую... Господи, да ведь я так ошибалась, оценивая своего мужа, подумала я с досадой.

Нет, вздохнула я, Шиа совсем для меня не понятен; а если учесть, как я ошибалась в Дэвиде, то скорее всего, утратила способность распознавать людей, а быть может, никогда и не обладала ею.

Шиа подвел меня к двери, на которой было написано «Спортивный зал», и мы вошли. Я была потрясена: комната эта больше напоминала пещеру, чем привычные мне спортзалы. В мертвом неподвижном воздухе висел чудовищной силы запах пота; от этого запаха у меня немедленно начала кружиться голова. Я привыкла к другому: чистоте, кондиционерам, сверкающему металлу тренажеров. В условиях «благословенных двадцатых годов» мой сверхчувствитель-

ный нос являл собой скорее проклятие, чем благословение.

– Вы выглядите так, будто вас окатили водой, красавица, – слегка приподняв бровь, ехидно заметил Шиа. – Если вы хотите подождать за дверью, еще не поздно ретироваться.

Я отрицательно покачала головой, стараясь, впрочем, дышать не слишком глубоко. Отыскать дорогу в будущее самое важное для меня, беспрестанно твердила я; я не успокоюсь, пока не достигну поставленной перед собой задачи. Постепенно я приспособилась к едкой духоте, окутывавшей меня.

Зал был переполнен мужчинами, в поте лица трудившимися на различных гимнастических снарядах. Трамплин и целый ряд барьеров стояли у одной из стен, с потолка на длинных веревках свисало с полдюжины металлических колец. Деревянный пол был отполирован до блеска.

Я услышала громкий хлопок и обратила внимание на двух тренирующихся в углу полуобнаженных боксеров в мешковатых шортах до колен; их инструктировал высоченный мускулистый блондин. Я весело улыбнулась Шиа и кивнула в сторону этого типа: видимо, его минуту назад он называл педерастом. Шиа проследил за моим взглядом и громко захрюкал, выражая тем самым свое презрение к «сопернику».

Я осторожно, чтобы не оказаться на пути у боксирующих, приблизилась к звероподобному шведу. Лишь только я подобралась поближе, один из боксеров нанес мощный удар своему противнику; голова несчастного резко откинулась, обдав меня брызгами пота.

Ослепнув на мгновение, я зажала рот рукой, пытаясь оставить на месте содержимое моего желудка.

– Идите сюда, красавица, – Шиа оттащил меня подальше от боксеров и усадил на пол, заставив низко, почти до пола опустить голову. Я была сильно смущена, но он уверенно начал массировать мне шею.

– Сделайте несколько глубоких вдохов, – прошептал он мне на ухо. – Мне не доставит удовольствия видеть, как из этого обворожительного ротика появляется что-то отличное от блестящих остроумных реплик.

На этот раз наши желания полностью совпадали – я молила Бога, чтобы со мной не произошло то, на что намекал Шиа. Он сунул мне в руку свой носовой платок, и я вытерла им слезящиеся глаза.

– Дайте мне склянку с зельем, – сказал он, когда я наконец обрела зрение. – Ту, что мы позаимствовали в аптеке.

Взяв бутылочку, он поднялся и пошел переговорить со Свеном. Группа мужчин в дорогих костюмах присоединилась к все увеличивающейся толпе зрителей вокруг боксеров. Несмотря на жару, один человек демонстративно накинул на плечи кашемировое пальто. Он был не высок ростом, но его внушительные размеры многозначительно говорили о нежелательности встречи с ним один на один в каком-нибудь безлюдном месте; его челюсть слева украшал толстенный шрам. В лацкане его пальто красовалась великолепная роза, аромат которой был единственным приятным запахом

в этом царстве зловония.

Было что-то знакомое – неприятно знакомое! – в его жирной, потной, покрытой прыщами шее. Он, судя по всему, заметил, что я пристально его разглядываю, и, рисуясь, вложил в рот огромную сигару, не торопясь запалил ее с противоположного конца. Ядовитый дым поднялся в воздух, будто издеваясь над моим сверхчувствительным носом.

Запах дыма от его сигары широко распространился вокруг, и мне вдруг показалось, что когда-то я уже слышала этот аромат. Глухие удары перчаток боксирующих помогли мне вспомнить. Запах этой сигары, вернее, отдаленный намек на него, я почувствовала в номере 442 «Арлингтона», том самом, где когда-то останавливался Аль Капоне; мы с Дэвидом снимали этот номер в 1993 году.

Вдруг мне стало казаться, что я снова теряю контроль над происходящим – как тогда, когда мне привиделась отвратительная сцена в кабаке. Тогда я подумала, что все эти пьяные гангстеры, зависший в воздухе отвратительный табачный дым, продажные полуголые девицы, – все это лишь плод моего воспаленного воображения, сон, порожденный всепроникающим южным солнцем и зловредным порошком, но, судя по всему, проснулась-то я только теперь. Я все еще отказывалась поверить осенившей меня догадке, но сколько можно спорить с очевидностью?.. Этот отвратительный тип с жирной шеей – тот, кто вскоре станет самым известным в мире гангстером, чье имя станет легендой на все времена.

Передо мной был сам Альфонс Капоне.

В этот момент я вдруг поняла, как хрупка человеческая жизнь – мостик, соединяющий прошлое и будущее; иллюзия, казалось, бросала вызов самой природе. Тени прошлого поднимались вокруг меня, таились за каждым углом, за каждым поворотом. До сих пор поиски моего отца были самым важным делом моей жизни; теперь я вынуждена была признать, что сохранить самую эту жизнь – тоже непростая задача.

Я поискала глазами Шиа мне хотелось узнать, добился ли он чего-нибудь от шведа-самогонщика, – но его плотным колыцом окружили гангстеры. Все они улыбались; Капоне представил Шиа еще более зловещему на вид человеку, затем вновь переключил свое внимание на боксеров: двое из них сражались на ринге, а другая пара о чем-то беседовала неподалеку.

Один из людей, которым был представлен Шиа, яростно жестикулировал, голос его грохотал подобно сыплющемуся под откос сухому гравию; его приятель, выглядевший чуть старше, напротив, еле слышно шевелил губами, и я не могла разобрать, что он говорит. Он был очень мал ростом еще ниже, чем Аль Капоне, – но это «отставание» компенсировалось размерами его живота; впрочем, руки его еще в большей степени привлекали мое внимание. Эти руки гипнотизировали собеседника своими размеренными, точно рассчитанными движениями – так кобра гипнотизирует свою жерт-

ву. Думалось, обладатель этих рук был способен на кровавые хладнокровные злодеяния не в меньшей степени, чем сам Капоне. Эти люди явно замышляли что-то, но более всего меня интересовало, какое отношение ко всему этому имеет Шиа.

Закончив разговаривать, Шиа пожал руку толстопузому и быстрыми шагами направился ко мне через весь спортзал. Все еще улыбаясь, он уселся на пол возле меня.

– Чего хочет этот ужасный человек? – шепотом спросила я.

Как будто услышав эти мои слова, друг Капоне развернулся и пошел прямо на нас. Я, как зачарованная, смотрела в его свирепые черные глаза, которые, казалось, были намертво прибиты к голове и поворачивались только вместе с ней. Ноздри его нервно вздрагивали, а нос огромный, с синими прожилками – сиял как красный фонарь у ворот борделя. Он поймал мой пристальный взгляд, оценивающе смерил меня с головы до ног и – очевидно, тут же потеряв интерес к такой мелкой рыбешке – переключил свое внимание на боксеров.

– Вилли Делатель Вдов, – Шиа кивнул в сторону толстопузого злодея. – Он предложил мне работу.

Делатель Вдов? Мне не хотелось думать о том, какие подвиги совершил этот тип, чтобы заслужить свое прозвище.

– Почему такой тип, как он, хочет, чтобы вы работали на него?

Шиа пожал плечами.

– Наверное, ему понадобился человек с честным, как у меня, лицом. – Прочитав в моих глазах недоверие и испуг, он рассмеялся.

В толпе шестерок, окружавших Вилли, ростом и мощью выделялся лысый гориллоподобный детина. Я обратила на него внимание, когда он, улыбнувшись, почти ослепил меня. Его рот напоминал пиратский сундук с золотыми монетами.

– Это Кэпс, телохранитель Вилли, – пояснил Шиа.

Шиа, пожалуй, знал слишком много обо всех темных личностях Хот-Спрингс, чтобы считать его среди них посторонним.

– И что вы ответили на предложение Делателя Вдов? – спросила я после некоторого раздумья.

– Сказал, что подумаю.

Я смотрела на Шиа, широко раскрыв глаза: мне казалась невероятной сама мысль о работе на подобного типа.

– И вас не беспокоит публика, которая его окружает? Ведь он из одной шайки с Аль Капоне, прости Господи!

– Да, Капоне знает толк в мордобое! Правда, сейчас он может погореть: мне сказали, он поставил кучу денег на того боксера, – Шиа ткнул пальцем в сторону громилы, старательно сучившего кулаками, – но вряд ли ему что-нибудь светит на соревнованиях в пятницу: парень едва переставляет ноги, а против него поставят какого-нибудь левшу, – их здесь навалом и все они цепкие и прыгучие, как пантеры. Букмекеры советуют ставить на этого парня, а сами втихаря ставят на

левшу. Обычно я интересуюсь только покером, но это такой верняк... Парень Капоне может работать правой хоть целый день, но вы видели, что случилось, когда тот, другой зашел слева? Его голова откинулась назад, и...

– Я знаю, знаю... – Ослабев, я жестом попросила Ши остановиться: новая волна тошноты подкатывала к моему горлу.

– Задержите дыхание, красавица; о, да вы и вправду поганно выглядите. Надо было сразу увести вас отсюда, да я понадеялся на ваше здоровье. Подождите, сейчас я вам помогу.

Поздно было тащить меня на свежий воздух: я дышала с трудом, блестящий пол плыл у меня перед глазами; казалось, сейчас над ним поднимутся миражи как в летний полдень над асфальтированной дорогой.

– Подождите, а как насчет нашего пузырька? – На какое-то время Ши и подонки, окружившие его, заставили меня забыть о цели нашего появления здесь.

Ши покачала головой и вернул мне склянку.

– Свен клянется, что никогда ничего подобного не видел.

– Не видел? – В отчаянии я смотрела на бесполезное зелье Афродиты в моей руке.

– Понятно, вам не повезло. – Под аккомпанемент хлопков, производимых перчатками яростно тренирующихся боксеров, его слова прозвучали печальной музыкой.

– Не может быть, – шептала я, как сомнамбула выходя вслед за ним из зала. Знаменитое везение Таггартов изменило мне как когда-то оно изменило моему отцу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Следующее мое утро в больнице началось с того, что с величайшей неохотой я проследовала в помещение, называемое залом механотерапии, где была подвергнута средневековым экзекуциям. Тело мое, изуродованное сначала растяжением на аппарате, который неведомым мне способом заставлял пациента задира́ть ноги на невероятную высоту, а затем двадцатикратными подъемами и падениями, осуществляемыми с помощью веревки, перекинутой через блок, начало отчаянно ныть, и я мысленно поставила эти мучения в один ряд с теми, что испытала накануне от ожогов, нанесенных мне в парилке бесстрашной Хасси. Правда, по сравнению с гимнастическим залом Фордаиса это помещение имело одно несомненное преимущество: здесь не было гангстеров.

Наконец я освободила свою лодыжку от приспособления, с помощью которого совершались подъемы, и взгромоздилась на механическую лошадь, делая вид, что продолжаю выполнять программу моего лечения, намеченную садистами-медиками. На самом деле я просто тянула время, обдумывая возможные способы вернуться домой и продолжить поиски отца.

Головные боли, мучившие меня последнее время, практически прошли, и мысли мои становились яснее день ото дня.

Чем бы я ни старалась занять свое время, страстное желание найти Адмирала не проходило. Я как бы снова стала шестилетней девочкой, которая впала в истерику и никак не может успокоиться. Этой боли, этой сердечной муке, казалось, не будет конца. Приближался мой день рождения, и я была убеждена, что с каждым прожитым днем мои страдания будут только усиливаться. В таком состоянии нечего было и думать сколь-нибудь скоро покинуть прошлое и вернуться домой.

Усевшись верхом на кожаное седло цвета красного дерева, я включила это странное приспособление и немедленно почувствовала, что начинаю раскачиваться назад и вперед самым непривлекательным образом. Я потянулась к выключателю, чтобы прекратить это безобразие, но скрип открывающейся за спиной двери заставил меня обернуться. В дверях стоял Ши; выразительные складки ослепительно белой рубашки подчеркивали красоту его могучего торса. Я, должно быть, смотрелась очень потешно: тело мое дергалось назад и вперед, а собственные волосы хлестали меня по щекам. Немалых трудов стоило мне добраться до выключателя адской машины.

– Док сказал мне, что вы здесь. – Своей обычной уверенной походкой он пересек комнату и сел напротив меня, оседлав какой-то бочкообразный механизм на деревянных роликах.

Я снова щелкнула выключателем и, должно быть, задала

максимальную мощность механической кобыле, потому что она начала швырять меня туда-сюда с невероятной частотой. Я ухватилась за луку седла и, крепко держась, подыскивала в уме наиболее удобный способ ретироваться с механической твари.

– Здорово смотрите, красавица. – Шиа, подняв брови, согнулся в ироничном поклоне.

Я проигнорировала его замечание и снова ткнула выключатель. Мерзкая железка перешла на галоп.

– Все, я повешусь.

Шиа дико заржал, его смех, и без того не тихий, многократно усиливался, эхом отражаясь от стен. Могучие мускулы на его груди напряглись; казалось, пуговицы на его рубашке вот-вот градом посыпятся на пол. Я вдруг вспомнила, как несколько дней назад эта могучая грудь страстно прижимала меня к больничной кровати, и легкое томление затуманило мою голову... Очнулась я уже на полу, возле головы механического чудовища, куда была им бесцеремонно сброшена.

Лежа на спине, я смотрела на дергающееся лошадиное рыло и ожидала очередного приступа смеха Шиа. Вместо этого он выключил пыточный механизм и спросил, опустившись возле меня на одно колено:

– Вы в порядке, красавица?

Я промычала в ответ что-то неопределенное, одновременно потирая свой зад. Я, конечно, ушиблась, но, кажется,

только одним местом, и решила, что буду лучше смотреться вот так, беспомощно распростертая на деревянном полу, чем поднявшись на ноги.

– Мне тоже никогда не везло с лошадьми, – мягко произнес. Шиа, ласковым движением отодвигая непослушную прядь волос, упавшую мне на лицо.

Я посмотрела на него, ожидая встретить дьявольскую ехидную усмешку, но его бездонные зеленые глаза были, скорее, грустны. В них было лишь сострадание то, что приличествует джентльмену при виде травмированной дамы. Я села.

– Требуется помощь?

Я кивнула, и он протянул мне руку. Задержав мою ладонь в своей, он подарил мне долгий страстный взгляд. Почувствовав, как под этим взглядом кровь приливает у меня к щекам, хотела высвободить руку, но его воля, казалось, сковала меня, я не могла пошевелиться. Его прикосновение обжигало мне ладонь.

– Не волнуйтесь, красавица. Я помогу вам как настоящий профессионал. – Он резко дернул меня за руку, тело мое наклонилось, и я оказалась прижата к собственным ногам.

– Какой профессионал? Вы же не врач. – Следовало как можно скорее нарушить возникший между нами чувственный контакт; я попыталась освободить свою ладошку из его железной клешни, но безуспешно.

– Быть может, вам нужен не профессиональный, а *пер-*

сональный подход? – Его голос хрипел от волнения, и тело мое ответило чувственной дрожью. Но ощущение опасности сдерживало мои порывы. И странное дело: аура опасности, исходившая от него, в равной степени пугала и соблазняла. Наверное, подобное чувство толкнуло Еву к Древу Познания желание узнать что-то новое, желание побродить под звездами по дикой степи, вместо того чтобы привычно заботиться о собственной безопасности. А разум вопил, что я веду себя невероятно глупо так кролик, загипнотизированный удавом, тупо взирает на приближающуюся опасность.

Когда он наконец отпустил мою руку, я вскочила на ноги и отошла подальше, одергивая юбку.

– Зачем вы пришли? – нервно спросила я.

– Я знаю, как добыть этот порошок, – сказал он, помогая мне – против моей воли – отряхнуть пыль.

– Правда?

– В городе есть некто по прозвищу Братская Любовь. Если кто-то здесь знает толк во всевозможных хитрых микстурах и снадобьях, то это он, старый хитрый черт. Правда, он дорого берет. Если у вас проблемы с деньгами, я вам помогу.

– Думаю, я обойдусь, – сказала я, покручивая обручальное кольцо на пальце. Это была единственная вещь, которой я располагала и которая имела хоть какую-нибудь ценность. Старинное кольцо россыпь высококачественных алмазиков в прекрасной серебряной оправе было семейной драгоценностью Дэвида. Я напряженно размышляла, прода-

вать или не продавать его, и в конце концов поняла, что эта вещь больше ничего не значит для меня, а продажа его дает мне надежду на возвращение домой. Я сняла кольцо с пальца и протянула Шию.

– Можете вы продать его для меня?

Он примерил кольцо на своем пальце, любуясь игрой бесчисленных алмазных граней. Мое кольцо, символ счастья, которое, как мне казалось, я обрела когда-то с Дэвидом, искрилось мириадами звезд в пыльном столбе света, падавшем из окна.

– Вы уверены, что действительно этого хотите, красавица? Для начала можно заложить его, а потом выкупить, когда вы станете побогаче, – предложил он, продолжая играть кольцом.

Любуясь волшебной игрой камней, я смотрела на старинное кольцо и вспоминала, как счастлива была, когда Дэвид надел его мне на палец. Да для меня это был символ счастья. Ложного счастья, добавляла я теперь, ведь оказалось, что я никогда не понимала человека, которому клялась когда-то в любви и верности. Он тоже произносил слова клятвы, но вкладывал в них иной смысл, чем я.

– Уверена, – ответила я, скрестив руки на груди.

Шия кивнул и сунул кольцо в карман.

– Я попробую загнать его одному знакомому парню.

– Я пойду с вами.

– О нет. Не сейчас. Если док узнает, что я вчера водил вас

в спортзал...

– А что? Тамошнее общество не подходит для того, чтобы водить туда даму? Или ваши друзья могут преподнести неприятный сюрприз?

Шиа нахмурился:

– Что-то вроде этого. Короче, я буду действовать по своему усмотрению, и вам ничего не остается, как позволить мне это.

– Но речь идет о *моем* будущем. – Только произнеся эти слова, я поняла, насколько они соответствовали действительности. – Вы продадите кольцо, и мы поедем искать этого вашего... Братскую Любовь. Я не могу больше сидеть здесь взаперти, даже доктор Тайлер согласен со мной.

Шиа опустил глаза, и легкая усмешка обозначилась в уголках его рта.

– Клянусь всеми святыми, красавица, когда вы найдете свой вонючий порошок, вы сразу убедитесь, что все ваши фантазии насчет него – чушь собачья.

Я твердо стояла на своем. Ему ничего не оставалось, как, тяжело вздохнув, сдаться на милость победителя.

– Хорошо, пойдемте. – И он пошел к двери; я последовала за ним, потирая ушибленное бедро. Он, наверное, считает меня невероятной упрямыцей. Как он заблуждается, несчастный! Не имей я проблем с возвращением домой, главной моей заботой было бы сейчас обрести уверенность в себе.

– Я сказал Эрни, что вы бедная безутешная вдова. – Шиа вытащил из кармана пачку купюр и отсчитал мне сто двадцать пять долларов. – Он большой проходимец, но жалеет вдов и сирот.

С точки зрения окружающих его темных личностей, Эрни, наверное, имел много слабых мест. Ну и черт с ним: пусть Шиа, если это ему интересно, разбирается в слабостях своего приятеля. Счастливо улыбаясь, я схватила деньги. Конечно, там, в будущем, за свое кольцо я выручила бы гораздо больше, но туда нужно было еще попасть.

– Я объяснил ему, что ваше обручальное кольцо, – семейная реликвия, доставшаяся вам от бабушки, – не унимался Шиа.

– Вы были недалеко от истины. – Теперь, когда я продала свое кольцо и была при деньгах, даже Шиа, приложи он все усилия, не смог бы испортить мое радостное настроение.

– Вообще-то, на мой вкус, оправа плоховата для таких камней, – сказал он, пытаясь запустить двигатель.

Я никогда не осмелилась бы сказать об этом Дэвиду, но в глубине души я всегда считала так же. Да, Шиа мог приврать – для того, чтобы выручить хорошие деньги за товар, – но он обладал и почти сверхъестественной способностью докапываться до правды.

Наконец двигатель начал подавать признаки жизни, и Шиа, пока тот не захлебнулся, быстро вскочил на водительское место. Бросив взгляд через плечо, он нажал на газ, и мы

тронулись с места.

– Я предпочитаю, чтобы женщина носила не такие *серьезные* драгоценности.

Одним-единственным словом он точно охарактеризовал аристократическое семейство Дэвида. Я не разделяла взглядов Вестшайров, но *серьезность* была той единственной чертой, которая нас объединяла, и я втайне гордилась этим. Но после слов Шиа эта черта, кажется, потеряла изрядную часть своей респектабельности.

Я сунула деньги в нагрудный карман и, мельком взглянув на гордый профиль своего спутника, подумала, что мне нужно вести себя более раскованно, научиться рисковать и выигрывать, как это умеет делать Шиа. Принимая во внимание, что все предыдущие годы я только и делала, что старалась избежать случайностей, риска, вряд ли такая программа могла быть осуществлена в обозримые сроки. Хотя, подумала я, переводя взгляд с рокового красавца на проносящиеся мимо пейзажи Хот-Спрингс 1926 года, вряд ли я смогу, даже если очень захочу, избавиться от некоторых неожиданностей, уже случившихся в моей жизни.

– Так кто же он – тот парень, к которому мы едем? – спросила я, надеясь, что все неожиданности уже закончились хотя бы на время.

– Братская Любовь, – странный тип.

– Еще один странный тип. Господи, только не это!

– Он разъезжает в рекламном фургоне и демонстриру-

ет всякие медицинские штучки: адский огонь, слабительные микстуры, эликсир молодости. Настоящий мужик – всегда в движении, – Шиа хмыкнул, – которое, кстати, ему совершенно необходимо: надо же как-то снижать концентрацию алкоголя в крови.

– Вы знаете кого-нибудь, кто *недает* вам повода для насмешек? – спросила я.

Он нахмурился и, как бы размышляя, потешно наморщил лоб.

– Один лишь доктор Тайлер, – сказал он, смерив меня долгим серьезным взглядом ятут же широко и беззаботно улыбнулся. – Впрочем, и насчет него я не слишком уверен.

Я прикусил губу, пытаюсь скрыть усмешку. То, что я занесла Шиа в категорию правонарушителей и гангстеров, вероятно, было для него комплиментом; но мое желание – попасть в будущее – не было незаконным, однако исполнить его, к сожалению, не под силу даже самым отчаянным ребятам из компании Шиа.

Выехав за пределы города, мы попали в сплошной поток автомобилей, которые двигались очень медленно, и все в одном направлении. Шиа дисциплинированно ехал позади этой кавалькады, потом съехал с дороги и припарковал свою «Модель-Т» среди старинных автомобилей, стоявших в живописном беспорядке. Я вышла из автомобиля и почувствовала, как пыль, поднятая десятками колес, намертво прилипает к разгоряченной потной коже. Мы заехали чертовски

далеко, и вряд ли скоро удастся помыться, подумала я, хлопывая дверь.

Жара только усиливала мое желание поскорее решить свои проблемы, и я поспешила за Шиа. Галантно придерживая за локоть, Шиа повел меня сквозь скопище автомобилей и туристов.

– Не вижу фургона Братской Любви, – сказал он, глядя поверх толпы, – но здесь работают мои друзья. Они узнают, куда он делся. Подождем немного, развлечения я вам гарантирую.

– Не нужно отвлекать меня. Займитесь лучше поисками Братской Любви. – Мне не хотелось тратить ни минуты драгоценного времени на какие-то забавы, придуманные Шиа, но он твердой рукой повел меня сквозь толпу потных тел. Запах свежеспаханной земли сопровождал нас, пока добрались до невысокого заборчика, ослепительно сверкавшего свежей краской на фоне грязной дороги, которую он огораживал.

Чумазый мальчишка, в драных штанах и висящей на ушах шляпе, как из-под земли вырос возле Шиа и принялся что-то шептать ему на ухо. Удовлетворенно кивнув, Шиа сунул ему в руку какой-то сверток, и тот удалился, профессионально прокладывая себе дорогу через толпу.

– Кто это был?

– Деловой партнер, – с хитрой усмешкой сказал Шиа.

Я не очень поняла, что он хотел этим сказать, но памятуя

о встречах с другими «деловыми партнерами» Шиа такими, как Аль Капоне и Вилли Делатель Вдов, – почла за благо не вдаваться в подробности.

Через мгновение дикий вопль пронесся над толпой. Пораженная, я огляделась и увидела неподалеку от себя человека в светлом костюме. Пренебрегая опасностью, этот человек больше чем наполовину перевесился через забор, размахивая из стороны в сторону потешным пляжным зонтиком. Шикарно одетая дама, стоявшая возле него, громко свистела и топала ногами, постоянно наступая на элегантный полуботинок своего кавалера.

На проселочной дороге перед нами появилась лошадь, запряженная в разбитую двуколку. За скрипучей колымагой гнался страус. *Страус?..* Несчастливая птица тоже тянула за собой тележку, в которой восседал возница. Я замерла, вцепившись руками в ограду, отказываясь поверить своим глазам. Задрав голову, страус – комок мускулов, покрытых черными перьями, – бежал по дороге, и куски засохшей грязи летели у него из-под ног. *У меня – галлюцинация – в этом нет сомнения.* Чертов порошок, наверное, обладает более длительным действием, чем я думала. Я взглянула на Шиа, чтобы развеять свои опасения.

– Я поставил штуку на Черный Алмаз, – сказал он, наклонившись так близко, что я почувствовала, как дыхание щекочет мне шею.

– Это что, лошадь? – нервно спросила я.

– Я же говорил, что мне не везет с лошадьми. Я поставил на страуса.

Слава Богу, я не сошла с ума: эта смешная птица, несущаяся сейчас вниз по дороге, – действительно страус. Наконец-то я смогла перевести дыхание, страх проходил, уступая место раздражению.

– Я думала, мы приехали сюда, чтобы найти Братскую Любовь, а вы, оказывается, предаетесь азартным играм? Я даже не заметила, когда вы сделали ставки.

– А вы что, хотите, чтобы я повесил объявление? Я пользуюсь услугами черных букмекеров этих проходимцев здесь пруд пруди.

Не знаю, почему это так удивило меня: с давних пор процветание Хот-Спрингс держалось на всяких незаконных штучках.

– Я ненавижу азартные игры и не хочу иметь с этим ничего общего. – Говоря это, я почувствовала, как могучая рука Шиа поворачивает меня лицом к нему.

– Теперь уже поздно удирать в кусты. Я намерен разделить с вами мои грядущие победы. Мне кажется, вы и сами могли бы испытать свое счастье – для разнообразия.

Я яростно затрясла головой: сам дух азарта был мне противен. Впереди было множество важных дел, и мне казалось безумием торчать здесь, попусту тратя время. Господи, если бы только я могла сказать Шиа, почему для меня так важно найти этот порошок, насколько это облегчило бы дело!

– Подождите, вы сказали, что поставили *штуку*?

Шиа рассеянно кивнул, как зачарованный наблюдая за гонкой. «Штука» – это не шутка, а сто долларов. Деньги не пахнут, к тому же я так нуждаюсь в них сейчас, чтобы найти порошок и дотянуть до возвращения домой.

Рев толпы усилился, и внимание мое переключилось на трассу. Страус явно отставал. Возница огрел его кнутом по голове, заставляя бежать быстрее. Человек возле меня снова стал размахивать зонтиком, не замечая, что бьет им меня по голове, я рявкнула, чтобы он прекратил безобразничать. Сотни людей сейчас теряли свои деньги; возможно, сами их жизни рушились в этот момент, как рухнула когда-то жизнь моего отца. Это было ужасно. Шиа, наверное, хорошо знакомо это чувство.

Страус начал сокращать отрыв. Нет, я не могла это вынести. Я ненавижу азарт и никогда не понимала, как эти идиоты-болельщики могут получать от этого удовольствие. Если все дело в деньгах, то есть масса более легких путей заработать их. По нараставшему реву публики я поняла, что на трассе что-то происходит и с неохотой посмотрела туда. Черный Алмаз все приближался и приближался к лошади. Если он сумеет сохранить этот темп, подумала я, возможно, мы победим.

Боже, что я говорю! Я не должна даже смотреть туда. Именно в этот момент страус поравнялся с лошадыю, и Шиа сильнее сжал мое плечо. Тепло его руки заставило мое серд-

це затрепетать от волнения.

Он нагнулся, навалившись на меня всем телом, его подбородок прижался моему затылку, чувство, соединившее нас, стало осязаемым, почти материальным, отделив от окружающей толпы.

– Давай, Черный Алмаз, – шептал Шиа, – добудь победу для Мэгги.

Услышав, как Шиа произносит мое имя, для меня на мгновение все вокруг исчезло – кроме нас и гонки. Сердце бешено колотилось, я прижалась к ограде, чтобы лучше видеть, как страус и лошадь проходят дальний поворот.

– Давай, Черняшка.

Шиа все сильнее прижимался ко мне, как будто это могло помочь страусу бежать быстрее. Финишная черта все приближалась. У нас был шанс. Еще немного – и черная птица победит! Когда до финиша оставалось всего лишь несколько футов, страус внезапно прибавил скорость, будто кто-то подтолкнул его сзади, и первым пересек заветную черту.

– Ура! – Шиа поднял меня и закружил в воздухе, ненароком выбив потешный пляжный зонтик из рук моего соседа.

– Мы победили!

– Никогда ничего не выигрывала раньше. – Я засмеялась, испытывая одновременно волнение и какое-то блаженное спокойствие. От такого состояния ноги мои подкашивались.

Шиа сжал меня еще сильнее и прошептал:

– Ты принесла мне удачу, красавица. – Он обнял меня за

плечи и притянул к себе, низко наклонив голову, так что наши губы почти соприкоснулись. – Чувствуешь?

Я кивнула. Все еще разгоряченная гонкой и трудной победой, я абсолютно точно поняла, что он имел в виду. Радостное возбуждение, охватившее меня, требовало действия, а не просто наблюдения и сопереживания. Волнение затмило собой все прочие чувства, отодвинуло в сторону проблемы и заботы нечто подобное испытываешь, когда рядом с тобой любимый человек. Чувство это было настолько глубоким и живым, что хотелось, чтобы оно никогда не кончалось.

– Вы выиграли, – послышался молодой голос. Я с удивлением оглянулась и посмотрела вниз – туда, откуда раздавался голос. «Деловой партнер» Шиа наблюдал за нами с самодовольной ухмылкой. Волнуясь, я сосредоточенно разглаживала свое помявшееся платье, в то время как паренек ловко отсчитывал Шиа купюры из толстой пачки.

Улыбаясь, Шиа выудил из кармана монету и вложил ее в протянутую руку мальчика.

– Спасибо, вот тебе четвертак, Билли.

Парнишка улыбнулся и спрятал монету в карман.

– Эй, – запротестовала я, – вы, помнится, говорили, что это я приношу вам удачу.

Шиа весело подмигнул мне и вручил половину выигрыша.

– Да, повезло так повезло. – Он снова повернулся к мальчику, и его рука опять оказалась на моих плечах. – Приятель, получишь еще двадцать пять центов, если разузнаешь, где

можно найти Братскую Любовь.

Мальчишка вытер нос рваным рукавом и, прежде чем ответить огляделся.

– Кошмар что творится. Полиция ищет его повсюду за продажу самогона. Так что он залег на дно, пока идет шухер.

– Молодчина. – Шиа взъерошил и без того всклокоченные волосы парня и удивительно проворными движениями пальцев будто извлек из его уха двадцатипятицентовик. Шиа вложил монету в грязную руку мальчишки, и тот удалился; перебежав площадь, он пристроился сзади к высокому мужчине, у которого волосы были такого же оттенка, как мои.

В какой-то момент мне показалось, что время остановилось. Будто я снова в знакомой полутемной комнате и с замиранием сердца прислушиваюсь, не доносятся ли из холла шаги... отца.

– Папа?.. – чуть не вырвался из меня крик, но в этот момент Шиа крепко стиснул мне руку, вернув к реальности. Но вдруг на меня навалилась болезненная слабость: ведь сейчас были годы, когда моего Адмирала еще и на свете не было, и уж, конечно, не было той маленькой девочки, что с замиранием сердца ждала его. Прежде чем я успела разглядеть похожего на Адмирала незнакомца, он затерялся в толпе.

– Не расстраивайтесь так сильно, – сказал Шиа, заметив мою растерянность. – Братская Любовь рано или поздно появится на горизонте.

– Скорее всего, так и будет, – знакомый голос раздался

позади нас, – хотя я сильно сомневаюсь, что вы согласитесь ждать его столько, сколько потребуется.

Я похолодела от ужаса и заметалась в панике. Это был Скайлз, добровольный агент доктора Леммингса.

Исчезла приятная улыбка, показная манерность и участливые интонации в голосе. Из-под хорошо ухоженных усов виднелась верхняя губа, которая напоминала маленькую ядовитую змейку. Возле Скайлза стояли два альбиноса. Они были невелики ростом, с одинаковыми треугольными носами и вообще были настолько схожи, что вполне могли сойти за близнецов. Трио окружало нас, медленно сокращая разделяющее нас расстояние и отсекая путь к бегству. Люди, в это время проходившие мимо видимо, что-то почувствовав, – резко меняли свой маршрут, чтобы ненароком не оказаться вовлеченными в намечавшееся выяснение отношений.

– Как удачно, что мы оба имеем дело с этим парнем. Он продал мне мерзость вместо эликсира жизни. Пришлось самому толкнуть этот вонючий самогон. Слава Богу, попался на пути один мертвецки пьяный тип.

– От души сочувствую вам, – сказал Шиа, на всякий случай взяв меня за руку, – но всякий знает, что Братская Любовь не очень-то печется о том, какого качества контрабандный виски он продает.

С удивлением и опаской я посмотрела на Шиа. Если тот разъезжий торговец и продаст мне порошок, какие могут быть гарантии, что он не всучит мне какую-нибудь отраву?

– Я разберусь с Братской Любовью позже. Я пока что не в курсе цен на горячительные напитки. – Обычно стеклянные, глаза Скайлза вдруг вспыхнули. – Но, кажется, я смогу оказать хорошую услугу Леммингсу. Все ваши фокусы на самом деле просто дешевка, не стоящая внимания. Неужели вы действительно думаете, что я позволю вам беспрепятственно шастать на моей территории, а потом смыться?

Шиа не отвечал. Его рука по-прежнему крепко сжимала мою, и мы бочком, бочком двигались к тому месту, где была припаркована «Модель-Т».

Скайлз ткнул в меня наманикюренным пальцем и ухмыльнулся.

– Так это она – та самая леди, которую вы спасли. Я вижу, вы не поскупились на новое платье для нее; оно много лучше того похабного костюмчика, что был на ней прежде.

– Единственной одеждой, которая бы ей полагалась после лечения в гадючнике Леммингса, – это саван. Неудивительно, что он постоянно нуждается в ваших услугах, чтобы поддержать свой бизнес. – Шиа встал между мной и компанией.

– Методы доктора действительно несколько варварские. Я полагаю, он использовал бы и дыбу, если бы она не вышла из моды. – Скайлз заржал, но его угольно-черные глаза остались безжизненными. – Но вот что я пытаюсь понять: неужели вы так и топчетесь возле нее, словно мальчик, переминаясь с ноги на ногу? Надеюсь, она уже расплатилась с вами за вашу услугу?..

– Она настоящая леди, Скайлз. – Челюсть Шиа отвердела.
– Разумеется, вам этого не понять. – Пока Шиа проговаривал эти слова, я обратила внимание, что он при этом незаметно оглядывает площадь то ли выискивая знакомых, то ли что-то соображая. – Я от кого-то слышал, что вам больше по вкусу размалеванные дамочки с хриплыми голосами, которым приходится бриться по два раза на день.

Скайлз захихикал, хлопая глазами.

– Ну, каждый из нас приехал в Хот-Спрингс по своим причинам. Я был удивлен, когда узнал, *что* именно заставляет вас возвращаться сюда каждый год. – Он многозначительно улыбнулся и отвесил мне поклон. – Она производит неплохое впечатление. – Он передернул плечами. – Чисто внешне, конечно...

Мне уже надоели грязные намеки в мой адрес, но, как ни странно, страха я не чувствовала. Я уже не раз видела, как ловко Шиа выкручивается из самых сложных ситуаций. Эта его тактика – стоять, нахально расставив ноги, и морочить голову – не раз спасала его от драк, как я могла предположить, неизбежных в большинстве подобных случаев. Но когда он, опустив голову, неожиданно побежал прямо на Скайлза, я чуть было не потеряла сознание.

Это, должно быть, удивило жирного коммивояжера не меньше, потому что вначале он побежал не слишком быстро, поднимая, однако, за собой шлейф пыли.

– Беги! – крикнул мне Шиа. – Это я им нужен, а не ты.

– Хватай его! – заорал Скайлз, и альбиносы принялись оттаскивать Шию от своего шефа, но мой спутник успел-таки расквасить ему нос. Один из подонков навалился на Шию, а другой правой ногой, обутой в огромные ботинки, нанес ему сильный удар в правое колено. Шия отскочил в сторону и опрокинул висевшего на нем альбиноса на спину. На лице моего друга не было и следов боли, будто никто только что не бил его тяжелым башмаком по ноге, и я было подумала, что белобрысый подонок промазал, но тут же заметила, что Шия припадает на травмированную ногу.

Мне оставалось лишь беспомощно наблюдать, как люди Скайлза с успехом реализуют свой численный перевес. Пока один мертвой хваткой держал Шию за горло, другой с остервенением бил его по почкам. Каким-то образом Шия удавалось держаться на ногах, но он никак не мог вырваться из их поганых рук.

Почувствовав, что опасность миновала, коммивояжер с мерзкой ухмылкой подошел к Шии.

– Я никак не пойму, вы потеряли голову из-за насмешки, или это из области чувств, мне не доступных... Поверьте, это похвальное, но слишком эмоциональное отношение к женщине, Янгер, тем более столь свободной в выборе своих кавалеров. Такое к лицу, скорее, подростку-девственнику... – Толстобрюхая тварь слегка притронулась к испачканной манжете своей рубашки. Рука Скайлза исчезла в кармане и появилась оттуда с надетым на нее блестящим кастетом.

Скайлз подступил к Шиа, нервно поглаживая кастет, – ему явно не терпелось пустить в ход свою железяку.

Страх горячей волной накатил на меня. Шиа грозила опасность, а вокруг не было никого, кто мог бы прийти на помощь.

Шиа посмотрел на меня мутными глазами. Негодяи держали его за руки, крепко скрутив их за спиной. Видимо, от боли Шиа никак не мог набрать достаточно воздуха, чтобы произнести хоть слово, и его губы лишь беззвучно прошептали: «Беги».

Скайлз кастетом дважды со всей силы ударил Шиа в живот. Не удовлетворившись этим, коммивояжер пригнул свое жирное тело и, высоко задрав руку, с отвратительным глухим стуком всадил кастет в пах Шиа.

Шиа, как мешок, осел на землю, чем вызвал торжествующий злорадный крик Скайлза. Он стоял над неподвижным телом, довольно улыбаясь и поглаживая свое блестящее металлическое оружие.

– Поднимите его, – приказал он.

Один из прихвостней Скайлза подтащил Шиа к ногам шефа; лицо моего друга было окровавлено, он прерывисто дышал. Я понимала, что должна что-то сделать, но страх сковал меня по рукам и ногам.

– Отпустите его, – крикнула я, решительно встав между Шиа и коммивояжером. – Я заплачу вам. – Я достала деньги, выигранные мною и вырученные от продажи моего кольца,

отчаянно надеясь этим ублаготворить его.

Переведя глаза с меня на купюры в моей руке, он презрительно хмыкнул.

– Заполучить у вас эту сумму было частью моего плана. Спасибо вам, вы облегчили мне работу. – Он заграбастал деньги и сунул их себе в карман, затем резким толчком сбил меня с ног. Куском гравия я сильно расцарапала руку, но едва почувствовала боль. Повернувшись к Шиа, Скайлз принялся обыскивать его карманы. Делал он это нарочито медленно, будто желая растянуть удовольствие. Вдруг Шиа поднял голову и смачно плюнул в поганую рожу коммивояжера.

Стерев плевок с подбородка, Скайлз кивнул своим коллегам, но Шиа успел подняться на ноги. Коммивояжер улыбнулся и погладил свой бронированный кулак; неподдельная радость светилась на его физиономии. Со вкусом он нанес удар в лицо Шиа, раскроив ему губу, кровь хлынула фонтаном.

Покачиваясь, опираясь на ладони и колени, я оторвала тело от земли. Большую часть жизни мне приходилось уступать всем и вся, но сейчас я не могла наблюдать, как Шиа страдает из-за меня. Как выяснилось, он был настолько предан мне, что не побоялся рискнуть ради меня своей жизнью. Осознание этого значило для меня больше, чем все уроки о добре и зле.

Заверещав как сирена воздушной тревоги, я вскочила, запрыгнула на спину Скайлза и замазала ему рожу комом зем-

ли, бывшим у меня в руках. Он закружился, пытаясь сбросить меня, и я столкнулась с одним из альбиносов, стоявшим рядом. Воспользовавшись этим, я ткнула комок земли, бывший у меня в другой руке, ему в глаз. Скайлз потерял равновесие и со всей силы грохнулся на задницу, рыча от боли. Этот рык был ужасен: кажется, нечестивец страдал геморроем. В этот момент с той стороны, где находился Шиа, послышался крик. Я обернулась на него и увидела, что Шиа вцепился зубами в ногу одного из альбиносов.

Скайлз был слишком занят собой, чтобы немедленно встать на ноги. Шиа подполз ближе и схватил меня за руку, почти выдернув ее из сустава.

– Ну, теперь вы будете слушаться меня? – прохрипел он.

Не удостоив его ответом, я что было сил побежала к автомобилю. Он бежал, сильно припадая на правую ногу, но мы двигались на удивление быстро. Я вскочила на сиденье и некоторое время ждала, пока Шиа взгромоздится рядом, с ужасом думая о том, что его автомобиль не так-то просто завести.

– Выйдите пока, красавица. Возьмите это на случай, если кто-нибудь попытается нас остановить. – Он вытащил что-то из-под приборной доски и сунул мне в руку. Это был пистолет. Я взяла его из рук Шиа, мысленно оправдываясь чрезвычайными обстоятельствами, но вместо страха я испытала какое-то новое, доселе неведомое мне чувство. Это было сознание собственной силы, и гнев, рвавшийся наружу, не ме-

шал, а помогал ему. Я больше не хотела быть тряпкой, всегда готовой лечь под ноги сильнейшему духом или телом. Я вышла из автомобиля и направила пистолет в ту сторону, откуда мы прибежали, уперев локоть в капот, чтобы унять дрожь в руке. Я посмотрела на Шию. Одной рукой он держался за бок, в другой была заводная ручка.

– Вы не думали на случай подобных злоключений – о покупке автомобиля со стартером? – спросила я.

– Несмотря на все неприятности, которые вы мне причинили, красавица, я обязательно рассмотрю ваше предложение.

Близнецы-альбиносы первыми появились в поле моего зрения. Стройность рядов изменила нашим врагам, на бегу они непрерывно сталкивались друг с другом так ведут себя лабораторные крысы, оказавшись на воле. Один из братьев окрикнул от попавшей в глаза грязи, второй сильно хромал – даже сильнее, чем Шию.

– Садитесь, красавица. Теперь вам придется вести машину.

– Но я не умею, – с сомнением произнесла я: очень уж сильно этот антиквариат отличался от моего «камаро». Там применялась автоматика, сложная по устройству, но весьма легкая в обращении: педаль газа и педаль тормоза практически все, что требовалось знать.

– Значит, вы хотите приятно провести время с нашими друзьями? – Лицо Шию было бледнее мела, он опирался на

автомобиль, чтобы устоять на ногах.

Двигатель наконец заработал, и Шиа захромал, чтобы взгромоздиться на то место, где обычно восседала я.

– Давайте мне пистолет и садитесь.

Я неохотно отдала оружие, удивляясь, какое чувство уверенности дает эта железяка. Направив пистолет на невооруженных близнецов, я ощутила пьянящее чувство неуязвимости и могущества – нечто подобное испытывают, наверное, сумасшедшие, воображая себя Наполеоном или Цезарем. Борясь со страхом, я забралась на водительское место.

Чувство уверенности испарилось, едва лишь я взялась за рулевое колесо. Страх острой иглой снова вонзился в меня, и единственным утешением была мысль, что раз я способна еще чувствовать себя простой смертной, значит, я не сошла с ума. По крайней мере пока.

– Я не могу вести этот ваш драндулет.

– Сможешь, никуда не денешься. – Шиа уселся, тяжело откинувшись на спинку сиденья; пот блестел на его лице, гримаса боли искажала его. – Давите на искровой и газовый рычаги.

Я хотела спросить, где все это находится, но тут же догадалась, что это те самые рычаги около рулевого колеса, так удивившие меня во время первой нашей поездки. Я перевела их в нижнее положение, вспомнив, что Шиа делал именно так.

– Теперь давите на эту педаль. Ногой!

Один из альбиносов забежал с моей стороны автомобиля и схватил меня за волосы. В этот момент «Модель-Т» двинулась с места, и моя голова откинулась назад. Дикая боль пронзила меня.

– Отпусти ее, или подохнешь! – завопил Шиа, подкрепляя свою угрозу стволом, нацеленным прямо в пасть бандита. Близнец потерял равновесие и упал, едва не попав нам под колеса. В его руке остался изрядный пук моих волос, но перспектива облысения волновала меня сейчас значительно меньше, чем возможность аварии среди скопища стоявших в беспорядке автомобилей.

Я крутила баранку с усердием, на которое только была способна, но тем не менее едва не переехала Скайлза, который тоже погнался за нами. Я оглянулась и с чувством глубокого удовлетворения отметила про себя, что этот подонок валяется в грязи второй раз за сегодняшний день. Он сотрясал воздух угрозами и ругательствами; я прибавила газ, оставив наших преследователей далеко позади.

Меня распирали азарт, и я едва не разбила машину, переезжая рытвину, которая размерами напоминала, скорее, небольшой овраг. Дорога, ведущая к городу, была достаточно широкой, но я тем не менее едва не столкнулась лоб в лоб со встречным автомобилем.

Надо регулировать мощность двигателя, поняла я, когда лишь в последний момент, до предела вывернув руль, мне удалось избежать правого заноса. Этот лишь чудом выпол-

ненный маневр поубавил мне уверенности, но я должна была признать, что все было выполнено отменно, в стиле настоящего лихача – или *крутоговодилы*, – это название, кажется, придумали гангстеры. «Крутая водила», – подумала я и засмеялась: в женском роде это выражение сильно проигрывало.

Я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы расслабиться, и поехала со скоростью значительно меньшей, чем та, на которую была способна даже убогая «Модель-Т». Взглянув в зеркало заднего вида, я заметила, что нас нагоняет какой-то ярко-желтый автомобиль. Кто находился в этом автомобиле, я не могла рассмотреть.

– Как вам нравится ваш водитель? – спросила я.

Когда Шиа не ответил, я повернулась к нему и увидела, что он сидит, съехав с кресла почти до пола и голова его склонилась набок, – кажется, он был без сознания. Я еще раз посмотрела на быстро приближающийся автомобиль. К моему ужасу, я узнала одного из близнецов; он высунулся из окна, целясь в нашу машину из дробовика.

Я опять позвала Шиа. Когда он снова не отозвался, я схватила его за шиворот и начала яростно трясти. Ответа все равно не было. Через заднее стекло я видела три мерзкие рожи, искаженные ненавистью. Скайлз сидел за рулем. Нас разделяло расстояние, не превышавшее длины небольшого автомобиля.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Я знала, что одна из ножных педалей должна включать высшую передачу. Но какая именно?

Пуля со звоном врезалась в заднее стекло и, просвистев над нашими головами, вылетела спереди. Разбитое стекло сверкающим дождем хлынуло в машину. Нужно что-то делать, поняла я. Я убрала ногу с нижней педали и нажала на одну из расположенных чуть дальше. С ужасным скулящим завыванием машина остановилась, затем раздался хлопок, и я поехала задним ходом. Только теперь я вспомнила, для чего была эта педаль.

Все еще двигаясь назад, я в ужасе зажмурила глаза, ожидая неизбежной катастрофы. Ведь я находилась в машине образца двадцатых годов, и нечего было надеяться ни на ремни безопасности, ни на воздушные мешки. Если даже маньяк не убьет нас из своего дробовика, страшной силы удар сделает это за него. Прошло несколько мгновений, ничего такого не случилось, и я открыла глаза. Желтый автомобиль успел свернуть, пропуская нашу машину; раздался выстрел, пуля просвистела в сторону насыпи и зарылась где-то на ее вершине. У меня не было желания выяснять, что произошло, и я продолжала ехать задним ходом.

Управлять машиной, едущей задом, было практически невозможно. Я тащилась назад, виляя от обочины к обочине,

словно опилась знаменитого «эликсира жизни» – фирменного напитка Братской Любви. Кроме того, появилось новое осложнение: бега закончились, и автомобили начали массово покидать свои стоянки.

– А говорили, что не умеете водить машину, – послышался слабый голос Шиа.

От неожиданности я даже подпрыгнула; я перевела взгляд на Шиа, чтобы убедиться, что он пришел в себя. С радостью я отметила, что Шиа выглядел совсем неплохо; но когда я выглянула из левого окна, прямо перед собой увидела другой автомобиль. Избегая столкновения, я инстинктивно крутанула руль и оказалась в неглубокой канаве. Мы неуклюже покатались по канаве, сминая колесами сухие стебли бурьяна, пока наконец я не нашла тормоз. Машина, вздрогнув, остановилась. От резкого толчка мы ударились о панель управления; мотор продолжал работать.

Наша кошмарная поездка закончилась, но я все еще крепко сжимала руль побелевшими пальцами, напряженно глядя на дорогу. Шиа стонал, обеими руками держась за ушибленное место.

– В следующий раз, когда мне придет идея посадить женщину за руль, я предварительно сбегаю к психиатру. – Он согнал меня с места водителя и уселся на него сам, очевидно, собираясь крутить баранку одной рукой. Только тут я заметила, что один его глаз заплыл, а на губах запеклась кровь.

– Вам и впрямь нужно показаться врачу.

– Именно это я и сказал. – Взвыл мотор, и под чутким руководством Шиа машина выбралась из канавы, сминая бурьян. Мы проехали мимо желтой машины Скайлза, как раз в тот момент, когда он и его приятели выползли из нее. Было не похоже, чтобы они в ближайшее время сумели организовать погоню.

– Разве мы едем не в больницу? – сказала я, заметив, что вместо того, чтобы ехать в центр города, Шиа свернул на боковую улицу.

– Из-за этих царапин? – Шиа рулил левой рукой, правой держась за ребра. Он был бледен, но попытался улыбнуться, чтобы скрыть боль. Однако улыбка ему не удалась. – Почему я должен доставлять удовольствие доку, позволяя ему штопать меня, словно тряпичную куклу? К тому же можно угодить в лапы Хасси... Нет, пусть она мучает кого-нибудь другого.

Последнему его аргументу мне было нечего противопоставить. Я оглянулась, чтобы убедиться, не маячит ли позади желтый автомобиль.

– Как вы думаете, Скайлз не погонится за нами?

– Сильно сомневаюсь в этом. Он порядочный трус и залезет сейчас в какую-нибудь нору зализывать раны. Когда Скайлз затевал эту разборку, он, конечно, не думал, что дело пойдет так далеко.

Господи, как бы я желала иметь в себе хоть крупицу этой уверенности!

Шиа заехал в гараж в переулке позади своих меблированных комнат и заглушил двигатель.

– Я вытрясу из них деньги – те, что они у нас отняли.

– Не надо, Шиа. Обещайте мне, что не будете больше связываться с ними. Я сама отдала эти деньги, это моя ошибка, и вы не должны из-за этого рисковать.

– Мерзавец всегда должен получать по заслугам, красавица. Пусть это не всегда получается, но стремиться к этому надо.

– Я не хочу, чтобы вы втягивались в новые драки.

– Говорю вам: так или иначе, но вы получите эти деньги. А пока возьмите это. – Он вытащил две десятки из кармана рубашки и протянул одну мне. – Скайлз не столь силен в обысках, как это ему кажется.

Шиа открыл дверь. Стоило ему выйти из машины и встать на ноги, как его ушибленное колено подогнулось, и, сморщившись от боли, лишь в последний момент он, уцепившись левой рукой за кузов, избежал падения.

Запихнув купюру в блузку, я бросилась ему на помощь. Перекинув его руку себе через плечо, я обняла его за талию. Когда он с трудом принял вертикальное положение, мы попытались сделать один маленький шагок.

– Я в полном порядке, будь я проклят! Не обращайтесь со мной как с инвалидом! – он смотрел прямо перед собой, лицо его выражало угрюмую решимость. Кровавая ленточка выступила на его губе.

Я видела, что его мнение насчет осмотра у доктора Тайлера нисколько не изменилось, и не собиралась настаивать на очевидном. Хотелось только надеяться, что мой друг знает, что делает.

Выйдя из гаража через черный вход, мы пересекли лужайку и добрались до парадной лестницы, ведущей на второй этаж. Там был только один пролет, но, наверное, легче было бы взобраться на гору. Прикусив губу, я сделала первый шаг. Шиа сделал то же самое. Это далось нам не без усилий. Мы остановились передохнуть. Шиа тяжело навалился на меня.

– И где вы только подцепили эту дамочку? Где были ваши мозги? – Корнелия собственной персоной возвышалась над нами; кожа около ее рта сморщилась, выражая крайнюю степень презрения. Шиа пробормотал себе под нос какое-то ругательство.

– Простите, – прошептал он мне, – обычно я помню о хороших манерах, но это особый случай.

– Нет проблем, – сказала я мягко. У меня на языке тоже вертелось несколько отборных ругательств, и если бы не необходимость выдерживать на своем горбу вес здорового мужика, я бы не удержалась от соблазна выпалить их как из пулемета.

Не поднимая головы, Шиа методично, шаг за шагом, переставлял свои больные ноги.

– Я веду ее в свою комнату, Корнелия. Видели вы когда-нибудь большее безобразие?

– Не в моем заведении, – упрямо сказала она. – Вы знаете наши правила.

Когда Корнелия упомянула о своих правилах, Шиа заговорщически ткнул меня локтем в бок.

– Будь моя воля, я бы в свое время учил ее не бальным танцам, а именно перевязывать ребра.

– Я буду придерживаться правил, мэм, – скромно сказала я.

Шиа вытер рукавом рубашки лоб, глянцевого от пота.

– Я уважаю ваши чувства, Кори, – сказал он; при этом его рука с еще большей тяжестью оперлась о мои плечи, – но если вы думаете, что я намерен изнасиловать Мэгги, вы ошибаетесь.

Корнелия заметалась, подобно безумной мокрой курице, но когда мы завершили подъем по лестнице, проворно ретировалась в дом.

– Когда, наконец, братья Скрагг прирежут вас? – прокричала она из-за закрытой двери.

– Никогда, – ответил Шиа. – Скрагги предпочитают огнестрельное оружие.

Кажется, не только у меня были тайны. Я взглянула на Шиа, раздумывая, кто такие эти Скрагги и почему они охотятся за ним.

– Имейте в виду: если из вашей комнаты до моего слуха донесется хоть один непристойный звук, – послышался нам вдогонку голос хозяйки, – вы окажетесь на улице еще до рас-

света. – Дверь торжественно закрылась, и мы снова остались одни.

Шиа покачал головой:

– Никак не могу понять, почему женщин считают слабым полом. Я бы предпочел выяснять отношения на кулаках с каким-нибудь верзилой, чем отбиваться от бабских нападков.

– Корнелия самого высокого мнения о вас, – заметила я. – Она думает, что не существует женщины, которую бы вы не сумели соблазнить.

Я открыла дверь, и нам пришлось помучиться, чтобы одновременно протиснуться в нее. Шиа задел о косяк своими ушибленными ребрами, сморщившись от острой боли, пошатнулся и, пытаясь устоять на ногах, навалился на меня всей своей тяжестью. Шиа застонал, а я жадно ловила ртом воздух. Духота узкого коридора, запах запекшейся крови и ощущение опасности все как-то сразу ударило мне в нос. Опасность на этот раз исходила не от напавших на нас бандитов, а от человека, прикосновение к которому могло заставить меня забыть обо всем.

Шиа отстранился от меня и, покачиваясь, заковылял по коридору. Он мог бы опереться о стену, но снова предпочел мое плечо.

– Так вы говорите, что я могу делать с женщиной что захочу? – спросил он, когда мы добрались наконец до его комнаты; поглядев мне в глаза, он добавил: – С *любой* женщиной?

– Конечно нет, – сказала я, чувствуя, как лицо мое покры-

вается краской. – Я... я имела в виду незамужних женщин.

– Или тех, чей брак не сложился.

Пока он отпирал дверь, я удивлялась, как все-таки много этот тип успел узнать обо мне. Интересно, это доктор Тайлер разболтал ему о моих семейных неурядицах?..

– Вы можете войти, – с ехидцей произнес он. – Я ненавижу разочаровывать Корнелию в ее худших подозрениях.

В комнате было невыносимо жарко, но я твердо решила, что останусь здесь, пока не удостоверюсь, что Шиа не грозит легочное кровотечение или еще что-нибудь. Я решительно прошла через комнату и, основательно потрудившись, наконец открыла окно. Когда я обернулась, то увидела, что Шиа уже разложил возле своей холостяцкой кровати металлическую флягу, бинты и другие предметы, необходимые для перевязки.

– Вы, я вижу, всегда готовы к неприятностям.

Он молчал, пытаясь расстегнуть левой рукой верхнюю пуговицу на рубашке.

– Спасибо Хасси. Ей, наверное, порядком надоело возиться со мной. – Пуговица упорно отказывалась пролезть в петлю.

Я присела на кровать рядом с Шиа и помогла ему справиться с пуговицей. Остальные пуговицы поддавались легче. Темно-русые волосы покрывали его накачанный торс; двенадцатидюймовый шрам тянулся вдоль него, доходя почти до брючного ремня. Кровь бросилась мне в лицо; щеки полых-

нули жаром.

– Вы что, никогда не видели шрамов? – спросил Шиа, в упор глядя на меня.

– Н-нет. Я не поэтому... Я хочу сказать, что хоть и замужем, но никогда не думала, что на груди может быть так много волос.

Бледные золотистые волосы на теле Дэвида были почти невидимы. Мои глаза скользили по полоске волос, струившейся вдоль живота Шиа вплоть до самого пояса, по шраму, который, по-видимому тянулся еще дальше...

– Если вы и замужем, красавица, вы не можете быть счастливы. – Дрожа и морщась от боли, Шиа стянул наконец с себя рубашку. Ужасный синяк покрывал почти половину его грудной клетки.

– Почему вы говорите мне это?

– Ни одна женщина, если она счастлива в браке, не будет продавать свое обручальное кольцо – даже не жалея об этом.

Я посмотрела на бледную полоску кожи на пальце все, что осталось от злосчастного кольца. Впрочем, после нескольких часов, проведенных на солнце, и эта слабая отметина почти уже слилась с остальной кожей.

– Мне очень жаль, – отводя глаза, почему-то сказала я.

– Я думаю, вы жалеете не о кольце, – отрезал Шиа.

Мне не хотелось думать о кольце. Оно напоминало мне, как мало я значила для Дэвида. Да, я действительно была рада, что избавилась от него, но я все никак не могла смириться-

ся с тем, что жила с мужем, которого любила, но который, как оказалось, не любил меня и постоянно лгал.

– Приходилось вам когда-нибудь перевязывать сломанные ребра? – спросил Шиа. Я отрицательно покачала головой, и он вручил мне скатанную белую простыню.

– Обвяжите меня покрепче. – Мне никогда не приходилось учиться приемам оказания скорой помощи даже на кукле, но вид ужасных травм Шиа отвлек меня от грустных размышлений. Я осторожно приложила конец хлопчатобумажной простыни к месту ушиба и начала перевязывать Шиа. Для того чтобы пропустить за спиной простыню, мне пришлось почти обнять его, и мне с трудом удалось справиться с охватившим меня волнением.

– Вы не собираетесь рассказывать мне о своей жизни, я вас правильно понял? – спросил он наконец.

Я покачала головой.

– Разорвите конец простыни и завяжите узлом, – устало произнес Шиа.

Ткань плохо поддавалась, и мне пришлось дернуть изо всей силы, причинив при этом Шиа немалую боль: он слегка вздрогнул, но не издал ни звука. Мне все-таки удалось надорвать простыню, и я, еще раз обернув концы, завязала их аккуратным бантиком. Я с гордостью рассматривала свою работу, когда почувствовала, что он пристально наблюдает за мной.

Я посмотрела на Шиа, его зеленые глаза буквально бура-

вили меня.

– Почему вы не доверяете мне? Кто обидел вас, красавица?

Я не ответила. Этот простой вопрос острой иглой уколол мне сердце. Кто обидел меня? Два наиболее близких мне человека Шиа предстояло выбрать.

– Как помочь вам, если вы не хотите быть откровенной со мной? – Шиа откупорил флягу и сделал большой глоток, потом плеснул немного на кусок ткани. Сильный запах виски распространился в маленькой комнате, и у меня слегка закружилась голова.

– Почему вы стали помогать мне? – спросила я.

– Опять двадцать пять. Вы хотите, чтобы я верил вам, но сами не откровенны со мной.

Он приложил смоченный виски платок к разбитой губе. Его глаза заслезились, но я так и не поняла то ли от боли, то ли от спиртных паров.

– Вы пропустили кое-какие места, – сказала я, взяв у него примочку. Когда я приложила ее к самой большой ране на его губе, Шиа непроизвольно отдернулся, но потом сидел спокойно, пока я дезинфицировала остальные ранки на его лице.

Нешадно палящее солнце, запах алкоголя и пота, – все это смешалось в какой-то примитивный, но необычайно сильный аромат; казалось, сама мать-природа была творцом этого коктейля. Влекумая необоримой древней силой – той, что

с первобытных времен влечет друг к другу самцов и самок, я жадно вдыхала воздух, наполненный этим дьявольским сладобъем, полностью погружаясь в изумительный мужской запах, который исходил от Шиа, Руки мои дрожали от желания. Я снова втянула носом воздух и уловила запах, который в наибольшей степени возбуждает половое чувство – аромат феромонов.

В течение многих лет я составляла ароматические смеси, вызывающие подобную реакцию, но мне и в голову не приходило, что человеческий организм сам способен производить такое. Теперь я убедилась, что такое возможно. Аромат, исходящий от Шиа, делал со мной нечто невообразимое... Я уже не думала о том, что мне не слишком удобно находиться столь долгое время в комнате одинокого мужчины; я бы отдалась ему немедленно, если бы он пожелал этого... Хорошо, что он был в неподходящей форме: с раскроенной губой, сломанными ребрами и поврежденным коленом не говоря уже о неусыпно бдящей домохозяйке он не представлял для меня никакой угрозы.

– Я думаю, что должна сделать это, – как сомнамбула проговорила я, удивляясь тому, как глухо – будто из деревянной бочки – звучит мой голос. – Вы не из тех, кто будет помнить чей-нибудь поцелуй в течение нескольких дней.

– А вот я не уверен в этом.

Он взял платок из моих слабеющих рук и бросил его на пол.

– Что вы имеете в виду?! – испуганно вскрикнула я.

Он обвил здоровую руку вокруг моей шеи. Под прохладой собственных влажных волос я почувствовала жар его тела.

– Я думаю, мне лучше уйти.

– Вы, вероятно, правы, миссис Вестшайр. – Услышав свою фамилию, я не предприняла ни малейшего усилия, чтобы вырваться из его объятий. Казалось, я уже была неспособна сопротивляться соблазнительному давлению его руки.

– Я всего лишь слабая женщина, – сказала я, защищаясь.

– Мы все слабы, просто у каждого есть свой предел возможного. К тому же вы, красавица, постоянно сами себе мешаете. – Мягкий южный говор, лившийся из его плутоватого рта, был подобен какому-то наркотическому снадобью, и лишь благодаря временной слабости Шиа я чувствовала себя в безопасности. Его голова, вся в синяках и ссадинах, приблизилась ко мне, и я совершенно потерялась в волшебном свете, лившемся из его глаз.

Я судорожно облизала губы, пытаясь представить себе, *каким* стали бы эти глаза, если бы мой приятель вдруг выздоровел.

– Мне кажется, я до конца своих дней буду делать это – мешать самой себе, – задумчиво проговорила я.

Его широкая грудь была теперь совсем близко от меня, и ее тепло, подобное жару железной печки, с легкостью проникало сквозь мою тонкую блузку. Разрываясь между желани-ями сбежать поскорее и отдаться на милость поднимавшего-

ся во мне инстинкта, я с трудом вдыхала горячий воздух. Он сжал меня сильнее, и я почувствовала, как горячие волны страсти, подобно цунами, проходят по моему позвоночнику, а тело мое становится слабым, как желе.

– Вам больше небезопасно здесь находиться, красавица. – Шиа ослабил свои объятия, его пальцы нарочито медленно, с легкими прикосновениями заскользили вдоль моей спины; эти прикосновения были волшебны.

Как оказалось, я была более уязвима, чем себе представляла. Я хотела остаться верной клятве, данной мной когда-то, но в этот момент почувствовала, что силы, так необходимые мне для этого, тают. И я запаниковала.

Шиа был прав. Я здесь не чувствовала себя в безопасности, но угроза исходила не от гангстеров и жуликов, она крылась во мне самой. Я не в силах была противостоять страстным желаниям, которые поднимались во мне, как только я видела Шиа, приближалась к нему и ощущала исходящий от него аромат.

Ласковыми движениями он поправил мои непокорные рыжие пряди, потом устало склонил голову, так что его щека почти коснулась моего лба. Суточная щетина на его лице слегка уколола мне кожу, и чувство какой-то новой близости к этому человеку захватило меня. Одна моя часть кричала беги отсюда как можно дальше, другая же – как можно покинуть человека, который рисковал собой ради твоих, неизвестных ему целей... и от которого веяло такой притягатель-

ной силой.

Чувствуя на своем лбу щетинистый подбородок Шиа, я непроизвольно начала гладить его мускулистую грудь. Медленно-медленно провела рукой вдоль его груди, покорно следуя за рельефом могучих мускулов и лишь слегка ероша волосы, обильно покрывавшие кожу Шиа. Ощувив мое прикосновение, Шиа издал низкий, исходивший, казалось, из самых глубин его груди звук.

– Красавица, вы в опасности, – прошептал он, и я почувствовала на щеке тепло его дыхания.

– Вы не в той форме, чтобы причинить мне неприятности, – пробормотала я.

– Тогда почему же я чувствую опасность?

– Вы мужчина. Вы встречались лицом к лицу с врагами и остались живы. – Я коснулась кончиком языка его грубой кожи. К моему изумлению, вкус, который я ощутила, был-вкусом не соли, а, скорее, сахара. – И я осталась жива.

Он повернулся, и его рот оказался на одном уровне с моим. Поколебавшись, я еще сильнее высунула язык, стараясь коснуться им разбитой губы Шиа. Ни одна уважающая себя южанка не скомпрометировала бы себя подобным образом, но огонь струился по моим жилам, поддерживаемый близостью Шиа, видом его поврежденной губы, его покрытого шрамами тела. Я не отдавала себе в этом отчета, но мне не терпелось испытать, что заставляет сидящего рядом со мной человека все время ходить по краю пропасти, в то вре-

мя как я, завидев опасность, всегда стремилась обратно, опустив крылья. Он не смог бы поцеловать меня как следует, и возможно поэтому,, чувствуя себя в относительной безопасности, я решилась на такое «геройство». Я не хотела обманывать Шиа, возбуждать его понапрасну, а потом спрятаться в кусты. Я просто хотела почувствовать вкус жизни: подобно тому, как купальщик, входя в воду, пробует ее пальцем ноги, так я проверяла язычком температуру этого моря страсти. Многие люди из тех, что окружали меня до сих пор, с наслаждением купались в нем, а я в лучшем случае лишь наблюдала за этим с берега.

Вспомнив о том, что верхняя губа Шиа сильно разбита, я закрыла глаза и легонько поцеловала его в нижнюю губу. Запретный плод был сладок: острое наслаждение пронзило меня как электрический ток. Ласка была вполне невинной, но вместе с тем очень эротической.

– Вы учтите, мне будет очень трудно сейчас снять штаны: я могу совсем dokonать свое колено. Во всяком случае, придется повозиться, – произнес Шиа.

– О, я не собираюсь оставаться здесь надолго. – Говоря это, я чувствовала, как запретное желание, возникшее во мне, все усиливается. Я хотела почувствовать губы Шиа на своих губах. Я хотела, чтобы он хотел меня, а этот необузданный мужик, видите ли, не желает бороться за обладание женщиной, которую едва знает. И все из-за своих старомодных понятий о чести. Нет, этот тип еще хуже Дэвида!

Я не принадлежу к этому времени, но рано или поздно я приспособлюсь к нему или вернусь в свое, – но пока этого не случилось, почему бы мне не попробовать запретного плода жизни? Я посмотрела на Шиа, и наши взгляды встретились. Огонь, горевший в его глазах стоил сотни лесных пожаров.

– Я не могу любить чужую жену. – Он покачал головой; дьявольское напряжение было написано на его лице. – Это нехорошо. Я, конечно, человек не без недостатков, но стараюсь быть настоящим джентльменом Юга.

По мере того, как смысл его слов доходил до меня, дыхание мое учащалось. Клянусь, я даже в мыслях не допускала, что наши отношения могут зайти так далеко. Ну, может быть, и думала, но только безотчетно, в те моменты, когда я видела его медленную, уверенную походку, его мощные мускулы, игравшие под одеждой. Мои руки дрожали, и чтобы унять эту дрожь, я сжала их между коленями.

– Мне нужно выйти на свежий воздух, – выдохнула я.

– Вы боитесь меня, миссис Вестшайр?

– Нет... разумеется, нет. – Мое сердце то почти останавливалось, то трепыхалось в неустойчивом ритме, то начинало бешено, отдаваясь стуком в висках, колотиться. Но надо было держать марку. С ложной бравадой в голосе я обратилась к нему:

– А вы сами боитесь меня? – разумеется, это был смешной вопрос: для человека, мучающегося сомнениями, спать или не спать с чужой женой, Шиа выглядел слишком холодным

и рассудительным; о том, чтобы он чего-нибудь испугался, вообще, казалось, не могло быть и речи.

Он спрятал лицо в моих волосах, вдыхая их аромат; его пальцы перебирали мои непослушные рыжие пряди.

– Я боюсь, – пробормотал он, затем вздохнул и, отстранившись от меня на расстояние вытянутой руки – освобождение из его объятий отрезвляло, как ушат холодной воды, – сказал: – Вы спрашивали, почему я стал помогать вам.

Я кивнула, впрочем, едва понимая, о чем он говорит: все, что я хотела, это чтобы он снова стиснул меня в объятиях.

– Помните ту маленькую девочку, о которой я вам рассказывал? – его взгляд стал рассеянным и блуждающим, как в тот раз, когда он впервые упомянул эту девочку.

Я снова кивнула.

– Кто-то должен позаботиться о вас. – Он целомудренно чмокнул меня в щеку своими разбитыми губами. – Теперь вам лучше меня покинуть, пока я еще не забыл о своем джентльменстве.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

– Где, черт побери, вы умудрились так раздолбать себе руку? – Хасси смерила меня оценивающим взглядом. – Я не могу парить человека, у которого открытая рана.

Я аккуратно сложила белье – безобразные мешковатые вещицы, которыми осчастливила меня Корнелия, – и швырнула шелковое тряпье в одну из коробок, стоявших на кровати.

– Все, что мне требуется – немного спирта, чтобы продезинфицировать эту рану. – Если даже губа Шиа не нуждалась в хирургическом вмешательстве, моя слегка поцарапанная рука тем более не давала повода для беспокойства. Вспоминая восхитительное мгновение, когда его губы соприкоснулись с моими, я почувствовала ледящую пустоту в животе; такое чувство возникает, когда подойдешь к краю пропасти и посмотришь вниз.

Она покачала головой.

– Я должна сообщить об этом доктору Тайлеру. Он считает, что вы в достаточно хорошей форме, чтобы самостоятельно ходить по улице, но это не значит, что вам уже позволено искать приключений на свою голову. – Она смотрела на меня, прищуриив глаза. – Вы ведь были вчера с Шиа, правда?

– Да, и что из этого? – Я хотела выглядеть беспечной, но вряд ли мне это удалось: при звуках его имени я почувствовала, как что-то оборвалось у меня внутри.

– Конечно, не он сотворил такое с вами. Тогда кто? Неужели братья Скрагг опять достали его?

– Он тут ни при чем. Кто такие, черт побери, эти Скрагги? Корнелия уже упоминала их, теперь вы...

Хасси пожала плечами.

– Это неважно. Но вы должны вести себя осторожнее. – Хасси подняла с кровати другую коробку; заглянув внутрь, она взвизгнула, швырнула коробку назад и отбежала к двери. – Я не приносила это! Откуда здесь взялась эта гадость?!

Я заглянула в коробку и увидела пузырек с порошком Афродиты, лежавший поверх прочего барахла. Я достала его и показала Хасси.

– Чего вы так испугались? Это всего лишь пузырек с ни на что не годным порошком, который мне дал аптекарь.

Она вся съежилась и снова попятилась к двери.

– Если не хотите неприятностей, избавьтесь от этого как можно скорее.

– Подождите. – Я подбежала, чтобы остановить ее, ведь Хасси уже поворачивала дверную ручку, и схватила ее за руку. Хасси попыталась освободиться, и я почувствовала, как напряглись мои ладони. – Почему вы так говорите?

– Эта... бутылка. – Она кивнула в сторону коробки и отвернулась, стараясь не смотреть на меня. – Эта черная магия. Все это происходит только из одного места.

Неужели это момент истины, которого я так долго ждала? Слыша, как бешено колотится сердце, я сжимала в одной

руке пузырек, похожий на колокольчик, а другой намертво вцепилась в Хасси.

– Что это за место? Вы должны сказать мне.

Она упрямо покачала головой:

– Это нехорошее место. Только для таких, как Шиа.

– Я поговорю с ним, но расскажите мне все, что вы знаете. Это очень важно. – Я еще крепче сжала ее руку. – Быть может, мое будущее зависит от этого.

Тараща глаза, Хасси тяжело дышала; сеть глубоких морщин резче обозначилась на ее задубевших щеках.

– В такие бутылки одна ведьма из Дак Конер засыпает свои снадобья. Теперь придется просить доктора Тайлера почистить мне руку. – Она вырвалась от меня и пулей вылетела в коридор.

– Черт с ней, с рукой, – сказала я вслух, после того как Хасси исчезла. – Надо обязательно сказать об этом Шиа.

В могильной тишине больницы мои слова прозвучали подобно эху в горах; но я почувствовала, что в этот момент значительно приблизилась к тому, чтобы найти свой заветный порошок, и даже, быть может, к раскрытию правды о моем прошлом.

* * *

Хасси не бросала слов на ветер. Через несколько минут появился доктор Тайлер с черным саквояжем в руке. Он про-

мыл и перевязал рану на моем предплечье. Я наврала ему, что упала во время прогулки на острые камни, а случилось, мол, это из-за неудобных туфель, которые всучила мне Корнелия. К счастью, доктор то ли не успел поговорить с Шиа, то ли мой кавалер врал ему примерно то же самое.

Когда доктор ушел, я быстро отволокла коробки в свою новую удобную палату в дальнем конце больницы. Я решила распаковать их позже, а пока взяла лишь похожую на колокольчик бутылку, сунула ее в карман юбки и выбежала во двор. Если Шиа чувствует себя лучше, мы можем проведать эту так называемую ведьму прямо сегодня.

Имея в кармане всего лишь десять долларов, я не решилась воспользоваться транспортом и пошла пешком. К счастью, подобно больнице доктора Тайлера и большинству других заведений, обслуживавших бесчисленных курортников, приезжавших в Хот-Спрингс, меблированные комнаты Шиа находились от Бэтхауз-роуд на расстоянии, вполне приемлемом для пешей прогулки.

Это недалеко, уверяла я себя, но пройдя даже небольшое расстояние, почувствовала на себе обжигающие лучи солнца, в этот утренний час уже высоко висящего в безоблачном небе. Жара забирала мои силы, и кварталы, которые я преодолевала, превращались в мили. Если бы у меня была хоть на что-нибудь пригодная шляпа! Та колокообразная, что всучила мне Корнелия, не защитила бы и дюйма моей веснушчатой кожи.

Когда я наконец добралась до заведения Шиа, на веранде восседал лишь старый чудак с тростью. Голова Слая покоилась на груди, его глаза были закрыты. Проходя мимо на цыпочках, чтобы не разбудить его, я подумала, что он напоминает тролля со своим сморщенным высохшим лицом и пучками седых волос, торчащими из ушей. Да и в поведении его ничто не противоречило такому сходству.

Я была почти перед дверью, когда он, всхрипнув, вдруг пробудился и преградил мне дорогу тростью.

– Вашего молодого друга здесь нет. – Он зацепил меня крючком своей трости, силясь подтянуть поближе к себе. Его воспитание, очевидно, не подразумевало знания морального кодекса джентльмена-южанина, или он был настолько стар, что больше не считал себя обязанным следовать ему.

– Откуда вы знаете, что его здесь нет? Он обычно пользуется черным ходом.

– Его автомобиль уехал. Посмотрите сами.

– Он мне очень нужен! Я спрошу Корнелию, куда он отправился.

– Не ждите от нее ничего хорошего. Корнелия только тем и занимается, что тешит свое южное благородство. Она скорее даст выколоть себе глаза, чем оскорбить свое блэгэрэдство. – Он с вывертом произнес это слово и даже сплюнул, чтобы подчеркнуть свое презрение к хозяйке. – Мальчик, между прочим, не ночевал дома.

– Да, конечно, – с издевкой ответила я. – Вчера в полдень я

буквально приволокла его сюда. Он, вероятно, все еще спит. Мальчик не в той форме, чтобы шляться по ночам.

– Может, и так, но его комната прямо надо мной. И если я говорю, что его здесь нет, значит, его здесь нет. Он куда-то слинял вчера поздно вечером.

– Это просто смешно! – От негодования я даже брызнула слюной. – Где он может быть в столь поздний час?

Старик издевательски поднял седую бровь, как будто хотел спросить, из какого детского сада я сбежала.

Имел ли Шиа достаточно сил, чтобы отправиться на ночное свидание с другой женщиной? Может, именно на это намекал мне старик? Очевидно, недавние злключения несколько не уменьшили его сексуальный аппетит. Правда, я не относилась к числу южных красоток, из-за которых Шиа терял голову.

– Я зайду попозже, – бросила я Слаю через плечо и стала спускаться по лестнице.

– Можно попробовать поискать его в Чиггер-клуб.

Моя нога застыла в воздухе. Схватившись за перила, я повернулась и посмотрела на старика. Слабый ветерок тревожно шелестел листьями над моей головой.

– Мне показалось, вы сказали что-то о Чиггер-клуб?

– Точно. Это на Центральной, прямо над аптекой.

Я вдруг почувствовала дискомфорт из-за пропотевшей насквозь одежды, но еще в большей степени из-за последних слов старика. Это было жуткое совпадение! Я попала в про-

шное, в чужой, неведомый мне мир, и вдруг слышу здесь о месте, в котором сорок лет спустя последний раз увидят живым моего еще не родившегося отца.

Ошеломленная, я машинально проделала последние шаги по лестнице. За моей спиной возобновило свое движение кресло-качалка; звук его полозьев, скользящих по деревянному полу, напоминал скрип старых костей.

Я ступила в узкий переулок, прилегавший к аптеке, и решительно пошла вперед. В переулке было темно, царила влажная духота. Здесь не было ни зеркальных дверей, ни эффектных реклам, только запах дешевого виски доносился сверху из клуба. Мне нужно было скорее найти Шию, но я также знала, что пришла сюда не только из-за этого.

Самой судьбой мне было предназначено прийти сюда. Быть может, здесь я узнаю о том, как жил мой отец, о среде, в которой он вырос, и это ослабит боль давней потери.

Не останавливаясь, чтобы не передумать, я стала подниматься по шаткой лестнице. Дверь наверх была открыта, и горячий воздух струился оттуда как из печки. Я колебалась; было еще не поздно остановиться. Шию можно поискать и завтра.

Но какое-то неясное чувство, чувство, что время безвозвратно уходит, всплыло во мне. Быть может, это было связано с тем, что приближался день моего рождения и мне вдруг подумалось, что если мне и теперь не хватит храбрости, я больше никогда не вернусь сюда, не узнаю что-то очень

важное, потеряю подаренный мне судьбой шанс наконец-то узнать себя.

Сердце мое стучало так, что, казалось, готово было выпрыгнуть из горла; но я все-таки вошла в эту дверь, в комнату, затянутую голубоватым табачным дымом. Секунда – и я смогла уже различать разные марки табака в этой зловонной смеси. Лампы – единственные во всем заведении – висели над круглыми карточными столами; в баре сидели только две плохо одетые женщины, которые, казалось, были заняты друг другом и ничто другое их не интересовало.

Никто даже глаз не поднял, когда я вошла. Подошвы моих туфель мгновенно стали липкими от разлитого на полу пива, смешанного с табачным пеплом. Игроки, делая ставки, разговаривали полусшепотом; слышалось лишь клацанье фишек и шлепанье карт, бросаемых на столы. Иногда раздавался одинокий хриплый смешок.

Я отступила и, оказавшись в неосвещенном углу, попыталась представить среди игроков, сидящих за столами в клубах дыма, моего отца. Почему-то увиделся он мне в трудную минуту: ему не везло, и он лихорадочно соображал, что предпринять. Сидя в этом полутемном помещении среди людей, потерявших всякую надежду на лучшее, он все увеличивал и увеличивал ставки, но неудачи преследовали его.

Горка его фишек стремительно уменьшалась; он боролся, стараясь переломить полосу неудач, но с каждой раздачей терял все больше и больше денег тех, которые он так долго

копил для семьи. Желая скопить состояние, чтобы вернуться в Калифорнию и бросить наконец игру, он решил испытать свое счастье – поставил последнее – и проиграл.

Мои глаза защипало от слез, стоило мне вообразить, что в тот момент творилось в его душе. Дух моего отца будто витал здесь, в этом чаду, желая поведать мне какую-то тайну. Нахлынувшая вдруг тоска сдавила мне грудь, и я была не в силах противиться ей. Я не смирилась с тем, что он покинул нас – слишком долго и сильно я страдала из-за его отсутствия, – но больше не могла осуждать Адмирала, во всяком случае так агрессивно, ведь теперь я сама почувствовала бешеный азарт карточной игры, где порой на кон ставится собственная жизнь. Чиггер-клуб являл собой как бы квинт-эссенцию этого древнего порока.

Почувствовав дурноту, так как воздухом в этом ужасном месте был дым и пот, я собралась уже уходить, но, пристально оглядев комнату в последний раз, к своему удивлению, заметила знакомое лицо. Под одной из низко надвинутых на лоб соломенных шляп, которых здесь было полным-полно, я разглядела разбитую физиономию Шиа Янгера. Его взгляд лениво блуждал от одного игрока к другому, как бы оценивая их возможности, и лишь изредка останавливался на собственных картах. В момент, когда я его заметила, сидящий рядом с ним игрок – глаза его были словно бусинки, а рубашка вся взмокла от пота – в отчаянии вскинул руки вверх и грязно, с придыханием выругался.

Видеть и слышать это было невыносимо.

– Ба, вы посмотрите, кто к нам пришел. – В тишине зала эти слова прозвучали подобно выстрелу. – Какая-то новая девка.

Неудачник поднялся и вразвалочку направился ко мне. Ретируясь к двери, я уже собиралась дать деру и мне бы это непременно удалось, если бы в это время новый посетитель, входивший в дверь, не преградил мне путь. Огромные ручки сграбастали меня, и я почувствовала горячее дыхание на своей шее.

Я бросила отчаянный взгляд в сторону Шиа, надеясь, что он обратит на меня внимание; действительно, он уже заметил меня, правда, взгляд его не выразил особого восторга по этому поводу. Хмурясь, он швырнул на стол карты и поднялся, с шумом отодвинув стул.

– Лапочка, я же говорил вам, что скоро буду дома, – сказал он, направляясь к нам. Его хромота была уже едва заметна, и несмотря на разбитую губу, улыбка на его лице была обворожительна.

Позади меня послышалось ворчание.

– Кого ты хочешь обмануть, Янгер? Эта баба – явная дурнушка и вряд ли может быть одной из твоих подстилок. – Человек, державший меня, засмеялся и так стиснул мои пальцы, что они онемели. – Пудри мозги кому-нибудь другому.

Из табачного тумана выплыл, спотыкаясь, неудачливый игрок с глазами-бусинками.

– Эй, это я первый ее заметил, – крикнул он, но разглядев верзилу, стоявшего позади меня, попятился назад, смущенно вытирая рот рукавом. – Впрочем, я готов с тобой поделиться.

– Почему я должен делиться с убогим, напрочь продувшимся типом таким, как ты, – когда могу наслаждаться ею один? – Верзила пронес свою мясистую лапу под моим подбородком и рывком притянул меня к своей могучей груди. Всей своей хрупкой спиной почувствовав тяжесть его тела, я поняла серьезность его намерений.

– Кто тебя звал, убогий? – куражился пьяный верзила; пистолет, вдруг появившийся в его руке, явно придавал ему уверенности.

Общее настроение в задымленной комнате изменилось: потная азартная сосредоточенность уступила место звериному возбуждению. По мере того как карточные бои за очередным столом заканчивались и фишки переходили к новым владельцам, игроки в основном заросшие трехдневной щетиной мужики в круглых влажных от пота соломенных шляпах – побросали свои столы и скопом двинулись к дверям, желая проверить, чья кровь краснее. Насмерть перепуганная, я сквозь облака дыма глазами пыталась отыскать Шию.

– Ставлю на Ротгута! – послышался пронзительный крик.

– Заткни глотку! Надо еще посмотреть, какого цвета твои деньги, – ответил другой голос.

Даже те две дамочки, что минуту назад скромно сидели у

стойки бара и увлеченно болтали, замолчали и с интересом стали наблюдать за происходящим. Бармен объявил, что он принимает ставки на исход поединка, и в помещении мгновенно начался хаос: все кинулись к нему со своими деньгами. Я сжалась от страха, когда услышала, как кто-то предложил пари три к одному на то, что я получу пулю в лоб.

Дальше все было как в вестерне: кто-то швырнул стул в соседа; пьяница с глазами-бусинками был бесцеремонно схвачен чьими-то могучими руками и вышвырнут вон. Видя, что его акции растут, Ротгут на какое-то мгновение утратил бдительность и ослабил хватку. Воспользовавшись этим, я пригнула голову, и Шиа навалился на него, одновременно отталкивая меня в сторону. После серии взаимных ударов, звуки которых неожиданно громко прозвучали в наступившей вдруг тишине, Шиа сумел скрутить моему обидчику руки за спиной.

– Проваливай, или я прострелю тебе почку.

Несмотря на сильный испуг, я с восхищением следила за Шиа.

Этот неожиданный поворот событий вызвал новую волну лихорадочно заключаемых пари. В возникшем беспорядке один из игроков завладел пистолетом какого-то раззявы. Бочком, бочком я пятилась вдоль стены подальше от места заварухи, и кое-кто из поставивших на меня уже подсчитывал в уме возможный барыш; плотной стеной мужики придвигались все ближе и ближе к дерущимся. Улучив момент,

Шиа резко крутанул Ротгута и нанес ему такой силы удар, что послышался трески изумленная толпа отступила. Угроза Шиа, что у него есть оружие, была, очевидно, просто уловкой: его слегка окровавленные руки были пусты.

Ротгут, бесчувственный, рухнул на пол, и толпа игроков снова стала приближаться к нам. Кто-то из темноты бросил Шиа пистолет. Он ловко поймал его левой рукой и взвел курок. Мертвая тишина стояла в комнате. Никто не двигался. Никто даже не шевельнулся, кроме лежащего на полу верзилы, который заворочался, кажется, начиная приходить в себя.

– А теперь я провожу леди домой, – сказал спокойно Шиа, держа толпу под прицелом и одновременно вытесняя меня за дверь.

– Бежим, – скомандовал он, как только мы оказались снаружи.

Я с готовностью повиновалась ему и бежала не останавливаясь, пока не оказалась у здания клиники. Пока я – руки мои тряслись от напряжения сражалась с упорно не поддававшейся дверью, сзади подошел Шиа; пытаясь отдышаться, он прислонился к притолоке.

– Вы здорово бегаете, просто как настоящий янки.

– Я не янки, я из Калифорнии. – Когда дверь открылась, я чуть не провалилась внутрь.

– Существенная разница. – Резко захлопнув дверь, Шиа заковылял за мной. По пути он слегка приподнимал шторы,

чтобы держать в поле зрения внутренний мир.

– Я бы не боялась так, если бы знала, что у вас там есть друг, который придет на помощь, даст вам оружие. – Я ухватилась за спинку стула, все еще не в силах справиться со своим дыханием.

Так же, как и я тяжело дыша, Шиа с изумлением уставился на меня.

– Какой там, к черту, друг! Кто-то, должно быть, поставил на нас солидные деньги и не захотел рисковать. Я, вообще-то, был бы не против, если вы заранее предупредите меня, когда в следующий раз соберетесь прервать мою игру в покер.

– Вы не должны были быть там. Почему вы не остались дома залечивать раны?

– Моя сиделка покинула меня.

Я сделала вид, что не слышала этих его слов.

– С такими травмами, как у вас, что вы себе позволяете, о чем думаете?

– О вас.

Горячая волна прилила к моей шее, и я почувствовала, что мне стало еще жарче, чем от сумасшедшего бега по улице.

– Можете вы хоть иногда быть серьезным? – Мне не понравилось, какой оборот принимал наш разговор. Шиа приоткрыл рот, из его разбитой губы на рубашку закапала кровь. Ее запах напомнил мне о чувствах, которым я чуть было не

дала волю вчера – здесь, в этой комнате. – Вы выходите почти невредимым из передряг, побывав в которых любой другой человек угодил бы на больничную койку по меньшей мере на неделю; вам кажется, так будет всегда?

– Я думал о вас. Я же обещал, что верну ваши деньги...

– Вы не должны мне возвращать эти проклятые деньги, Шиа Янгер. Я ведь просила вас... Продолжайте играть в карты, если вам это нравится, но не оправдывайтесь необходимостью помогать мне. Я не нуждаюсь в такой помощи.

Шиа двинулся ко мне; нас разделял только стул.

– Я не знаю другого способа добыть три сотни долларов, кроме как выбросить флеш-рояль (Флеш-рояль – выигрышная карточная комбинация при игре в покер.). В нашем финансовом положении не до истерик и тем более не до ссор.

Я резко выпрямилась, хотя все еще тяжело дышала после проделанного кросса. Неужели Шиа действительно отправился в Чиггер-клуб ради меня? И как он только смог спуститься по лестнице и проделать весьма неблизкий путь со своим поврежденным коленом? Немного успокоившись, я спросила:

– Флеш-рояль – это хорошо?

– Ну, намного лучше, чем сломанные ребра, – сказал он сухо, держась за бок. – Даже если *вы* перевязали их.

– Но что такое карточная игра? Единственный, кто выигрывает, это сам игорный дом.

– Не обязательно. Это такая же работа, как и любая дру-

гая, нужно только уметь терпеть, рисковать и просчитывать варианты.

Итак, всего лишь работа. Где я слышала это раньше? Немного напрягшись, я вспомнила свою тетю Джозефину: это было почти дословно ее высказывание там, на кухне, в будущем; она говорила это о моем отце. Какая-то мистика: слова Ши прозвучали будто из уст Адмирала – а может быть, мой отец говорил словами Ши...

Внезапно разрозненные кусочки информации начали складываться в единое целое. Не было никакой женщины, которая уводила Ши из дома по ночам.

– Значит, вы профессиональный игрок? – Я затаила дыхание, страстно желая ошибиться.

– Время от времени у меня бывает и другая работа, но в основном вы правы: я игрок.

Мое сердце упало, и комната стала кружиться перед глазами.

– Почему вы мне раньше этого не сказали?

Лицо его на мгновение как бы застыло.

– Когда вы просили меня о помощи, я что-то не припомню, чтобы вы требовали у меня рекомендательное письмо.

Повторялась история с моим отцом: очарованная обаянием Ши, я не разглядела, что за всем этим скрывается. Я прошла через комнату, цепляясь за остов кровати; весь трагизм бегства моего отца, доселе сокрытый от меня, вдруг прорвался наружу, подобно воде, размывшей дамбу.

– Я доверяла вам, даже когда увидела, что вы знакомы с людьми, подобными Капоне: хотелось верить, что между вами есть разница.

Он буквально пригвоздил меня к стене своим взглядом.

– На самом деле вы не доверяли мне ни секунды, красавица.

– А с какой стати я должна была доверять вам? – Я понимала, что поступаю неразумно, говоря подобные вещи, но уже не могла остановиться. – Вы сами признались так, между делом, – что вы гангстер.

Его глаза вспыхнули так – он стоял очень близко, – что, казалось, обожгли мне кожу.

– Не знаю, что вы имели в виду под словом гангстер, но вот что я довольно интересный одинокий мужчина, вы, кажется, не заметили. У меня нет никого, кто может позаботиться обо мне. – О, сколько боли прочитывалось в его глазах! – Иначе я бы не бегал за вами, подобно преданной собаке.

Я задыхалась, кровь пульсировала в моих щеках, будто кто-то отхлестал их в припадке ярости.

– Вам больше не придется волноваться из-за меня, господин Янгер. Я знаю теперь, кто сделал этот порошок, и как только я найду кого-то, кто согласится проводить меня, я немедленно отправлюсь туда.

Он слегка прищурил глаза.

– И где же обретается этот тип?

– В Дак Конер.

– Вы шутите.

– Неужели вы еще не поняли: я слишком долго подвергалась опасности из-за этого порошка, чтобы шутить по этому поводу. Я не то, что вы, толстокожий: вам даже банда Скай-лза нипочем.

– Перестаньте ребячиться, красавица. Это место не для простачков. Тамошняя публика имеет свои собственные понятия о том, что такое хорошо, а что плохо. Отправляясь туда, никогда не знаешь, вернешься ли обратно. Если кто-нибудь из них заподозрит что-то неладное, он сначала стреляет, а уж потом задает вопросы. Ребята из Дак Конер никому не доверяют.

– Значит, по-вашему, я должна, опустив руки, сидеть дома...

– Вы ничего не добьетесь, неужели не понятно? Забудьте о своем ненаглядном порошке. Даже если вы вылезете из собственной кожи – даже в этом случае – все равно вы ничего не добьетесь. – Он замолчал, заметив рану на моей руке. – Это вчера вас так? – спросил Шиа, беря меня за локоть.

Я отдернула руку.

– Не стоит обращать внимание. Я не нуждаюсь в вашей помощи или в вашем сочувствии, Шиа Янгер. Возвращайтесь к вашему проклятому покеру, я хочу остаться одна. Теперь я буду сама о себе заботиться.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Я пропутешествовала на десятилетия в прошлое, через две мировые войны и Великую депрессию и ради чего? Ради того, чтобы вновь оказаться в унижительной зависимости от профессионального картежника, как и мой отец? Возможно, следовало сделать вид, что способ, которым Шиа зарабатывает себе на жизнь, нимало меня не волнует, но как заставить себя поверить в это.

Эти невеселые мысли мучили меня два дня спустя после последнего разговора с Шиа; я мерила шагами узкую комнату, теребя в руках десятидолларовую бумажку, которую он вручил мне в качестве волшебного амулета, и проклинала свою неспособность немедленно выкинуть этот презент.

Что-то неладное творилось вокруг меня и в моих чувствах: все было временно, непостоянно... Сколько раз я говорила себе, что следует так организовать свою жизнь, чтобы в ней было хоть что-то стабильное, предсказуемое. Разве мало тех уроков, что преподали мне мой отец, а затем и Дэвид? Если я не могу избавиться от болезненного влечения к красивым безответственным мужчинам с сомнительной репутацией, моя жизнь сложится не лучше, чем у матери.

Если бы это было так просто...

Бешеный круговорот мыслей остановился, я почувствовала усталость и вышла во внутренний двор. Гнев, кипевший

во мне, на свежем воздухе понемногу остыл. Я все время думала о Шиа, и тем больше, чем усерднее старалась убедить себя в том, что мне не следует думать о нем. Я была очарована его безрассудством, той аурой опасности, которая исходила от него и шла ему так же, как костюм, сшитый хорошим портным. Черты характера, которые я осуждала и ненавидела в других людях, в Шиа были для меня столь же привлекательны, как сложное, изысканное творение парфюмера.

К тому же о ком еще в этом чужом для меня мире я могла думать?

Я присела на скамейку, стоявшую в тени вязов и кедров. Разглядывая раскидистые деревья, я в который уже раз вспомнила о том, что до моего дня рождения остается меньше недели. Желание выяснить до конца все обстоятельства моего прошлого доводило меня до отчаяния. В течение двух дней я упорно избегала Шиа, но все отчетливее понимала, что добраться самостоятельно до Дак Конер мне не удастся. Не находилось никого, кто согласился бы вместе со мной совершить экскурсию в это таинственное местечко. Вызвался, правда, один тип, но запросил за это десять долларов. А это означало, что тогда у меня не останется денег на покупку порошка.

Я достала купюру из кармана и долго рассматривала ее. Шиа сказал, что если трезвосмотреть на вещи, карточная игра такая же работа, как и любая другая; но там, в моем времени, честная работа, как правило, не включала в себя взят-

ки, подкуп, жульничество насколько, конечно, я могу судить при моем малом опыте.

Внезапно мне пришла идея, как быстро сделать деньги. В гимнастическом зале! Шиа сказал мне, что сделал ставку на левшу, у которого какой-то там особый удар; бой должен состояться в пятницу поздно вечером. Он был убежден, что левша победит. Припомнив, как легко избранник Капоне подставил челюсть под зверский удар слева, я усомнилась в правоте Шиа. Когда-то – там, в свое время, я читала, что Капоне очень любил заключать пари и частенько проигрывал огромные деньги на спортивных соревнованиях.

Я понятия не имела о том, как делаются ставки; или, например, такой вопрос: если повезет, то сколько я смогу выиграть? Но если подтвердится правота Шиа, то, быть может, мне удастся заработать необходимую сумму. В моем положении не приходилось рассчитывать сыграть наверняка, но шанс мне представился, и грех не использовать его. И если ради того, чтобы оказаться дома ко дню моего рождения, мне придется поступиться некоторыми своими принципами, то, вбзможно, Бог простит мне это, поскольку сейчас у меня просто нет выбора.

В конце концов, я дочь своего отца, а ему не раз улыбалась удача... Кто знает, унаследовала ли я его везучесть, но если и нет, быть может, советы Шиа помогут мне выиграть.

Была жаркая душная ночь с полной, во все небо, луной. Классическая ночь для влюбленных, и в кармане у меня лежал пузырек с порошком Афродиты, но весь этот романтический антураж работал вхолостую: моя голова была занята более важными вещами. Я оделась так, чтобы не привлекать к себе внимания: бесформенного покроя блузка, брюки цвета спелой пшеницы и матерчатые туфли. Свои яркие, как маяк, волосы я обмотала кремовым шарфом, дважды завязав его узлом. Со своими южными понятиями о приличиях, Корнелия вряд ли бы одобрила появление дамы в брюках на публике, но учитывая специфику места, куда я собиралась отправиться, было мало шансов столкнуться там с нею.

Пригнув пониже голову, стараясь максимально слиться с толпой, я вошла в переполненный зал. В воздухе, смешанном с запахами немых потных тел и сигарным дымом, витало нетерпеливое ожидание поединка.

Я начала осматриваться в поисках места, где делаются ставки, и неожиданно столкнулась с очень высоким молодым человеком, одетым в сильно потрепанную рабочую одежду.

– Где я могу сделать ставку? – спросила я, отступив назад и опять натолкнувшись на кого-то в невероятной толкучке.

– Я могу заключить сделку у букмекера для вас, – великодушно предложил он. Его юное лицо светилось честностью.

Я машинально полезла в карман, достала деньги и уже было собралась вручить их парню, как вдруг какое-то чувство остановило меня.

– Спасибо, нет, – сказала я, чувствуя, как мои пальцы становятся влажными от пота. Я покрепче зажала свои десять долларов. Даже если мне суждено проиграть свой последний доллар, это вовсе не значит, что я сделаю это с таким неоправданным риском. – Я, пожалуй, сделаю это сама.

Он пожал плечами и улыбнулся.

– Самые лучшие условия – у Косого Вомака. Вон тот длинный парень.

Я поблагодарила любезного консультанта и начала прокладывать себе дорогу через толпу. Стояла удушающая жара. Кто-то случайно задел меня по затылку. Дальше пришлось двигаться, понижее пригнув голову. Я не могла позволить себе скандала. Женщины, которых я видела здесь, были шлюхи, задрапированные в шифон; они крутились возле ринга и нахально висли на мужиках, готовых бездумно сорить деньгами. Более всего я боялась наткнуться на Аль Капоне или Делателя Вдов, поэтому старалась продвигаться как можно быстрее.

Насколько безопаснее я чувствовала бы себя здесь, если бы со мной был Шиа!

Отчаянно крутя головой и работая локтями, я пробивала себе путь в дальний конец зала, но не могла не удивиться промелькнувшей у меня мысли. Шиа игрок, он привык к

максимальному риску. Принимая в расчет компании, в которых он тусуется, кто сможет поручиться, что он не занимается сейчас какими-нибудь нелегальными делишками. Пренебрежение к закону для него совершенно естественно. Уж лучше я обойдусь без него. В конце концов рано или поздно он споткнется, как когда-то споткнулся мой отец.

Пробираясь через толпу, возле двух пьяных с помутневшими и бессмысленными глазами я врезалась в чью-то широченную грудь.

– Простите меня, – сказала я, поднимая голову, чтобы рассмотреть этого типа. У меня перехватило дыхание. Надо мной возвышался гигант, по крайней мере, семи футов ростом; красивая седая прядь струилась среди его роскошных черных, спадавших на плечи волос. Он посмотрел вниз, изучая меня одним светло-зеленым глазом, а другой продолжал усердно изучать толпу.

– Чем могу служить? – Когда он легонько взял меня за плечи, чтобы поставить перед собой, я почувствовала, что мои ноги оторвались от земли.

– В-вэлли (Вэлли – от Walley (англ.) – косой.)?

Лицо великана, носившее следы драк и поножовщины, вспыхнуло алой краской гнева.

– Как вы называли меня?

Неистово бурлящая толпа вокруг нас внезапно притихла, а гигант метал молнию за молнией одним своим глазом, направленным на меня. Не надо быть очень догадливой, чтобы

понять, что я совершила нечто большее, чем просто случайную ошибку. Откуда мне было знать, что, вероятно, никто в лицо не называл этого типа Косым?

– Никому не позволено оскорблять меня. Даже дамам.

– Ей так сказали, – кто-то завопил над моим ухом. Я не видела говорившего, а ощутила лишь его горячее дыхание, пропитанное парами рома. Шум в зале нарастал и напоминал теперь, скорее, истерику; толпа, предчувствуя потасовку, стеной сомкнулась вокруг меня. Эти люди жаждали боя, им было наплевать, где он состоится: на ринге или за его пределами.

Мои колени дрожали; казалось, еще немного – и я упаду в обморок. Не может быть, чтобы они не сжалились над женщиной, не сумевшей разобраться в букмекерских кличках... Я посмотрела на приближавшихся ко мне мужчин бородатые и бритые, лохматые и лысые, все они были почти неменяемы, все были одинаково возбуждены адреналином и алкоголем, бурлящими в их крови, – и надежда на благородство этой публики мгновенно растаяла. Эти люди живут по принципу: кто сильнее, тот и прав.

– А-ап... – я вздохнула, успокаивая сердцебиение, и выпалила первое, что пришло мне в голову: – Говорят, что вы лучший букмекер в городе. Вы, возможно, и не знаете об этом, но люди очень высокого мнения о вас. Мне о многих рассказывали, но только с вами я хочу делать бизнес.

Я просто фонтанировала словами. К моему удивлению,

я, кажется, произвела впечатление тем, что говорила на арканзасском наречии. Янки, с которыми мне приходилось общаться раньше, презирали меня за это; но теперь я оказалась в окружении конфедератов, и недостаток стал достоинством. Я вложила в лапу Вэлли заветную десятидолларовую бумажку.

– Поставьте на левшу. Надеюсь, мы увидимся после поединка.

Кулак букмекера намертво сцапал мои деньги, что я приняла как хороший знак. Я повернулась, чтобы уйти, обеспокоенная лишь тем, чтобы как можно скорее сбежать от этого троглодита.

– Не так быстро, – рявкнул он.

– Я что-то забыла? – В ожидании расправы у меня остановилось дыхание.

– Я не имею дело с незнакомыми.

– Я Мэгги... Таггарт, – сказала в надежде, что где-то в его пороссячьих мозгах отложилась моя девичья фамилия, известная в этих местах.

– Из тех Таггартов, что в графстве Гар-ланд?

Я кивнула и улыбнулась.

– Я не заключаю сделок с Таггартами, – зарычал он. – Им слишком везет, просто дьявольски везет. – Он схватил меня за руку, шлепком вложил в нее купюру, потом начал медленно отворачиваться, но его косой глаз некоторое время еще смотрел на меня. Толпа окружавших нас подонков расступилась.

лась, позволяя ему пройти.

Я стояла, покачиваясь, а люди вокруг, разочарованные, стали понемногу расходиться. Я не могла понять, кого Косой имел в виду. Джозефина, помнится, как-то упоминала, чтоза несколько лет до Депрессии ее родители жили где-то здесь на ферме. Возможно, кто-то из них был везунчиком. Мысль о том, что у меня здесь, в Хот-Спрингс двадцатых годов есть родственники, успокаивала. Я могла надеяться на помощь с их стороны.

Не зная, что мне делать дальше, я стояла, зажав деньги в руке, пока чья-то железная властная рука не обвилась вокруг моего запястья.

– Если вы действительно не приемлете азартные игры, вы, без сомнения, избрали самый оригинальный способ доказать это.

Я едва не закричала, лишь в самый последний момент сообразив, что за руку меня схватил не Скайлз и не Косой Вомак, а Шиа Янгер. От его прикосновения сердце мое предательски застучало; немного придя в себя, я поняла, что передо мной настоящий игрок, который никогда не откажется от своей страсти. Его рубашка, как обычно, сверкала ослепительной белизной; в черной фетровой шляпе и пиджаке он смотрелся потрясающе, и дыхание мое, и без того весь вечер не отличавшееся ритмичностью, в этот момент почти совсем остановилось.

Из-за этой черной шляпы или по другой причине, но у ме-

ня возникло ощущение, что я уже встречалась с ним прежде в другом времени и месте.

Меня тянуло к нему – знание того, каким образом он зарабатывает на жизнь, никак не повлияло на мои чувства, – но я старалась постоянно напоминать себе, что он, быть может, столь же опасен для меня, как какой-нибудь сомнительный коммивояжер или букмекер. А может быть, и опаснее, если принять во внимание его необыкновенное обаяние и мужественность: синяки на лице делали этого грубияна еще привлекательнее.

– Вы уже успели закатить здесь скандал. Хотите еще? – Он возвышался надо мной, словно тисками сжав мою руку; волнующаяся вокруг толпа все время наталкивала на меня его массивное тело, и он, кажется, не слишком сопротивлялся этому. Его близость волновала меня, но я все-таки помнила, что мне нужно поскорее сделать ставку, ведь вот-вот должен был начаться бой.

– Отпустите меня! – крикнула я, пытаюсь высвободить руку.

– Ничего удивительного, что я встретил вас здесь, красавица. Для искательницы приключений, жаждущей быть похищенной торговцами белыми рабами, лучшего места просто не существует.

– П-похищенной? О чем вы говорите?

– И если торговцы живым товаром не захватят вас, то лишь потому, что в этом зале для них достаточно других

приманок. Будьте внимательны. – Он отошел и потом, остановившись несколько позади меня, добавил: – Если один из этих грязных фермеров утянет вас на свои холмы, вы света Божьего уже никогда не увидите.

Я посмотрела по сторонам и встретила с пятью парами голодных тоскливых глаз; мерзавцы уставились на меня, пуская слюни, словно я была поросенком, которого осталось только насадить на вертел и зажарить. Один из этих людей, больше похожий на покрытого паразитами буйвола, даже провел замызганным рукавом по нижней губе. Я вздрогнула и отвела взгляд.

– Идемте отсюда, я провожу вас.

– Нет, подождите, – сказала я упрямо. – Я не могу никуда идти, не сделав ставку. Я нуждаюсь в деньгах.

– А потом, на выигранные деньги, вы купите порошок? – Он снова сжал мне руку. – Перестали бы вы водить меня за нос, красавица, и рассказали бы правду. Ведь для восстановления вашего пошатнувшегося здоровья этот порошок уже не нужен. Я хочу знать, что происходит. Должно быть, это очень важно для вас, раз вы пришли сюда ночью, рискуя своей головой.

– Я не могу объяснить сейчас, но после обязательно, я обещаю. – В это время толпа оглушительно взревела, но поскольку Шиа продолжал пристально смотреть на меня, я, как бы избавляясь от его близости, гипнотизирующей меня, выдернула руку.

– Посмотрите, появились боксеры, – вскрикнула я. – Я должна торопиться.

Глаза Шиа сверкнули недобрый огнем; в тот момент мне показалось, что прежнее понимание между нами не вернется никогда. Может, когда-нибудь, потом мне представится возможность объяснить, и этот жесткий взгляд наконец смягчится...

– Насколько я понимаю, вы не отказываетесь от своей за-теи? – Я отрицательно покачала головой, и тогда Шиа взял у меня деньги. – Я сделаю ставку для вас, но будьте все время в поле зрения. – Он направился в конец зала; я, покрепче завязав свой шарф, последовала за ним, стараясь держаться как можно ближе. Диктор уже представлял зрителям боксеров.

Шиа встал в небольшую очередь, его нахмуренные брови кричали мне: «не высовывайся!» Надеюсь, что он вовремя успеет сделать ставку, я в волнении смотрела на ринг, где уже начиналось действие, как вдруг заметила среди зрителей высокого мужчину с огненно-рыжими волосами. Во всей его фигуре было что-то очень знакомое, близкое мне. Со спины он был просто двойник того парня, которого я видела на страусиных бегах. Когда он оглянулся, я попыталась заглянуть ему в глаза, но лицо его было загорожено множеством шляп, что в большинстве своем носили окружавшие его мужчины, и единственным, что я успела увидеть до того, как он отвернулся и стал протискиваться через толпу, был

его профиль.

Заинтригованная, я стала пробираться за ним, стараясь получше рассмотреть этого человека: мне хотелось убедить-ся, что совпадение цвета его и моих волос всего лишь случайность.

Когда рыжий выскользнул наружу через боковую дверь, я бросила взгляд в сторону Шиа, который добрался уже до окошечка кассы. Я знала, что очень плохо, даже жестоко с моей стороны не повиноваться ему, но успокаивала себя тем, что всего на одну минуту выскочу на улицу за этим человеком. Я вернусь раньше, чем Шиа успеет заметить мое отсутствие.

Как только я ступила за пределы зала, дверь за мной закрылась, и меня окутала темнота. Пустынную аллею освещала лишь полная яркая луна. Рыжеволосый человек бесследно исчез в темноте южной ночи; крики, усилившиеся в зале, свидетельствовали о том, что матч начался.

Расстроенная, я уже хотела снова вернуться в зал, но вдруг мое внимание привлек вспыхнувший на аллее свет. Когда мои глаза привыкли к темноте, я смогла различить три фигуры, стоявшие неподалеку от машины с включенными фарами. Я находилась достаточно далеко, чтобы слышать их разговор, но было очевидно, что они о чем-то спорят. Из-за угла появился четвертый человек и присоединился к дискутирующей троице; на голове его была шляпа, закрывавшая лицо. Я увидела, как он достал какой-то предмет из карма-

на пиджака и быстро ударил им одного из своих знакомцев. Человек вскрикнул, схватился руками за живот и как подкошенный рухнул на землю.

Не веря своим глазам, я застыла на месте, а потом отступила в тень: ужас обуял меня, когда я увидела, как двое из бандитов, подняв обмякшее тело, затолкали его на заднее сиденье автомобиля. Третий двинулся ко мне; его темный силуэт четко вырисовывался на фоне неба, освещенного лунной.

– Кто здесь? – крикнул он, направляясь к зданию, около которого я пряталась.

Я поспешно открыла дверь, желая спрятаться внутри здания. Отчаянно торопясь, я шарфом зацепилась за торчащий из притолоки гвоздь, и моя голова при это невольно откинулась назад. Пока я пыталась отцепиться от проклятого гвоздя, мощный удар, просвистевший прямо над моим ухом, расщепил надвое дверную деревянную раму. Совершенно непонятно откуда появившийся здесь Шиа отодрал мой шарф от гвоздя и втолкнул меня в зал. Я врезалась в кого-то огромного, как грузовик, и мои колени начали медленно подгибаться, но Шиа, подхватив меня прежде, чем я упала, понес мое скованное ужасом тело на руках через переполненный задымленный зал.

– Сюда. – Шиа поднырнул под цепочку, загораживавшую лестницу, и повлек меня за собой.

– Что там случилось? – Шум опьяненного кровавым зре-

лицем зала, эхом отражаясь от стен лестничной клетки, делал мой голос почти неслышным; даже мне самой казалось, что я говорю откуда-то издалека.

Вцепившись в мою руку, Шиа тащил меня вверх по лестнице, перешагивая разом через две-три ступеньки, пока не доволоч наконец до верхнего этажа; там мы пустились бегом вдоль длинного коридора, пробуя каждую попадавшуюся нам на пути дверь.

– Что, черт побери, произошло?! – на бегу заорал мой спаситель.

– Ну... я вышла за незнакомцем на улицу. Он напомнил мне одного человека, которого я когда-то знала. Я так и не догнала его, – сказала я упавшим голосом и одновременно думая о том, был ли мой незнакомец среди тех людей на аллее, – но пока я там находилась... я... я... думаю, что там убили человека.

Мы добрались до последней двери. Она также оказалась закрытой. Он с силой пнул ногой дверь, но она не поддавалась. Он посмотрел на меня; его лицо было почти полностью скрыто полями шляпы, виднелся лишь мощный подбородок.

– Клянусь, я доселе не встречал человека, которого с таким усердием преследовали бы неприятности, красавица. На этот раз вы, по-моему, стали опасным свидетелем.

– Господи, именно об этом я и подумала. И, кажется, эти парни устроили погоню вовсе не для того, чтобы прочитать нам лекцию?

– Может быть, и лекцию; все будет зависеть от того, насколько усердной ученицей вы окажетесь. – Он еще раз двинул ногой, да так, что треснула дверная рама, но сама дверь стояла как влитая.

– Что мы теперь будем делать? – Как бы я хотела сейчас, моргнув, оказаться в своем времени. Клянусь, за все последние безумные дни не было другого момента, когда я так же остро нуждалась в этом порошке, чтобы, вдохнув его, вернуться домой.

Шиа пристально разглядывал верхушку двери.

– Видите, там окно!

Тусклый свет доходил до нас с лестничной площадки, и я, прищурившись, стала вглядываться в темноту. Прямо над дверью я увидела старомодной формы окно с толстым волнистым стеклом; оно было наполовину открыто и закреплено лишь цепочкой.

– Я хочу протолкнуть вас в него. Оно слишком узко для меня, но вы должны пролезть. Ставьте сюда ногу.

В здании было невыносимо жарко, и даже мои ладони были влажными от пота. Я вытерла их о брюки и глубоко вдохнула. Я никомушная спортсменка, но, как говорится, терять мне было нечего. Даже если я сломаю себе ногу, это будет, вероятно, лучшим исходом, чем тот, что ждет меня в случае, если нас схватят.

Я согнула колени, и Шиа легко поднял меня в воздух. Я ударилась головой об оконную раму и чуть не свалилась

вниз.

– Эй, осторожнее, – раздраженно прошептала я.

– Извините. Снимите раму с цепочки.

Мои пальцы дрожали, пока я пыталась отцепить заржавевшую цепочку от крючка. Было очень трудно держать равновесие и одновременно снимать цепочку.

– Когда вы справитесь с этим, окно может быть открыто с помощью этих стержней. Давите обеими руками. Это труд...

В этот момент окно обрушилось мне на голову. Качнувшись от удара, я все же успела вцепиться в раму, пытаюсь удержать ее открытой; пораженный, Шиа смотрел на меня снизу. Я держалась за оконную ручку, боясь свалиться вниз.

– Вы в порядке? – спросил Шиа.

– Нет, совсем нет. Я едва сохраняю равновесие, мне трудно держаться, к тому же у меня растет шишка размером, кажется, с яйцо бразильского гуся.

Шиа хохотнул:

– Мы с вами просто поменялись ролями после драки со Скайлзом. Вперед!

– Я не могу, – мышцы мои отказывались подчиняться, а пальцы просто сводило судорогой. На лестнице послышались шаги. Боже, они приближались. Шиа, должно быть, тоже услышал этот шум, потому что с такой силой толкнул меня, что я мигом высунулась из открытого окна, причем половина моего туловища оказалась снаружи, а половина внутри. Замерев в этой экзотической позе, я слушала звуки при-

ближающихся тяжелых шагов.

Я ухватилась за первое, что мне попало на глаза это был звездно-полосатый флаг, прикрепленный к стене возле двери. Держась за согнувшийся, словно ивовая ветка, флагшток, я буквально перевалила свое тело через окно. Это, возможно, звучит не очень патриотично, но я искренне порадовалась, когда после общения с национальным символом мягко приземлилась на задницу, а не на мою многострадальную голову.

– Открывайте дверь! – крикнул мне Шиа с другой стороны.

Я повернула замок, и мой друг буквально влетел внутрь; преследовавшая нас парочка была уже поблизости. Он пытался плечом придержать дверь, но трудно было бороться сразу с двумя. Дверь начала открываться, и через образовавшуюся щель я почти рядом с собою увидела лицо Кэпса того самого, из компании Аль Капоне и Вилли Делателя Вдов; лунный свет блестел на стволе его пистолета, рот гангстера буквально свело от ярости. Оглядевшись в поисках предмета, который можно было бы использовать в качестве средства самообороны, я увидела высохшую тростниковую палку, торчавшую из мусорной кучи. Я схватила ее, как утопающий хватается за соломинку, и стала угрожающе размахивать перед собой этим «оружием», воображая себя укротительницей львов. Но моего куража хватило ненадолго: львы, с которыми мне предстояло сразиться, были вооружены.

В это время дверь стремительно распахнулась, оттолкнув Шию в сторону. Пока Кэпс продирался к нам, я подкатила мусорный бак и с силой толкнула его через всю комнату на лезшего следом второго головореза. Не успел Кэпс как следует стать на ноги, как Шию захлопнул дверь.

Он быстро продел ножку стула за дверную ручку, схватил меня за руку и потащил в угол. В это мгновение раздался оглушительный удар, разнесший дверь в щепы.

– Не сюда. Туда, – не менее эффектным ударом Шию выломал другую дверь. – Сидите здесь.

Я практически не видела, куда указывает мне Шию, и осторожно стала продвигаться вперед. Шию бесцеремонно подталкивал меня сзади. Даже когда я наконец поняла, что нахожусь на черной лестнице, смелости мне это не прибавило: беспросветный мрак окружал меня.

– Ногами нащупывайте ступеньки, а то упадете, – услышала я искаженный эхом голос Шию.

Не успев ответить, я слетела с узкой лестницы и заскользила коленями по грязи. Шию благополучно приземлился на ноги.

– Быстрее. Они скоро настигнут нас. Что-то теплое струилось по моим ногам, но сейчас было не до того. Желание жить было сильнее, чем чье-нибудь сочувствие.

Шию схватил меня за руку, и мы побежали под деревья, подобно привидениям то появляясь, то исчезая в серебряном лунном свете. Кажется, Шию держался за правое колено.

Иногда до меня доносились звуки его дыхания – более глубокого и частого, чем обычно, но как всегда ровного и ритмичного. Это отчасти успокаивало. Мы бежали через чей-то задний двор, и мне пришлось сконцентрировать все внимание на том, чтобы не угодить в крысиные норы; я наверняка налетела бы на натянутую поперк двора бельевую веревку, если бы Шиа не пригнул мне голову в последний момент.

Мы выбежали на улицу, протиснулись между двумя припаркованными автомобилями и наконец добрались до машины Шиа.

– Далековато вы поставили свою машину, – с трудом проговорила я: каждый вдох теперь причинял мне боль.

Он вручную стал заводить автомобиль, а я, пытаясь справиться со своим дыханием, ожидала появления наших преследователей. Я была уверена, что они схватят нас раньше, чем мы успеем запустить мотор, но после нескольких жалобных всхлипываний двигатель, затрещав, ожил; у нас появилась надежда на спасение.

Петляя, с погашенными фарами мы проехали через весь город, и вот уже «Модель-Т» затряслась на ухабах проселочной дороги, – настоящее ралли по бездорожью.

– Как вы узнали о той черной лестнице? – спросила я, стараясь взбодрить себя.

– Отправляясь на дело, следует прежде всего подумать о путях отхода, – важно заявил Шиа. Потом, немного помол-

чав, добавил: – Просто это классная комната моей маленькой сестренки – там она занималась несколько месяцев.

Мне хотелось бы узнать больше, но как обычно он ничего не добавил. Огни города постепенно растаяли вдали, позади не было видно фар преследовавших нас автомобилей, и я позволила себе расслабиться, откинувшись на заднее сиденье.

– Мы уже не сможем вернуться обратно?

– Не-а.

– Неужели нет никакой возможности вернуться?

– Во всяком случае, я ее не вижу. – Я тупо уставилась на дорогу.

– Вы сможете узнать человека, который ударил ножом? – спросил Шиа.

– Нет, было слишком темно.

– Думаю, Вилли не будет долго выяснять, что вы разглядели, а что нет. У него теперь только Одно желание прикончить вас, как и того бедолагу. Это был Орвил Биггс, владелец Чиггер-клуба.

– О нет. – Я надеялась, мне никогда не придется вспоминать то ужасное место, но теперь мне показалось, что проклятый клуб до конца дней будет преследовать меня.

– Почему они убили его?

– Трудно сказать. Может, самогон был плохого качества.

Я содрогнулась, осознав грозившую мне опасность; она показалась еще реальнее, когда я вспомнила, что нахожусь

не у себя дома, а в гангстерских двадцатых годах нашего века. Слабым утешением служила мысль о том, что и там, в моем времени, творятся ужасные вещи: трагедия в Лос-Анджелесе, например:

– Я должна была внять вашим предупреждениям.

Шиа ничего не ответил.

– И как только вы умудрились появиться в самый критический момент? – Действительно, я стала свидетелем убийства как раз в ту минуту, когда пыталась вернуться в спортивный зал.

Он как-то странно посмотрел на меня. Невозможно было сказать, сердится он или нет.

– Если бы вы все время оставались со мной, мне бы вообще не пришлось суетиться. – Притормозив машину, он свернул с дороги – из-за плохой видимости я даже не могла рассмотреть, куда именно, – и остановился у стоящих рядом деревьев.

– Что мы сейчас будем делать?

– Подождем, посмотрим, гонятся ли они за нами.

Мы были достаточно близко от шоссе, чтобы услышать шум автомобиля, если тот появится. Мы сидели молча, едва дыша; было слышно даже, как падают на землю мелкие кусочки гравия с остывающих колес. Я не представляю, как долго мы ждали; все вокруг было под властью тишины – теплая летняя ночь.

Мои думы не были столь безмятежны. Мысленно я вновь

и вновь прокручивала увиденную мною сцену, стараясь понять, что произошло. Я вышла вслед за рыжеволосым на улицу, но так и не разглядела, куда он пошел. Были ли он соучастником убийства?

Шиа открыл дверцу со своей стороны, прервав мои размышления.

– У меня затекли колени. Хочу немного поразмяться.

– Может, нам удалось оторваться от них? – спросила я с надеждой.

– На какое-то время – да.

Это звучало не слишком обнадеживающе; сидеть, беспокойно ерзая на своем месте, и трепать себе нервы я больше не могла. Я заковыляла за Шиа и догнала его на вершине небольшого холма. Вглядевшись в темноту, я поняла, что черная матовая пустота перед нами не что иное как бесконечная водная поверхность.

– Автомобиль можно спрятать здесь. – Он указал на крутую отмель посреди озера.

– Зачем? Как мы тогда выберемся отсюда?

– Теперь от «форда» пользы будет мало. Если мы не избавимся от него, рано или поздно они его застукают, а заодно и нас. Дорога полна неожиданностей: например, ночью автомобиль может сойти с дороги и оказаться на дне озера, похоронив седоков. Можно попробовать инсценировать такую аварию, тогда будет время спокойно подумать, как действовать дальше.

Я вспомнила рассказ Бу о том, что автомобиль моего отца был найден в озере. Это совпадение вызвало во мне суеверный трепет.

– А где мы сейчас находимся?

– На озере Изабелла.

– О Боже! – не выдержала я.

– А в чем дело, красавица?

Я сокрушенно покачала головой, обводя взглядом бескрайнее черное пространство слегка рябившей воды.

– Здесь утонул мой отец.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

– Утонул? – Встревоженные глаза Шиа под звездным небом казались уже не зелеными, а серебристо-серыми. – Я никогда не слышал об утопленниках в озере Изабелла. Когда это случилось?

Я продолжала смотреть на воду, тщательно подыскивая слова – тщательней чем обычно, более всего на свете боясь показаться сумасшедшей. Я обещала рассказать Шиа правду, и сейчас у меня не было другого выхода: эксцентричной дамочке, которая, кажется, до конца дней обречена попадать в неприятности, для полного счастья не хватает угодить в заведение для умалишенных.

Облако медленно плыло в ночном небе; лунный свет, то появляясь, то исчезая, отражался от водной глади озера. Внезапно я почувствовала, что здесь, в этом месте, отчетливо ощущаю присутствие моего отца. Возможно, он так же сидел здесь, устремив взгляд на такую же печальную луну и придумывая, как лучше инсценировать свою гибель, – точно так же, как и мы сейчас с Шиа пытаемся сделать это. Я не знала, действительно ли Адмирал покончил с собой той ночью, в будущем, но я не сомневалась, что он был здесь. Каким бы невозможным это ни казалось, даже сейчас – за годы до его рождения – я чувствовала его присутствие; оно было едва уловимо, как прикосновение кошачьей лапки, но

никаких сомнений у меня не было.

Я сделала глубокий вдох, слабо надеясь, что Шиа поверит моему рассказу – наспех слепленной смеси правды и вымысла. Мой план добывания денег привел к плачевному результату: теперь нам угрожает смертельная опасность; но узнав, *что* заставляет меня предпринимать подобные отчаянные шаги, он, быть может, поймет меня.

– Ферма моего отца находится на холмах к северо-западу отсюда. Он был самый старший в многодетном семействе. Когда наступили тяжелые времена, он отправился в Хот-Спрингс в Чиггер-клуб и стал профессиональным игроком в покер.

– Может, я знал его?

Я покачала головой, сожалея, что пропутешествовала слишком далеко назад во времени.

– Это просто невозможно, чтобы вы когда-нибудь встретились. Когда вы родились, его не было на свете.

Хотя Шиа выглядел старше меня – по крайней мере на год, – он не стал спрашивать меня, как такое могло получиться. Вместо этого он обнял меня за плечи и прижал к себе. Он был нежен и деликатен, его ласка согревала – как и в тот волшебный миг, когда он последний раз прикасался ко мне. Мне пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, чтобы набраться храбрости и продолжить свой рассказ.

– Однажды, путешествуя по Калифорнии, он встретил мою мать и женился на ней. После моего рождения мы с

мамой жили одни, а он отсутствовал месяцами. Он говорил нам, что служит на флоте и надолго уходит в плавания. А совсем недавно я узнала, что он вообще никогда не был моряком. Он жил двойной жизнью. Все время он проводил на Юге, зарабатывая деньги игрой в карты. Если бы моя мать узнала об этом, она не прожила бы с ним и секунды. Теперь мне понятно, почему он так редко навещался домой.

И вот однажды – был как раз шестой день моего рождения он не приехал. Мы продолжали ждать его; мы привыкли к долгим ожиданиям. Но на этот раз не дождались. Дни проходили за днями, потом месяцы, потом годы, и образ его начал стираться в памяти; иногда мне кажется, что у меня никогда не было отца. Теперь вспоминаю о нем все реже и реже.

Однако каждый год в канун дня моего рождения со мной происходит что-то странное: я ищу его черты в лицах, случайно встреченных в толпе, то и дело выглядываю в окно, надеясь увидеть отца. Я уже плохо помню, как он выглядит, но тем не менее не пропускаю ни одной проезжающей мимо машины: я уверена, что обязательно узнаю его среди седоков. В эти дни у меня бывает ощущение, что отец вернулся и незримо присутствует рядом, что он вообще никогда не покидал меня. Когда же мой день рождения проходит, я почти перестаю вспоминать об отце – до следующего года.

Легкий ветерок прошелестел листвой в кронах деревьев, слегка возмущив атласную поверхность озера и наполняя воздух ароматом цветущей магнолии. Ритмичные всплески

воды смешивались с отдаленным стрекотом цикад. Все еще обнимая меня за плечи, Шиа взял мою руку и принялся нежно перебирать пальцы, терпеливо ожидая, когда я закончу свой рассказ. Его прикосновения меня всегда обезоруживали, но теперь, после того как я поняла, как много общего у него с моим отцом, это стало особенно очевидно.

– Правда, в этом году все было несколько иначе. – Я мягко высвободила руку, чтобы поправить выбившийся из прически локон. – Это желание найти его превратилось в навязчивую идею. Меня мучает мысль, что я теряю время и если немедленно что-то не предприму, потом будет уже поздно. И чем ближе мой день., рождения, тем сильнее становится это чувство.

– Ваш день рождения? Когда он? – спросил Шиа спокойно.

События последних дней так захватили меня, что стало трудно следить за числами. Я на минуту запнулась, подсчитывая даты.

– Через два дня.

Шиа внимательно смотрел на меня; затекший глаз и распухшие губы придавали его лицу потешный вид.

– Какая-то неведомая сила, которой невозможно сопротивляться, влечет меня к нему. – Эти слова прозвучали как будто сказанные кем-то со стороны; прислушиваясь к ним, я почувствовала какой-то липкий холод, обволакивающий нас. Взглянув на Шиа, я поняла, что он чувствует то же са-

мое.

– Однажды ночью в Чиггер-клуб мой отец спустил все деньги, которые долгое время копил на покупку дома. Он впал в депрессию. На следующий день его автомобиль был найден в этом озере. Когда шестью месяцами позже тело было извлечено из воды, полиция не смогла в нем никого опознать, но многие склонялись к тому, что это был именно отец.

– А вы, насколько я понял, не поверили в его гибель.

Ни мучительных ожиданий, ни поисков – всего этого могло бы не быть, поверь я хоть на минуту, что отец утонул в ту ночь. Но я отрицательно покачала головой.

– Я думаю, это узнала бы, если бы он умер. Узнала бы непременно, почувствовала бы сердцем. – Я постучала себя кулаком в грудь, стараясь унять болезненную пульсацию, вдруг возникшую где-то внутри меня. Я вновь оказалась рядом с отцом, и во мне вновь закровоточили старые раны.

– Мэгги. – Шиа погладил мои волосы и вдруг, резко развернув меня лицом к себе, сомкнул за моей спиной руки, прежде чем я успела отстраниться от него.

– Эта история... она как бы не имеет конца независимо от того, как давно все это произошло. Вы действительно рассказали мне все без утайки?

Я посмотрела ему в глаза, понимая, что у него были все основания сомневаться в услышанном; с огромным трудом мне удалось преодолеть искушение до конца излить ему ду-

шу.

– Разумеется, я не тот человек, в обществе которого ваша мать была бы рада видеть вас, – сказал Шиа, понизив голос. – Ей бы наверняка не захотелось, чтобы дочь повторяла ее собственные ошибки. Но я все-таки прошу вас доверять мне, поверьте, я вам не враг.

Я хотела верить его словам, верить, что он именно тот человек, на которого я полностью могу положиться. Наши глаза встретились. В его взгляде читалась твердость, уверенность в себе – те самые черты, что когда-то мне так нравились в Дэвиде. Я закрыла глаза, желая избавиться от непрощенных воспоминаний о своем муже.

– Видите ли, вы не слышали о несчастье, случившемся с моим отцом, потому что оно еще не произошло. Дело в том, что мой отец... он еще не родился. Его еще просто нет, – сказала я запинаясь. – Каждый должен сначала родиться, прежде чем умереть или исчезнуть.

Шиа выпрямился. Пока я, ожидая, что он скажет в ответ на все это, смотрела на него – его молчание казалось мне бесконечным, – стрекот цикад отдавался в моих ушах подобно грохоту тяжелого молота.

– Вы, должно быть, переутомились. – Шиа так сильно сжал меня, что я невольно вскрикнула. Он смутился и ослабил объятия. – Мэгги, – проговорил он, тщетно пытаясь скрыть волнение, – сейчас тысяча девятьсот двадцать шестой год. Вы устали. Сегодняшняя ночь, должно быть, –

слишком большое потрясение для вас.

Я снова изучающе посмотрела на него. На его обычно безукоризненном лбу обозначились морщинки.

– Вы хотели, чтобы я доверилась вам, именно это я и пытаюсь сделать сейчас. Я знаю, очень трудно заставить себя поверить в это, и все-таки выслушайте меня. Я из будущего. Я сама не могу объяснить, как это случилось, но что-то привело меня в аптеку Оачиты – там, в моем времени – и к злополучному порошку. Я случайно вдохнула его, а когда я выходила из лифта в Арлингтоне, случилось нечто, в результате чего я оказалась в прошлом.

– Так вы утверждаете, что именно поэтому я никогда не слышал о том, что ваш отец здесь утонул? Что этого еще не случилось, так?

Я кивнула.

– Но у меня такое чувство, что я здесь для того, чтобы найти его; я не должна терять времени, иначе будет поздно.

– Слишком поздно – для чего?

Я растерянно покачала головой: больше всего на свете мне самой хотелось бы знать ответ на этот вопрос.

– Все, что я знаю, это лишь то, что должна достать этот чертов порошок. Кажется, это единственный способ вернуться в свое время.

– Значит, вот почему вы так стремились в Дак Конер?

Я улыбнулась и снова кивнула.

– Хасси узнала этот флакончик в форме колокольчика; она

сказала, что это снадобье сделано там какой-то женщиной.

– О Боже, только не это! Неужели вы имеете в виду Мортиану? – Шиа схватил меня за плечи. – Черт возьми, Мэгги! Она просто аферистка. Вы не должны иметь с ней дела.

– Хасси сказала, что она ведьма.

– А вы верите в существование ведьм?

Я улавливала недоверчивые нотки в его голосе; мне хотелось сказать ему, что после всего, что со мной произошло, я готова поверить во что угодно.

– Вообще-то нет. Но раньше я не верила и в возможность перемещения во времени, – сказала я упрямо.

– Простите, вы уверены, что после удара у вас все в порядке с головой?

– Ну а как вы объясните тот факт, что я знаю кое-какие вещи, которые неизвестны вам? Я имею в виду события, которые произойдут в будущем?

– Что же именно?

– Например, Аль Капоне много лет спустя его признают самым знаменитым гангстером всех времен.

Шиа фыркнул.

– Недавно его привлекли к суду по поводу убийства, произошедшего в Чикаго, но так и не смогли ничего доказать. Он просто ничтожество, грошовый бутлегер.

– Возможно, сейчас это действительно так, но сухой закон и пресса сделают его знаменитым. Он любит поднимать шумиху вокруг себя, делать заявления в газетах, но в один

прекрасный день не сможет совладать с волной, которую сам поднял. В Чикаго начнется настоящая война между враждующими группировками, погибнет много людей, в том числе невинных. Общество начнет требовать, чтобы власти положили этому конец. Когда ФБР не сможет привлечь Аль Капоне к ответственности за зверские избиения и даже многочисленные убийства, у них окажется единственное средство избавиться от него – осудить за неуплату налогов.

– Лапонька, неужели из-за неуплаты налогов? Так значит, эти парни не платят казне? Кто бы мог подумать! – ернически воскликнул Шиа.

– Это правда, хотя в нее и трудно поверить. – Я устало улыбнулась. – Его бухгалтер – вот кто упрячет его за решетку.

Шиа нахмурился:

– Я не знаю, красавица. Так хочется верить вам, но все это звучит неубедительно.

Я продолжала говорить, надеясь, что мне удастся задеть его чем-нибудь сногшибательным, прежде чем он потеряет интерес к моему рассказу.

– Капоне посадят в тюрьму. После освобождения он уединится на своей вилле во Флориде, где и скончается от сифилиса.

Шиа повернул голову и с удивлением уставился на меня.

– От сифилиса?!

– Правда, правда. – Пожалуй, еще совсем недавно подоб-

ный разговор мог привести меня в смущение, но сейчас я, как говорится, и глазом не моргнула.

– Господи, неужели придется поверить всему, что вы тут понарасказывали про путешествия во времени, красавица... Доктор Тайлер слышал от одного своего коллеги, что Капоне приехал в Хот-Спрингс вовсе не ради игорных домов, а ради лечебных ванн.

У меня отвалилась челюсть. Я никогда не предполагала, что этот гангстер болел в течение столь долгого времени.

– В этом, наверное, есть доля истины. Я видела по телевизору передачу...

– Видела... по чему?..

– Телевидение. Это такие движущиеся изображения, со звуком и цветом. Там, в моем времени, эти приборы стоят практически в каждой квартире.

Шиа застонал, схватившись за голову, но я не позволила ему остановить себя.

– Так вот, я видела программу, в которой рассказывалось про одно из убежищ Капоне где-то в малодоступных местах. Съёмочной группе пришлось спуститься глубоко в пещеру туда, где бьют подземные минеральные источники. Передача рекламировала эти источники как излюбленное место отдыха и уединения Аль Капоне. Я раньше не думала об этом, но, возможно, его пребывание на водах действительно вызвано проблемами со здоровьем.

Шиа пожал плечами:

– Не знаю, что и подумать.

– Я не рассчитываю, что вы сразу поверите мне. Нет, правда. Оказавшись на вашем месте, я бы тоже решила, что вы не в себе.

Он усмехнулся:

– Вы самая красивая из всех сумасшедших дамочек, которых я когда-либо встречал.

– Значит, вы поверили мне?

– Я этого не говорил.

– Мне бы стало намного лучше, знай я, что вы мне верите, – с надеждой проговорила я.

Он долго молчал; каждый из нас думал о чем-то своем.

Наконец Шиа сказал:

– Предположим, вы находите этот порошок. Что тогда?

Мне было тяжело вынести его взгляд, пристальный и вопрошающий. Я почувствовала сильное смущение.

– Что вы имеете в виду?

– Вы нюхаете эту гадость и исчезнете навсегда?

Ночь казалась необычайно тихой, словно сама природа замерла в ожидании моего ответа.

– Ну... – проговорила я, запинаясь. – Я ведь должна найти своего отца.

Шиа отвел взгляд, глубоко вздохнул и в досаде отвернулся от меня.

– В таком случае, я полагаю, нет смысла ждать.

– Чего ждать?

– Вы знаете чего, красавица. Вы всегда знали.

Он прав, чего греха таить. Мы оба были буквально наэлектризованы взаимным влечением. Склонившись надо мной, он легким движением откинул мои волосы назад, и я всем своим существом почувствовала, как велико его желание. И все отчетливее ощущала его неподражаемый, влекущий аромат.

Шиа хотел меня. Я улавливала волшебный эликсир его желания, как аромат цветущей магнолии, наполнявший ночной воздух.

– Интересно, что в подобных случаях предписывает ваш южный кодекс чести? – спросила я, втайне надеясь, что эти мои слова не остановят его.

– Я не желаю, черт побери, знать ни о чем подобном, особенно сейчас. Да и вы, как мне кажется, тоже.

Собрав в кулак последние крохи самообладания, я вырвалась из его объятий. Его сердце бешено колотилось у меня под ладонью, и мое с готовностью отвечало на этот страстный призыв. Его обнаженная мускулистая грудь, шрам, который, приковывая взгляд, затягивал его в запретную линию пояса... я готова была броситься в темную воду желания.

– А как же мой муж?

Его охрипший голос раздался прямо над моим ухом:

– Вы все время твердили о том, что хотите найти отца и вернуться домой. Но вы ни словом не обмолвились о своем муже. Я не знаю, откуда вы появились и как оказались здесь,

но я уверен, что вы не любите его.

Я открыла рот и набрала побольше воздуха, готовая опровергнуть эти его слова, но вдруг отчетливо поняла, что многое во мне изменилось. Я больше не любила Дэвида; убедиться в этом можно было, просто заглянув мне в глаза, – и Шиа не преминул сделать это.

Шиа наклонил голову и нежно потерся о мою щеку. Лишь только его губы сомкнулись с моими в пламенном поцелуе, я издала стон изголодавшейся самки – расплата за пренебрежение к своим чувствам, которые я так долго пыталась загнать внутрь себя.

Пытаясь расстегнуть верхние кнопки на моей блузе, он стонал от страсти, прямо-таки сжигавшей его изнутри. Мое чувство рвалось навстречу. Он положил меня на траву, его пальцы, проникнув под бюстгальтер, скользили по моей обнаженной груди, любовно повторяя все ее изгибы.

Мое сердце отчаянно наколачивало, частота его сокращений перекрыла все мыслимые и немыслимые рекорды; но вдруг все прошло. Дьявольская сцена всплыла в моей памяти – сцена, когда любовница Дэвида, покачиваясь на его бедрах, невольно показала мне из-за своей спины его жадный, полный похоти взор. Что если это случилось по моей вине?

– Что-то не так, красавица моя? Земля, наверное, сырая? Вы вся дрожите, – прошептал мой внимательный кавалер.

– Я не могу. – Мой голос был как у охрипшей вороны. – Это не из-за вас. Все дело во мне.

Шиа долго смотрел на меня, потом убрал руку из-под моей блузки.

– Если я когда-нибудь встречу мужчину, который обидел вас, я убью его.

Я не была уверена в том, что именно Дэвид во всем виноват. Да, Дэвид изменил мне, но возможно, все мои проблемы начались гораздо раньше, когда нас покинул отец. Я села; щеки мои полыхали, пока я застегивала блузку. Надо было как-то нарушить неловкое молчание.

– Вы проводите меня в Дак Конер?

Шиа поднял камешек и запустил его в озеро. Он стукнулся о воду пару раз, прежде чем сгинуть в ней навсегда.

– С нашей поездкой туда у меня связаны самые плохие предчувствия, а главное – нет ни малейшего желания лицезреть эту ведьму-шарлатанку.

– Откуда вы знаете, что она шарлатанка? – Он бросил в воду другой камень.

– Это действительно так, красавица. Я пас.

Я слегка вздрогнула при этих словах, вспомнив предупреждение Хасси насчет черной магии. Вероятнее всего, в этих рассказах больше предубеждения, подумала я, поэтому решила не воспринимать это всерьез и постараться убедить в этом и Шиа. Как вдруг со стороны шоссе послышался звук приближающегося автомобиля.

– Мне это не нравится, – прошептал Шиа. – Они, кажется, остановились.

– Может это какая-нибудь парочка прикатила сюда... отдохнуть. – Затаив дыхание, я молила Бога, чтобы эти люди уехали отсюда. Когда автомобиль действительно проехал мимо нас, мы оба с облегчением вздохнули.

– Вряд ли им сразу так крупно повезет, и они сейчас достигнут нас, но теперь, я думаю, мы должны отказаться от идеи избавиться здесь от нашей машины; необходимо как можно дальше уехать от города туда, где нас никто не знает. Возможно, даже продать машину. Это подарит нам дополнительное время.

Я только покачала головой в ответ. Все это казалось таким нереальным.

– Давайте вернемся на дорогу. Мы доедем до окраины ближайшего городаждемся, когда рассветет, добудем еды и бензина и покатаем отсюда прочь. Вы готовы? – Он поднялся и протянул мне руку.

Я ухватилась за нее, и он легко поднял меня с земли. Не проронив ни слова, Шиа повел меня к машине, так и не отпустив мою руку.

– Кто мог предположить, что когда-нибудь вы окажетесь в такой опасности, красавица, – сказал он с теплотой в голосе. – Если бы я узнал, что вы собираетесь сбежать самостоятельно, я бы... черт, не знаю, что бы я стал делать, но я все равно придумал бы способ спасти вас.

Он открыл дверь «Модели-Т», но вдруг резко притянул меня к себе. Не обращая внимания на свои пораненные губы,

он прижался ими к моим губам; в этот момент мне стало ясно, почему этот человек так оберегает меня.

Сопротивлялась я недолго и через несколько мгновений сдалась. Но в тот момент, когда страхи мои улетучились, он неожиданно откинулся назад, и тело его замерло в неподвижности. Все еще лежа с закрытыми глазами и ощущая на губах вкус его поцелуя, я чувствовала себя униженной: его внезапная холодность причинила мне острую душевную боль, как от пощечины.

– Ч-что-то не так? – спросила я хриплым голосом.

– Ш-ш-шшш, я кое-что слышу.

Я прислушалась. Кроме звуков, издаваемых насекомыми и водой, я уловила в ночи какой-то новый непонятный звук. Пальцы Шиа впились мне в руку.

– Черт побери, они возвращаются.

Я с напряжением стала вглядываться в темноту. Чужой автомобиль замедлил свой ход. На этот раз они свернули с дороги.

– У них горит только одна фара, красавица. Это они. – Шиа выпустил мои руки, и, потеряв эту надежную опору, я чуть не упала на землю. – Быстро в машину!

Одноглазое чудовище, подпрыгивая на неровной дороге, ползло по направлению к нам. Я впрыгнула в автомобиль, и Шиа приступил к трудному процессу заводки. Проклятый циклоп вдруг увеличил скорость.

– Они заметили нас! – крикнула я. – Скорее!

«Форд» затрясся, словно это не Шиа, а сам черт раскачивал его, но даже не подумал двинуться с места. У нас почти не оставалось времени. Если автомобиль не заведется через минуту, нам останется только прыгать в воду, к чему мы явно не были готовы.

Двигатель наконец завелся, и Шиа, запрыгнув внутрь, стал быстро крутить рычаги. Мы тронулись с места в самый последний момент, когда бандиты были уже совсем близко.

– Они схватят нас. Что мы будем делать?

– Я кое-что придумал, но потребуется ваша помощь.

Шиа резко крутанул руль автомобиля, объезжая лежащее поперек дороги упавшее дерево.

Центробежная сила швырнула меня на дверь. Шиа схватил меня за руку и удерживал до тех пор, пока мы, объехав бревно, снова не выехали на дорогу.

– У вас все цело?

– Все н-нормально, – промямлила я.

– Я собираюсь въехать на дамбу. Там слишком узко для двух автомобилей. Кэпс думает, что схватит нас, когда захочет. Но прежде чем мы доберемся туда, проедем через небольшую рощицу. Там очень темно. Слева есть ответвление. По моей команде вы откроете дверь и выпрыгнете. Оказавшись на земле, продолжайте катиться по ходу машины. Они погонятся за мной. Прячьтесь где-нибудь здесь и ждите моего возвращения. Вы сделаете все так, как я сказал?

Я открыла было рот, но промолчала. Я знала, что не умру

сейчас: мне предстоит вернуться назад в будущее и разыскать своего отца; но что будет с Шиа? У него-то не было никаких гарантий.

– Взгляните на меня, красавица. Вы доверяете мне?

Я мысленно перебирала все мыслимые и немыслимые доводы, которые могли бы помешать мне полностью довериться ему. Шиа игрок, ненадежный и непредсказуемый. Он может в любой момент покинуть меня точно так же, как сделал когда-то мой отец. Я оглянулась назад и через разбитое заднее стекло увидела среди ночной темноты одиноко горящую фару. Гангстерская машина упорно преследовала нас.

– Я хоть когда-нибудь подвел вас? – укоризненно спросил он.

Я в нерешительности молчала. Кустарники хлестали по машине, царапали ее, словно когтистые лапы неведомых чудовищ. Впереди замаячили деревья. Я различила их силуэты на фоне полночного синеватого неба.

Светящийся позади нас единственный глаз мерзкого циклопа все увеличивался в размерах.

Мы въехали в рощу. Слабый серебристый лунный свет мгновенно исчез, словно кто-то быстрым движением стер луну с небосклона; исчезла и линия, более-менее четко разделявшая небо и землю. Кромешную тьму, разлитую под густыми кронами деревьев, нарушал лишь тусклый свет фар нашего автомобиля.

– Ну так как, красавица?

В моем сознании возник почему-то образ Дэвида, а вместе с ним лица каких-то людей. Эти люди были мне незнакомы, но я почему-то была уверена, что все они ищут моего отца. Господи, я так ошибалась даже в Дэвиде! После этого я не знаю, можно ли до конца доверять хотя бы самой себе.

– Мы приближаемся к тому ответвлению.

Я, наверное, обречена не доверять никому: ни свое сердце, ни тем более свою жизнь. Однако все это время я раз за разом прибегала к помощи этого человека просто потому, что мне не к кому было обратиться. Сейчас самый подходящий момент прекратить это. А может, в последний раз довериться ему? Деревья проносились мимо, как в немом кино.

– Сейчас самый подходящий момент, красавица. – Теплый сильный голос Шиа окутал меня, словно купальный халат. – Я вернусь за вами – независимо от того, что мне придется для этого сделать. Я обещаю.

Шиа немного притормозил: мы подъезжали к повороту.

– Теперь прыгайте, красавица.

Я распахнула дверцу и прыгнула, стараясь упасть как можно дальше от автомобиля. Упав на землю, я покатилась в сторону и с силой врезалась в какое-то дерево. Сильная боль пронзила грудную клетку. Автомобиль Кэпса прогрохотал мимо, подняв за собой тяжелое облако пыли. Я зажала рукой нос и рот и старалась дышать неглубоко, чтобы не наглотаться этой гадости.

Позади себя я услышала, как кто-то, шелестя листьями,

пробежал через подлесок. Я вглядывалась в ночь, пытаюсь хоть что-то разглядеть, но тьма была непроницаемой. Я дрожала от страха и, пытаюсь успокоиться, постоянно твердила себе, что Шиа обязательно вернется за мной. Он обещал.

Я сильно ушиблась, но сейчас было не время проверять, целы ли кости. Продираясь сквозь камни, засохшие ветки и опавшие листья, стараясь не обращать внимания на сбитые колени и ободранные ладони, я отползла подальше от дороги. Чем дальше я укурюсь за деревьями, тем труднее будет меня найти – если кому-то вздумается искать бедную Мэгги Таггарт.

Раздался пронзительный визг шин, тормозящих по гравии, и я замерла от страха, стараясь не дышать. Затем я услышала характерные звуки автомобильной аварии: удар, грохот, скрежет покореженного металла. Мгновения казались часами. Вдруг раздался сильный всплеск, будто что-то тяжелое упало в воду, потом все стихло. Я похолодела.

Стараясь сдерживать рвущиеся наружу слезы, я снова принялась ползти. Мои руки и ноги дрожали от напряжения, к тому же сырая земля отдавала холодом. Страшна была неизвестность. Шиа, не умирай, не покидай меня!

Я вытянулась на сырой земле. С момента, когда я покинула Калифорнию, я успела уже забыть, что человеку может быть так холодно, если не включен кондиционер. Это сковывало меня как гипноз.

Шиа не позволит этим мерзавцам убить себя, думала я,

закрыв глаза. Мы – команда, мы – вместе. Мне страстно хотелось верить ему. Да, другие мужчины обманывали меня – ну и что? Шиа обязательно вернется. Он обещал.

В течение всей этой самой долгой в моей жизни ночи я более всего на свете боялась уснуть, боялась потерять бдительность. Каждая треснувшая вдалеке ветка, каждый шевельнувшийся на дереве листочек служили напоминанием о том, что мне грозит опасность; может быть, здесь много диких животных, но, конечно, все мысли мои занимали двуногие хищники.

И все-таки я уснула – по всей видимости, глубоко.

Проснувшись, я с легким стоном перевернулась, все еще чувствуя слабость. На горизонте, в просвете между землей и кронами деревьев, я различила тонкую полоску серого предутреннего тумана. Теперь можно было и подняться с этой влажной пропитанной запахами земли, но я долго не могла прийти в себя. Сон казался спасением.

Неподалеку закричала сова, заставив мои глаза приоткрыться, а сердце – забиться чаще. Затем послышалось едва различимое шуршание среди деревьев, под чьей сенью я пряталась; это снова всколыхнуло мои опасения. Кто это – кто-то из гангстеров или Шиа? Четвероногие не производят такого шума.

Я щурила глаза, тщетно пытаясь хоть что-то различить в слабом свете нарождающегося дня. Наконец где-то на краю рощи я заметила какое-то движение; темная фигура направ-

лялась в мою сторону. По мере того как она приближалась, я все съеживалась и съеживалась от страха – словно маленький зверек, который пытается спрятаться от охотника. Одежда этого типа, слабо различимая в темноте, могла принадлежать кому угодно. Человек крадучись скользил от одного дерева к другому. У меня все сжалось в груди. Кто идет – друг или враг?

Осторожно поднявшись, я спряталась за широченным стволом ближайшего дерева. Я стояла не шевелясь, повернувшись боком к стволу; меня можно будет обнаружить, только подойдя вплотную к дереву. Предраассветный холод пробирал до костей; обняв себя, я пыталась унять дрожь. Мои зубы так стучали, что мне показалось, этот стук может услышать мой преследователь, и я стиснула их так сильно, что свело скулы.

Осторожно взглядываясь в серую пелену тумана, я ничего не видела, но чувствовала его присутствие. Наконец его плечо показалось из-за дерева. Он проходил как раз мимо меня. Стоит ему повернуть голову, и я буду обнаружена. Я вся напряглась, стараясь телепатически внушить ему не оборачиваться.

Его голова медленно повернулась, как будто она была посажена на проржавевший стержень, и он стал шарить глазами вокруг того места, где я пряталась. На долю секунды наши глаза встретились, это были не зеленые глаза Шиа Янгера, а карие, они принадлежали не знакомому мне человеку.

Волосы незнакомца были такого же цвета, как мои.

Я почувствовала запах табака.

Я сощурила глаза, чтобы получше рассмотреть этого человека, но силуэт растаял в утреннем тумане, и с этим ничего нельзя было поделать.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

– Мой Бог, с вами все в порядке?

Я почувствовала боль в грудной клетке и поняла, что кто-то, крепко сжав мою руку, с силой трясет ее, пытаясь привести меня в чувство. Сжавшись от страха, я никак не могла открыть глаза; мне казалось, что даже сквозь плотно сжатые веки я вижу мужчину с нашими фамильными карими глазами, склонившегося надо мной.

– Отец? – Понадобилось еще какое-то время, чтобы я вновь начала видеть в туманном свете начинающегося дня. Земля подо мной была твердая, как камень, и я как-то сразу почувствовала боль во всем теле. Мужчина вновь потряс меня, на этот раз более осторожно. Сквозь пелену, все еще застилавшую мне глаза, я увидела глаза Ши Янгера – зеленые, а не карие, как у моего отца. Ши с тревогой смотрел на меня. Глядя в его взволнованное лицо, я поняла, что мое утреннее приключение с «отцом» было, скорее всего, просто отрывком какого-то сновидения.

– Ши! – вскрикнула я, и мне самой до сих пор не понятно, чего больше – радости или отчаяния – было в этом моем крике.

– Мне показалось, что я видела своего отца... Он, живой, пришел спасти меня. Я потянулась к нему, думая, что наконец-то нашла его... – Слезы, хлынувшие из глаз, разбились

образ склонившегося надо мной Шиа на сотни блестящих осколков. – А потом я проснулась.

Шиа опустил на колени, приподнял меня своими сильными руками; я заметила, что рубашка его основательно заляпана грязью.

– Даже если вы испугались, – сказал он охрипшим голосом, – вы имели на это право.

Я спрятала голову на его груди; мягкость, с которой он ко мне обратился, в одно мгновение превратила меня в кисель. Слезы ручьями потекли по моим щекам. Тело его сушило своим теплом мое мокрое лицо, и я все сильнее прижималась к нему, желая убедиться, что все происходящее не сон, что Шиа вполне реален. Когда он отстранился от меня, я невольно вздрогнула и прижала руки к груди, оберегая свои ушибленные ребра.

– Вы ушиблись. – Он держал меня на расстоянии вытянутых рук и с нежностью и заботой осматривал с ног до головы.

Я пожалала плечами. Пусть у меня не осталось ни одного целого ребра, что это значило в сравнении с тем, что мой друг выполнил свое обещание. Не бросил меня. Рискуя жизнью, вернулся. Ради меня.

– Вас так долго не было, я уже боялась, что никогда больше вас не увижу. – Чтобы избавиться от меня, надо как следует потрудиться: мало просто шархнуть меня по голове.

Шиа приподнял мою руку и, пока я делала очередную болезненный вдох, изучающе провел мне ладонью по ребрам.

Это были едва ощутимые прикосновения: Шиа боялся причинить мне боль. Мне стало щекотно, и я нервно вздрогнула. Но это была сладкая боль.

Заметив мою реакцию, Шиа попытался отвлечь меня от неприятных ощущений.

– Люди Вилли таранили мой автомобиль и столкнули его с дороги. В общем, мой план сработал: меня уже не было в машине к этому времени. Когда я проснулся сегодня утром, «Модель-Т» буль-буль в озере, а ее хозяин загорал на отмели.

Закончив свою тираду, он снова осторожно притянул меня к себе; его руки обвились вокруг моей талии, и я ощутила притягательную твердость его бедер.

– Думаю, больной будет жить, – мягко произнес он. – Одни лишь ушибы, насколько я могу судить. Но мы должны идти.

Я прильнула к нему, сжимая полы его влажной одежды; запах, который он источал в этот момент, навсегда останется в моей памяти. По его тону я чувствовала, что надо торопиться, но в таком состоянии я не смогла бы долго идти. Я решила пока не выказывать своей слабости и медлила в течение некоторого времени, не желая мешать тому, что происходило сейчас между нами.

– Делатель Вдов оставил нам подарочек. Тело Орвила Биггса. Это улика, поэтому через день или два, поняв, что Кэпс и компания бесследно пропали, он пошлет сюда своих

людей, и они прочешут здесь все на мили вокруг. Мне очень жаль, красавица, – сказал он, страстно обнимая меня за шею, – но мы должны уходить отсюда, пока еще есть такая возможность.

Последние слова Шиа вырвали меня из мира мечтаний.

– И куда мы пойдем?

– Неважно, лишь бы убраться отсюда подальше. – Он осторожно поставил меня на ноги.

– Не знаю, в достаточно ли хорошей я форме для этого.

Он не стал со мной спорить, а просто, взяв меня за руку, решительно повел вперед сквозь лабиринт деревьев. Держась за больные ребра, я вслед за Шиа перепрыгивала через толстенные корни деревьев и крысиные норы, нагибалась, встретив на пути низко висящую тяжелую ветку. Дыхание давалось мне все тяжелее и тяжелее, и когда мне уже казалось, что легкие мои вот-вот разорвутся, мой спутник вдруг остановился и замер, прижав палец к губам.

Я тоже прислушалась, но кругом было тихо, лишь сердце бешено билось у меня в груди. Это было похоже на звуки, производимые колонной грузовых машин, движущихся по ухабам. Мы добрались уже до края рощи, откуда хорошо были видны пути отхода, и увидели, как, один за другим, несколько автомобилей свернули на дорогу, ведущую к озеру.

– Полиция Хот-Спрингс, – сплюнул Шиа.

– Ой, как здорово! Мы им все расскажем, и они отвезут

нас в город. – Я было дернулась, чтобы выйти на открытое пространство.

Грубо, невзирая на боль, прострелившую мой бок, Ши аташил меня обратно в кусты.

– Ты что, рехнулась?!

Кровь отлила от моих щек, и лютый холод пробежал по спине, стоило мне взглянуть в мрачное лицо Ши. Его челюсть приобрела твердость гранита, а глаза – стальной блеск.

– Выходить нам нельзя.

– О чем вы говорите? Мы расскажем им о том, что случилось вчера вечером. Если ваш рассказ насчет Делателя Вдов правда, мы нуждаемся в защите властей.

Ши мертвой хваткой сжал мою руку.

– Вы думаете, они поверят, что мы не имеем отношения к тому трупу в озере?

– Разумеется. Нам незачем скрываться. Мы не преступники.

Если он невиновен, зачем ему подвергать опасности себя и меня, скрываясь от полиции? Черная тень легла на лицо Ши.

– Копы сразу при помощи таких дураков, как мы, запишут на свой счет раскрытие убийства. Вы этого хотите?

Сомнения, должно быть, были написаны на моем лице; резким движением Ши развернул меня кругом, поставив лицом к полицейской процессии.

– Видите тот автомобиль во главе колонны? – шепотом

спросил он. – Это сержант Макилрой. На прошлой неделе я видел, как он пьянствовал с Вилли в Сотерн-клуб. Вы можете поручиться, что он не состоит на содержании у Делателя Вдов?

Это звучало убедительно, но мне не хотелось в это верить. В этот момент мне показалось, что со мной говорит не давно знакомый и понятный мне человек, а кто-то другой. Следующая реплика Шиа напугала меня еще больше.

– Мы скроемся лишь на время, пока все не уляжется. Когда я выясню все обстоятельства, можно будет закрутить хороший бизнес с Вилли.

Я снова посмотрела на озеро. Полицейские выходили из автомобилей, и сержант уже выкрикивал какие-то приказания. Я колебалась, разрываясь между доверием к полиции и перспективой, которую нарисовал мне Шиа. Подобно захваченному паутиной насекомому я попала в сеть собственных сомнений, и чем большие усилия я прилагала, чтобы выбраться из этой сети, тем основательней в ней запутывалась. Наконец, я решила довериться Шиа; оставалось только надеяться, что мне не придется жалеть об этом своем решении.

– Ладно, – сказала я, встретившись глазами с Шиа, – пошли.

После того как полицейские автомобили, по-прежнему держась плотной группой, исчезли из вида, мы вышли из-под защиты леса к шоссе. Солнце поднималось все выше и выше, его всепроникающие лучи быстро уничтожили нашего един-

ственного союзника покров темноты. Держась за руки, мы с Шиа шагали по дну оврага, склоны которого сплошь поросли бурьяном. Жесткие стебли исхлестали, изрезали мне лодыжки и кисти рук, но теперь, приняв решение идти с Шиа, я мужественно переносила все лишения.

Подойдя к шоссе, мы затаились в бурьяне и долго всматривались в опушку леса, из которого только что вышли. Не следит ли кто за нами? Все было тихо, только легкий ветерок, чудом прорвавшийся сквозь частокол деревьев, поднял на своем пути круговорот сухих листьев. На секунду мне показалось, что все, что творится у меня перёд глазами, все пережитое за последние дни не более чем мираж. Вокруг не было ни души, но я не могла избавиться от жуткого ощущения, что кто-то следит за нами.

Явно удовлетворенный увиденным, Шиа, схватив меня за руку, перебежал через шоссе. Достигнув противоположной стороны шоссе, мы бросились на каменистый откос, опасаясь быть замеченными. На полпути я споткнулась и упала на свои уже изрядно поврежденные колени. В многочисленные царапины на моих руках набилась грязь, и ладони горели огнем.

– Вперед, красавица! Вперед! – Шиа помог мне подняться на ноги; впрочем, это слабо сказано: он фактически понес меня на руках. Добравшись до обочины, мы немедленно скрылись в бурьяне и, не сговариваясь, оглянулись, проверяя не видел ли нас кто-нибудь. Язык мой буквально шуршал во

рту, подобно сухой траве, покрывавшей склон, и я с вождением посмотрела на блестящую вдали гладь озера; совсем недавно мы были там, где так много свежей холодной воды.

– Шиа, смотрите, – закричала я, тыча пальцем в направлении озера. – Полицейские обыскивают лес. Почему они не стали сначала искать у воды? Они ведь не могут знать, что вы не утонули.

Один из полицейских поднял с земли мой шарф. Я, должно быть, потеряла его, когда выпрыгивала из автомобиля. Шиа сграбастал меня своей ручищей; его взмокшая рубашка холодила мне тело.

– Они ищут не меня, красавица. – Эти слова доносились, казалось, из самых глубин его грудной клетки. – Они ищут вас.

Как загипнотизированная, я наблюдала за полицейскими, которые, развернувшись веером, обыскивали лес; мне стала понятна степень грозившей мне опасности. Я привыкла считать полицию своей защитницей, но если то, что сказал мне Шиа, правда и *этим* полицейским нельзя доверять, положение, в котором мы оказались, значительно хуже, чем можно было предположить.

Возможно, я уже числюсь в подозреваемых.

Во мне нарастал страх, клещами сжимая грудь. Насколько можно было судить, я оставила здесь много улик против себя, – во всяком случае, много больше того, чем мне бы хотелось. И конечно, довериться Шиа было правильным реше-

нием. В эту минуту я поняла, что если бы я поступила иначе, то просто сбежала бы от единственного человека, который может мне помочь.

Я отвела взгляд от полицейских, охотившихся за мной.

– Что же мы теперь будем делать?

– Я знаю одно место, где ни один продажный коп не отважится нас искать. Мы сможем выиграть время.

Я посмотрела на Шиа, пытаясь прочитать в горящих глазах моего друга его истинные намерения.

– Вы как-то не очень радостно говорите мне это.

– Радоваться тут нечему, – пробормотал он.

– Почему? Куда вы собрались меня вести? – Его могучая челюсть напряглась.

– В Дак Конер.

День тянулся подобно плохому кинофильму. Полдня мы поднимались на холмы – и лишь для того, чтобы определить, в каком направлении двигаться дальше. Вдали я видела толстые стволы дубов, гикори и кизиловых деревьев, но там, где мы шли, лишь пучки омель свисали с безлистных деревьев. Каждый очередной вдох давался мне все труднее, и наконец я бессильно опустилась на землю, как на спинку кресла откинувшись на гнилой пень.

– Кажется, никогда в жизни я так не хотела пить, – прохрипела я. – Я отдала бы что угодно за стаканчик «Спрайта».

– Стаканчик чего? – Шиа обернулся и посмотрел на меня

как на сумасшедшую.

– «Спрайта». Знаете, это такой газированный напиток, – пробормотала я, сообразив, что Шиа может не знать об этом. – Это мы пьем там, в моем времени.

– А, вы все еще утверждаете, что явились из будущего. – Он подошел ко мне и присел рядом на бревно.

– Я не могу отделаться от ощущения, что кто-то специально сунул меня сюда. Смотрите, мы столкнулись с бандитами, но даже они покане смогли причинить мне особого вреда. Я здесь две недели и чувствую себя так, будто послана сюда с какой-то секретной миссией.

– В таком случае, вы привлекли здесь большое внимание. – Резким движением Шиа прихлопнул муху. – И не только бандитов.

Я покраснела и демонстративно принялась смотреть вдаль, но ощущения, которые при этом испытывала, не были неприятными. Решив, что представился хороший случай заявить Шиа о своих правах, я, облизнув пересохшие губы, сказала:

– Надеюсь, вы проводите меня к Мортиане. Полагаю, это нужно сделать, раз уж мы идем в Дак Конер. Возможно, так нам будет даже безопаснее.

– Безопаснее? Считайте, что нам повезет, если мы сумеем унести ноги, а головы наши останутся целыми после встречи с этой заразой. Не родился еще человек, который заставил бы меня подойти ближе чем на милю к этой бабе. И даже вам

это не удастся.

– Почему вы так боитесь ее? Потому что она ведьма? Или есть другая причина?

– На вас лежит проклятье, это точно, – раздраженно произнес Шиа. – Говорю вам, Мортиане нельзя доверять. Я слышал про нее столько всего... Я знаю.

Он уперся – точно так же, как в тот момент, когда не позволил мне сдаться полиции. Я хотела возразить, но по его взъерошенному виду поняла, что ветер дует не в мои паруса. Все это время я беззастенчиво пользовалась помощью Шиа и при всем желании не могла обвинять его сейчас в трусости или эгоизме.

Но с содроганием подумала, что смогла же обвинить его в убийстве?..

Я гнала от себя эту безумную мысль, но сцена убийства на аллее раз за разом прокручивалась в моей памяти. Там было темно, и на каждом из убийц была шляпа – точно такая же, как на Шиа. При нем не было тогда пистолета, но может быть, у него был нож? Я, как безумная, убежала тогда обратно в дом, зацепилась шарфом и не заметила не до того мне было, – откуда появился Шиа.

Может, он участвовал во всем этом? Может, поэтому не хотел встречаться с полицией? Глядя на него сейчас, вспоминая, с какой нежностью он заботился обо мне, в это трудно было поверить. Однако чем больше мне хотелось доверять Шиа, тем чаще я вспоминала свою ошибку с Дэвидом.

Тяжело вздохнув, я заговорила, тщательно подбирая слова:

– Вы когда-нибудь встречались с убитым?

– Да.

Он не попытался скрыть правду, но, кажется, был удивлен этим моим вопросом. Какое-то время он пристально смотрел мне в лицо, потом отвернулся. Мы долго молчали, и наконец он снова повернулся ко мне; глаза его излучали тепло.

– Прикончить мерзавца – святое дело, но есть много других способов убить человека – без стрельбы и удара ножом в сердце.

– А вы убивали кого-нибудь? – не подумав, спросила я.

Загорелое лицо Шиа, смело подставленное ослепительным солнечным лучам, заметно побледнело; сам обладатель мужественного профиля молчал. Солнце, найдя захудалое облачко на практически чистом небе, покрыло склон холма причудливым узором светлых и темных пятен.

– Жизнь из человека лучше высасывать потихоньку капля за каплей, пока надежда не оставит его, – сказал он, «расчесывая» волосы своей могучей пятерней.

В его ответе не прозвучало ничего определенного, он не сказал нет. Потрясенная этим и воображая себе самое плохое, я желала и вместе с тем боялась узнать правду. Это паранойя, уговаривала я себя. Найти порошок и вернуться – все остальное не имеет значения. Даже если Шиа не ответит меня прямо к ведьме, мы все равно приближаемся к ней с каждым шагом. Я пойду туда одна, если потребуется.

– Я отдохнула, – сказала я, вставая и отряхивая частички грязи и сухих листьев со своих заскорузлых ладоней. Если Шиа с его больным коленом сможет справиться с этими холмами и лощинами, тянущимися без конца и без края, то мне сам Бог велел не отставать от него.

Молча, плечом к плечу, мы зашагали с холма он слегка прихрамывал, оберегая свою правую ногу; я неуклюже ковыляла следом, и мысли мои были заняты только тем, чтобы, не спотыкаясь, переставлять ноги.

Опускались сумерки, появились первые звезды, а мы так и не нашли воды. Потеряв ориентировку в тусклом свете уходящего дня, я споткнулась и растянулась на земле лицом вниз.

– Я больше не могу без воды. Мой язык так распух, что не помещается во рту.

– Вы же топаете ножками, а не языком, красавица, – с издевкой произнес Шиа. – Хотя, если он вывалится у вас наружу, можете попробовать.

Я проигнорировала это его замечание и снисходительно позволила ему помочь мне встать.

– Я думала, что к вечеру мы уже будем там. Мы прошли, по крайней мере, миль десять.

Когда мы зашагали снова, он сказал, осторожно придерживая меня за локоть:

– Мы прибыли в Дак Конер примерно час назад.

– Мы уже пришли?.. – Я на секунду замедлила шаг, чтобы

осмотреться кругом. – Здесь так тихо... А почему мы никого не встретили?

– Люди холма не очень-то любезны с посторонними. Как только они нас заметят, они обязательно покажутся, если будут в хорошем настроении и расположены к общению. – Его пальцы ободряюще обвилились вокруг моей руки. – Я бы дал вам отдохнуть, а сам попробовал бы найти воду, но мне неохота надолго оставлять вас одну. Пока.

Он зашагал еще быстрее, и мне ничего не оставалось, как поддержать этот темп: я очень не хотела отстать от него.

– Откуда вы знаете о людях холма?

Шиа посмотрел на меня, и тонкая улыбка обозначилась в уголках его рта.

– Одно время я промышлял контрабандой их самогонного виски.

Эта новая информация несколько не удивила меня. Этот человек не являл собой образец нравственной чистоты. К тому же он шулер.

– Скажите мне, Шиа Янгер, когда-нибудь в жизни вы работали? Я имею в виду обычную, законную работу.

Он засмеялся и пожал плечами.

– Черт его знает. Контрабанда спиртным шла как по маслу, пока в один прекрасный день какие-то лихие людишки не стукнули меня по голове и не сцапали партию самогона, принадлежавшую братьям Скраггам. Прежде чем я смог выследить этих ребят и вернуть должок, Скрагги решили, что

проще меня самого свести в могилу, всадили мне пулю в ногу и вдобавок спустили на меня собак. Помните шрам у меня на груди?..

Я кивнула, я хорошо помнила каждый изгиб его мускулистой груди. А этот шрам проходил не только по его груди...

– Это подарочек от их племянника. Он всегда был легко-возбудимым мальчиком. К тому же талантлив в обращении с мясницким ножом...

– Полезный талант, – сухо сказала я.

– Пока док зашивал меня, та партия самогона тю-тю.

– Почему вы не можете быть просто нормальным хорошим парнем? Зачем все время искушать судьбу, нарушать закон...

– Важно правильно оценить степень риска. Вот почему покер моя игра. Если вы умеете выигрывать, это такой же бизнес, как и любой другой.

Пока удача не изменит вам. Жуткое чувство овладело мной, стоило мне вспомнить слова тетки Джозефины. Карточная игра такая же работа, как и любая другая... Но стоило отцу вступить в спор с судьбой, и он поплатился за это жизнью. Зная, с какой легкостью Шиа идет на риск, я не могла не волноваться за его и мою судьбу.

Он усмехался и легонько придержал меня, помогая перебраться через глубокую колею.

– К тому же жизнь моя тянулась относительно вяло в сравнении с тем, что началось, когда на горизонте появились вы.

Вы – первая, кто отважился идти со мной в Дак Конер.

– Только потому, что у меня нет другого выбора. – Я остановилась на мгновение, и Шиа пришлось остановиться тоже. – Вы живете так, будто завтра никогда не наступит. Думаю, как бы сильно вы чем-то ни увлеклись, вы бросите это в одну минуту, стоит появиться новому увлечению – в этом вся ваша суть. Жизнь для вас – игра в покер, затянувшаяся шутка, чет-нечет. Выигрыш или проигрыш – какая разница, вы все равно не воспринимаете это всерьез.

Его усмешка постепенно сошла, глаза опасно сверкнули.

– Нет, красавица, сейчас я предельно серьезен. Я обещал, что если вы доверитесь мне, то будете в безопасности, а сам привел вас в самое поганое место на земле, которое только можно себе представить.

Он пристально разглядывал меня, в его глаза стало больно смотреть – как на солнце. В то же время я не могла отвести глаз, да признаться, и не слишком хотела этого.

Пытаясь подавить нахлынувшие на меня ощущения, я не почувствовала, как колени мои сами собой подогнулись; я упала бы, если бы рядом не стоял Шиа. Он мигом подхватил меня.

– Терпеть не могу оставлять вас без присмотра, но если я не найду для вас воду, вы вообще больше ни на что не сгодитесь.

– А на что, по-вашему, я должна сгодиться? – проямлила я. – Наверняка на что-то противозаконное.

– Я способен думать и о вполне законных вещах, – сказал он, усаживая меня в тени дерева. Стоило мне опереться на теплый ствол, как все поплыло у меня перед глазами. Последние слова Шиа я услышала уже сквозь сон: – Просто для этого мне нужно немножко больше времени.

Проснувшись, я обнаружила себя сидящей на прохладной травяной подстилке; голова моя удобно покоилась на израненной в битвах груди Шиа. В темноте, спустившейся на землю, можно было видеть лишь темный контур, прорисованный верхушками деревьев на фоне более светлого неба. Почувствовав что-то жидкое и прохладное на своих растрескавшихся губах, я стала жадно слизывать эту волшебную субстанцию.

– Вы нашли источник...

– Я ограбил колодец.

– Прекрасно. – Подобно голодному птенцу, я максимально широко раскрыла свой рот.

Шиа хихикнул и из ковша, который держал в руке, начал лить воду прямо мне в рот. Эта вода была для меня как манна небесная.

– А лекции на моральные темы?

– Если вы нашли и еду, их не будет.

– Я сделал и это. – Он поднес к моим губам кусок жесткого, как подметка, мяса. – Нашел кусок соленой свинины в коптильне. Было очень темно. Пришлось ориентироваться исключительно по запаху.

– Я думаю это было не очень сложно, – сказала я: нос мой сморщился сам собой от мощного запаха. Србрав в кулак всю свою храбрость, я вцепилась зубами в ароматный кусок. Вкус был дикий, не имел ничего общего с беконом из супермаркета, но я яростно жевала первобытную пищу, проталкивая ее в желудок родниковой водой.

Я испытывала странную близость к мужчине, из рук которого я приняла еду и который вместе с тем не был моим мужем. Я не думаю, что Шиа испытывал что-то подобное, хотя, принимая во внимание его прошлое, кто знает...

– Там, на родине, запахи – это моя профессия. Используйте мое обоняние, оно безошибочно. Мой нос известен больше, чем я сама.

Шиа тоже взял кусок свинины. Он повернулся ко мне; его контур четко выделялся на фоне освещенного луной неба.

– Неужели кто-то платит за это?

– Я работаю в парфюмерном бизнесе. У меня собственный магазин и богатая клиентура, которая просто жаждет оплатить мои таланты. – Мне оставалось только надеяться, что я все еще владелец магазина. У меня хорошая управляющая, она сможет нанять хорошего парфюмера и в какой-то мере компенсировать мое отсутствие, но как долго мои клиенты будут довольствоваться этим, никто не может сказать. Не так-то много хороших нюхачей в Соединенных Штатах.

– Так значит, вы что-то вроде собаки-следопыта, только для богатых людей? – спросил Шиа, чавкая полным ртом.

– Вроде. Клиенты приходят ко мне со своими сиюминутными проблемами или желая освежить память. Меня даже просили восстановить запах орехового антикварного гардероба из бабушкиного гарнитура или военной формы давно сбежавшего любовника. Многие женщины хотят, чтобы я придумала духи, стимулирующие страсть или гарантирующие его верность.

– Но вы сами совсем не пользуетесь духами.

– Вы заметили? – Я заерзала, пытаюсь удобнее устроиться. Ощувив нечто твердое, упершееся мне в спину, я поняла, что вряд ли могу рассчитывать на удобства.

– Я замечаю много чего, что касается вас, красавица.

Мое сердце дрогнуло. Дикая холмистая местность, опасность, которой мы подвергались, страсть, горящая в его глазах все, словно по заказу, было устроено, чтобы жизненные соки активнее забродили во мне.

– Я... я умею пока находить нужные ароматы только для своих клиентов. Но, к сожалению, не для себя.

– Возможно, для себя вы не там искали.

– Возможно. – Установилась мертвая тишина, и обоим нам было ясно, что мой парфюмерный бизнес здесь ни при чем. Было так тихо, что даже скрип дерева неподалеку заставил меня нервно вздрогнуть. – Будут ли они искать нас?

– Трудно сказать. Но раз до сих пор нас никто не потревожил, думаю, до утра можно спать спокойно.

– Неужели вы не знаете здесь никого, у кого можно оста-

новиться на ночь?

– Здесь все повязаны друг с другом, и приобретя одного врага, вы сразу заполучаете их целую кучу.

Это почти как в семействе Дэвида, моего мужа. Если вы не одной с ними крови, вы для них чужой. Когда-то я так старалась завоевать их расположение! Теперь я вдруг обнаружила, что меня больше не заботит их мнение обо мне. Очевидно, в жизни бывают моменты, когда вещи, казавшиеся очень важными, утрачивают вдруг всякий смысл.

– Думаете, мы можем погибнуть? – спросила я прямо.

Шиа дал мне еще воды, потом выволок откуда-то новый кусок мяса.

– Не хотелось бы думать, что мы закончим свои дни в этом Богом забытом месте.

Он не ответил прямо на мой вопрос не в первый раз он уходил от ответа.

Где-то среди холмов одинокая ночная птица затянула призывную песню. Эти чистые, светлые звуки вызвали во мне воспоминания о детстве, об одиночестве, моем неизменном спутнике в то время; потом, когда так неожиданно и страшно рухнул мой брак, ощущение одиночества вновь вернулось ко мне. Глубокая печаль, смешанная с болью прошлого, разлилась во мне.

– Вы говорили, что жизнь можно по капле высасывать из человека. А было такое с кем-нибудь из ваших знакомых?

– С моей сестрой.

В каких злодействах я ни подозревала Шию, такое я все-таки менее всего ожидала услышать.

– Это было давно, но это один из тех случаев, о которых мне не очень приятно рассказывать.

– А мне хотелось бы об этом услышать, – сказала я с вызовом: я знала, что Шию потребуется изрядное мужество, чтобы выплеснуть на меня свою боль.

– Об этом тяжело рассказывать, – повторил Шию. Он явно не принадлежал к числу людей, которые с легкостью раскрывают душу перед первым встречным. Он долго молчал, и я с ужасом поняла, что этот человек хранит в душе давнюю глубокую печаль – точно так же, как моя милая мама. Наконец он прокашлялся и начал, глядя вдаль на выжженные солнцем холмы.

– Анжела болела полиомиелитом. Это одно из тех заболеваний, на которых специализируются здешние клиники, и мои родители надеялись на ее выздоровление. Они были простые люди, не из первых лиц в городе, и попросили меня найти врача. Один коммивояжер – из тех, что промышляют в поездах, – посоветовал мне своего приятеля. Тогда у меня не было других возможностей, и я согласился. – Он с такой силой сжал губы, что они стали похожи на узкую белую полосу. – Вы узнаете об этом все.

– Для моих родственников доктора всегда были чем-то вроде богов. Но вы сами, наверное, сталкивались с этим: врачи иногда бывают порядочными мерзавцами. – Он сплюнул

в бурьян. – Когда я забирал Анжелу из ее первой больницы, она была легкая как перышко; кошельки наши тоже изрядно похудели. Доктор Тайлер пытался спасти ее, но было уже слишком поздно. Этим скотам проще убить больного, чем болезнь.

Он хранил в душе такую же боль, что и я. О, как знакомо было мне это чувство! Чувство пустоты, чувство бессилия, ведь даже боги бессильны изменить, прошлое.

– И вы сидели возле ее кровати, рассказывали ей веселые истории, пытаясь поддержать ее, – с нежностью проговорила я.

Он долго молчал, а когда заговорил, голос его не звучал, а еле слышно хрипел, будто чья-то мощная рука сдавила ему горло.

– Я рассказывал ей веселые истории, стараясь как можно дольше держать ее внимание; я думал, что пока она слушает меня, она не умрет.

Я быстро-быстро замигала, пытаюсь сдержать слезы. Ведь Ши сидел и на моей кровати точно так же, как когда-то возле Анжелы, – и весело болтал, чтобы не дать мне умереть.

– Так вот почему вы спасли меня.

– Нет, вы сами спасли себя, красавица. Я только помог вам удрать.

Я посмотрела ему в глаза и увидела нечто такое, что заставило мое сердце на мгновение замереть и это не было связано с его сестрой.

– А почему вы до сих пор один?

– А как вы думаете? – спросил он, смахивая одинокую слезу с моей щеки.

Не успели эти слова слететь с его губ, как он наклонился ко мне и нежно поцеловал меня в лоб. Это прикосновение было волшебно: я почувствовала, что чувство одиночества, терзавшее меня все это время, начинает проходить. Моя кожа хранила теплую влагу его губ, а в теле моем нарастал голод, утолить который могла отнюдь не пища.

– С духами или без, но ваш запах, Мэгги, дороже для меня запаха всех женщин во Вселенной. – Эти его слова, тон, которым он их произнес, врачевали мои душевные раны лучше любого лекарства. После того, что случилось сегодня вечером, я твердо знала: если я когда-нибудь еще позволю своим желаниям взять верх над рассудком, это произойдет только по воле ласкового страстного мужчины, сидящего сейчас подле меня.

В чистом мягком свете, которым освещала землю луна, я, глядя в глаза Шиа, видела в них отражение моих собственных желаний. Наклонившись ближе, он принялся целовать мою шею это мое самое чувствительное место! – и провел рукой мне по рубашке, ласково следуя всем изгибам моей груди. Он нежно погладил мой сосок – волна страсти и желания вырвались ему навстречу из самых глубин моего тела – и лишь затем обрушился на мою грудь всей ласковой силой своих могучих ладоней. Я была во власти каких-то неведо-

мых сил сил, которые не имели ничего общего с логикой; я чувствовала, что мое тело, вся моя жизнь принадлежат ему. Он целовал меня снова, его рука будто невзначай скользнула вниз и принялась расстегивать кнопки на моих брюках. Рефлекторно я схватилась за эту руку и остановила его порыв.

Я готова была отдать ему жизнь, но меня мучили страхи страхи, которые остались мне в наследство от Дэвида. Губы Шиа снова заскользили по моему телу – сначала нежно, затем все яростнее и яростнее, и я с наслаждением принимала эти ласки. Чувствуя, что мои губы радостно отвечали на его страстные поцелуи, он повалил меня на траву; в момент, когда руки его вновь взялись за эти проклятые кнопки, я устремилась навстречу этому движению, и я поклялась себе, что с Шиа у меня все будет иначе, лучше чем с Дэвидом.

Он гладил мне кожу чуть выше трусиков.

– У вас веснушки даже на животе, красавица. – Его голова скользнула ниже, Шиа принялся покрывать поцелуями все мое тело. Это вызвало во мне буквально ударную волну, я вся запылала жаром.

Я уступила настойчивым требованиям своего тела и, изогнувшись дугой, поднялась навстречу ему. Я была вознаграждена новым поцелуем – губы Шиа спустились немного ниже, – и пожар между моими бедрами вспыхнул с удвоенной силой.

– Вы не изменили еще ваши убеждения, красавица? – спросил он.

Я покачала головой, удивляясь, как мог он догадаться, что я способна теперь изменить своим убеждениям. Оно росло во мне день за днем, это желание, которого я так боялась. Оно было вызвано пьянящим мужским ароматом, исходившим от Шиа, подогревалось его нечаянными прикосновениями, оно заставило меня осознать, что я никогда не изменю своим убеждениям но только в случае, если сама не захочу это сделать.

В этом лесу царствовал сосновый аромат, смешанный с запахами диких трав и тела ласкавшего меня мужчины. Я уже забыла о том, что Шиа игрок, и о том, как я злилась на него по этому поводу. Все запахи, которые окружали меня, слились в один мощный чувственный аромат, который, наполняя мои легкие и кружа голову, действовал на меня лучше любого порошка Афродиты.

Наконец он добрался до места, где сходились мои бедра, и медленно, сантиметр за сантиметром, принялся стягивать с меня одновременно брюки и трусики. Я задыхалась, разрываемая на части противоречивыми чувствами. Мою спину ласкала прохладная травяная кровать, а голые ноги купались в теплом ночном воздухе.

Обнажив меня, он принялся наконец расстегивать свои брюки. Я буквально корчилась от нетерпения. Еще немного и я бросилась бы ему помогать, никакие приличия не удержали бы меня.

Расстегнув на себе все, кроме самой верхней брючной пу-

говицы, он стал на колени подле меня. Мы были, пусть самую малость, одеты, и это создавало атмосферу тайны, возбуждало, волновало, превращая наше взаимное влечение в неистовую всепоглощающую страсть.

Он застонал.

– Я захотел тебя, как только увидел. Ты сводишь меня с ума. – Он бросил на меня свое могучее тело. Я сразу ощутила твердость его члена, которым он принялся буквально царапать мой живот. Сдавленный вопль наслаждения вырвался из моего горла, и Шиа снова застонал от желания.

Он ерзал на мне туда и сюда, и вскоре я почувствовала блаженную влагу у себя между бедрами; там сразу захолодило – даже под самыми легкими дуновениями ночного летнего ветерка.

– Нет, не надо, – просила я, страстно желая только одного: чтобы он вошел в меня.

– А я не буду ничего делать, красавица. Давай сделаем это вместе.

Сгорая от нетерпения, я посмотрела на него. На мгновение мне показалось, что я вижу страдание в его глазах, но посмотрев внимательнее, подумала, что это, должно быть, просто игра моего воображения. Я заерзала под ним, желая, чтобы мы вместе делали то, к чему оба так стремились.

Я не почувствовала отклика на свою ласку. Слегка прикусив губу, он тяжело дышал. Огонь в его глазах померк. Подобное выражение я наблюдала не раз в глазах Дэвида и по-

няла, что Шиа не удовлетворен мною так же, как и мой муж.

Я вздрогнула; отчаяние охватило меня, сметая все радостные чувства, все надежды, которые так долго, с таким трудом утверждались в моей душе.

– Шиа, давай попробуем еще раз. Я могу лучше, я знаю.
– Я желала немедленно доказать ему это. Моя рука заскользила вниз по его животу, пытаясь дать ему наслаждение.

Резким движением он схватил мое запястье, лоб его покрыли гневные складки.

– Что, черт побери, вы делаете?!

– Я... я...

Он застыл в неподвижности; его рука все еще сжимала мою руку.

– Кажется, у вас проблемы, красавица. – Никогда бы не подумала, что услышу такие слова от Шиа. Вроде бы такой матерый, зрелый мужик... Возможно, я повела себя слишком напористо, ведь до сих пор он общался с женщинами двадцатых годов. Горячие слезы буквально разъедали мне глаза, я отвела взгляд, заранее страшась тех чувств, которые могло отразить лицо Шиа; я слишком хорошо помнила тот блуждающий, рассеянный взгляд, который регулярно, как заход солнца, появлялся у Дэвида после занятий любовью. Во всяком случае, после того как Дэвид занимался любовью *сомной*.

Я почувствовала покалывание в сердце. Глядя поверх правого плеча Шиа, я заметила какое-то движение. Я напря-

женно вглядывалась в темноту, до предела напрягла слух, понимая, что ночной лес гасит любые звуки. Все было тихо; даже шум моего собственного неровного дыхания показался мне громом небесным.

Но мы были не одни.

Тусклый металлический блеск привлек мой взор, и очень скоро я поняла, что смотрю на ствол ружья, нацеленного в меня. Раздалось характерное металлическое клацанье; кто-то невидимый взвел курок.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Я застыла в ожидании вот-вот увидеть мерзкую ухмылку Кэпса, но все, что я могла разглядеть в темноте, это было дуло ружья. «Как это несправедливо – окончить свои дни в таком месте и в такой момент», – думала я.

Но затем, стоило мне осознать, в каком виде и в какой позе я пребываю, стыд сковал меня; я почувствовала себя так, что даже перспектива быть застреленной показалась мне избавлением. О чем я все это время думала? Даже с Дэвидом, в моменты, когда наши чувства достигали апогея, я никогда не теряла в такой степени контроль над собой, не забывала столь безрассудно об осторожности.

– Эй, убери эту штуку от моего уха! – рявкнул Шиа, не поворачивая головы.

– Я пристрелю тебя, когда захочу, – ответил голос. – Что вам нужно на моей земле? Вы производили такой шум по всей округе; я побоялся, что мой пес Блю что-нибудь натворит.

– Мистер, вы выбрали неудачное время для охоты на опоссумов. Как было бы здорово, если бы вы задержались дома еще на пару часов.

В свете луны я смогла наконец рассмотреть чью-то широкополую шляпу и пышные бакенбарды. Наше положение было ужасно, перспективы еще ужаснее. Единственное, что

хоть как-то могло нас утешить, это то, что человек, державший нас под прицелом, был не Кэпс.

– Может, вы позволите мне встать? Меня сводит судорога.

– Шиа вздрогнул и чуть-чуть повернулся, облегчая нагрузку на больное колено.

– Вставай, только потихоньку и без фокусов, а то мой дробовик попортит тебе прическу.

Мои щеки пылали; я торопливо одернула одежду, пытаюсь придать себе пристойный вид.

– У вас, кажется, мой черпак?

– Да, сэр. Нам очень хотелось пить... и есть.

– А, так вы попользовались и моей солониной.

Прохрипев что-то невнятное, Шиа сделал шаг в сторону и, пока я приводила себя в порядок, старательно прикрывал меня от незнакомца и его ружья. Внимание Шиа растрогало меня.

– Ты получишь небольшой урок хороших манер, сынок. Подберите свое барахло и пошли к дому. – Он выразительно помахал своей пушкой, и Шиа повел меня к тропинке, что виднелась между двумя кустами. Собака, которую я не заметила вначале, радостно побежала вперед, указывая путь.

– Не очень-то любезный прием, – вздохнув, пробормотал Шиа.

– Он нас не убил – спасибо и на этом.

– Все еще впереди.

– По-моему, он не такой уж страшный, – прошептала я. –

Может, у него в доме найдется свободная кровать.

– Вы просто демоническая женщина!

– Конечно, а вы не цените этого.

– Нет, я ценю, – пробормотал Шиа, галантно отводя с моей дороги ветку, на которую я наверняка бы наткнулась.

– Тихо там! Я не хочу понапрасну будить Синдереллу. В гневе она ужасна.

Голос незнакомца был скрипуч – видимо, он очень редко разговаривал; но перед нами был деловой человек не требовалось большого ума, чтобы понять это.

Мы угрюмо зашагали в полной тишине. Из-за темноты, окружавшей нас, я ступала очень осторожно, мое внимание было направлено на то, чтобы аккуратно переставлять ноги; но мысли занимал вопрос, кто такая Синдерелла. Я не особенно хотела встречаться с ней, но после полосы неудач мне оставалось надеяться только на помощь доброй волшебницы.

Было так темно, что предметы едва различались даже на расстоянии вытянутой руки, и в этой ситуации мой гениальный нос во всем блеске проявил себя: очень скоро я почувствовала характерный запах скотного двора. Чем ближе мы подходили, тем сильнее он становился, и витавший в воздухе дым не то костра, не то печки, отапливаемой дровами, – лишь немного заглушал эту вонь. Взбудораженный полусырой свининой, мой живот заурчал, напоминая мне о том, какой тепличной девицей я в действительности была.

Наконец мы выбрались на открытое пространство. По острым запахам, я с легкостью могла бы различить, где сарай, где коптильня, где скотный двор; сквозь оконце крестьянского дома нас приветствовал тусклый свет фонаря.

Собака, наострив уши, ждала нас возле лестницы. Даже в темноте я смогла разглядеть, насколько ветхими были здесь все строения. Один хороший ураган – и все это может рухнуть. Нищета этого места послужила мне мучительным напоминанием о старой ферме моего отца.

– Заходи, сестра. – Наш хозяин бесцеремонно остановил мои раздумья, приглашая на скрипучее крыльцо и дальше в дом – под прицелом ружья.

Он безмолвно приказал нам сесть за кухонный стол. Взгромоздившись на шаткий стул, я тут же вспомнила день, когда мы с Дэвидом сидели за столом в кухне моей тетки Джозефины. В горле у меня запершило. Когда я подняла глаза, в них, затуманенных слезами, возник какой-то старик в рабочей одежде. Он сдвинул назад свою шляпу, обнажив характерную фермерскую линию загара поперек лба.

– Ну, а теперь расскажите мне, за каким чертом городские бездельники приперлись в такую глушь? – Его южный говор был ужасен – даже по сравнению с тем, что я слышала в городе.

– Я ищу Мортиану, – соврал Шиа.

Пораженная этими словами, я рывком повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо. Темные волосы Шиа по-мальчи-

шески спадали на глаза, и это придавало ему прямо-таки ангельский вид такой имеют дети, благоговейно стоящие у алтаря. Я знала, что жилище этой ведьмы было последним местом, куда он согласился бы пойти. Но такую искренность излучал его взор, что даже я, зная все обстоятельства, почти готова была ему поверить. Шиа, вероятно, и вправду был прекрасным игроком в покер, ведь там не обойдешься без обмана.

Шиа наклонился ко мне.

– Моей жене нужны кое-какие лекарства. – Его голос был на удивление нежен. Будучи не в силах вообразить Шиа смиренно сидящим дома с женой, я принялась глядеть вдаль, с трудом сдерживая смех; я боялась, что мое лицо выдаст меня.

Старик наклонился ко мне, сузив глаза.

– И чем же она больна? Если не считать облупившегося носа, она, по-моему, в полном порядке.

– На ней лежит проклятие, – твердо сказал Шиа.

Проклятие?.. Он что, обалдел? Пытаясь выкрутиться, Шиа затронул в моей памяти больную струну. Мои мысли вновь вернулись к моменту, когда я беседовала с теткой Джозефиной. Она обвинила тогда мою мать во всех злоключениях Адмирала и говорила о лежащем на нем проклятии. Она хвасталась, что разрушила злодейские чары, хотя это ей дорого обошлось. Тогда я не обратила внимание на эти ее слова, но теперь, когда они прозвучали из уст Шиа, это совпаде-

ние – конечно, случайное могильным холодом обдало меня. Никогда еще я не желала так страстно вырваться из терзавшего меня кошмара и поскорее вернуться домой.

– Однажды и на меня наложили проклятие, – сказал старик. – Стоило один раз съездить в город, и вот... наградили меня жуткой чесоткой – если вы хоть раз испытали это, вы поймете, о чем я говорю. – Он поднял бровь и бросил на Шию многозначительный взгляд. – Думал, что зачешусь насмерть, прежде чем доберусь до Мортианы и получу какое-нибудь снадобье. Она велела мне, как только вернусь домой, залезть по горло в бочку с керосином.

– И помогло? – спросил Шию. Я чувствовала, что он скрывает усмешку, но от этого, казалось, его ангельский облик приобрел еще большую невинность. Как человек с взглядами и замашками поездного грабителя может выглядеть выпускником воскресной школы – загадка для меня.

– Как рукой сняло. Правда, кожу мне разъело. Уверен, то был сильный наговор. Меня зовут Джеб. – Старик подтянул ремень и улыбнулся, очевидно, увидев во мне товарища по несчастью и почувствовав симпатию к бедной заколдованной горожанке.

Шию представил меня как Мэгги Ред, и сообщил Джебу только свое имя, не называя фамилии. Хорошая идея, подумала я, вспомнив, что у Шию немало врагов в здешних краях.

– Я хочу показать ее Мортиане как можно скорее, – сказал он. – Так что называйте плату за еду, которую я у вас поза-

имствовал, мы готовы заплатить.

Джеб усмехнулся:

– Пустяки, я даже провожу вас к ней. – Шиа обезоруживающе улыбнулся.

– Не утруждайте себя. Мы можем и сами поболтаться по здешним местам.

Джеб поковырял своей заскорузлой ручищей в жидких седых бакенбардах.

– Не хочу и слышать об этом. Я до чертиков рад, что вы появились. Мы с Синдереллой совсем озверели тут в одиночестве, и вы двое для нас просто подарок.

– О, нам так не хочется стеснять вас! – ломался Шиа.

– И не будете стеснять. Я сам хотел сходить к Мортиане. Месяц назад я ездил в город, и, кажется, снова начинается чесотка. Должно быть, новое проклятие. Если вы завтра поможете мне по хозяйству, послезавтра мы прямо с утра и отправимся.

– Прекрасно. – Шиа не хотел больше расходовать свое красноречие.

– Ваша жена может спать на моей кровати, а мы с вами отправимся в сарай. – Он вышел, оставив нам фонарь.

Шиа встал и пошел вслед за ним к двери. На выходе, в самом темном месте он задержался; его лица почти не было видно.

– Я надеюсь, узнав цену своему драгоценному порошку, вы наконец-то одумаетесь, – холодно произнес он, затем по-

вернулся и вышел; стук его башмаков эхом отозвался в моей голове.

Стоил ли этот порошок таких мучений? Я напомнила себе, что истинной, главной моей целью было найти отца. Я не верю в судьбу, но что-то необъяснимое, сверхъестественное постоянно толкает меня к Мортиане – и порошку. Теперь я знала, что мне нужно делать.

Господи, почему я все время поддаюсь обаянию Шиа?

Я выскочила наружу и успела увидеть, как он подходит к сараю и исчезает в дверном проеме.

Стоя в ночи, прислонившись к грубо обработанному столбу, я смотрела на серебристую луну и думала о том, что могло бы случиться, если там, в лесу Джеб не наткнулся на нас. В синем полуночном небе луна, такая безукоризненно круглая, казалась посланцем другого мира. Я слышала, что во время полнолуния люди могут творить чудеса. Если это всего лишь суеверие, тогда Шиа, возможно, прав. Наверное, в конце концов я просто сойду с ума.

Даже на жутком матрасе Джеба я проспала до полудня и проснулась вся в пучках ваты и соломы; еще немного и я потонула бы в этой пыльной куче.

Завтрак получился поздним; наскоро проглотив его, я вышла во двор, оставив Джеба в кухне. Заговорщически улыбаясь, старик обещал удивить на ужин чем-то особенным. Во дворе у колодца я налила воды в приготовленную им свиную болтушку и присела на заднем крыльце.

Раздетый до пояса, Шиа колот дрова на заднем дворе, его мускулистый торс был покрыт бисеринками пота, ярко блестящими на солнце. Я молча смотрела, а он, поставив деревянную чурку на пень, торчавший в центре двора, сначала примерился к ней, а затем одним четким, мощным ударом топора расщепил ее, его загорелая грудь при этом сильно напруглась.

Каждый раз, взмахивая топором, Шиа вкладывал в это движение всю свою мощь, словно специально демонстрируя, сколько неистраченной силы таит его тело. Его брюки съехали на бедра, выставив на обозрение тонкий белый шрам, который исчезал за поясом. Мне бы следовало целомудренно отвести взгляд, но я была не в силах это сделать.

Отерев со лба пот, он встретился со мной глазами; грудь моя вздымалась значительно чаще, чем обычно. Во взгляде его было не меньше желания и страсти, чем в моем. Удовлетворенная тем, что я по-прежнему привлекательна для него, я отвела глаза и принялась разглядывать ферму. Он вернулся к своей работе, а я прилагала все силы, чтобы не думать о том, как минувшей ночью мы были близки от того, чтобы стать любовниками. Независимо от того, насколько последовательна я была в своем стремлении выбросить из сердца нежные чувства к Шиа, этот мужчина был не из тех, которых легко забыть.

Закончив колоть дрова, он сложил их в аккуратную поленницу возле дома и, подняв с земли рубашку, направился

ко мне. На последнем шаге он согнулся в полупоклоне, уперев руки в бедра.

– О чем задумались, красавица? – Его голос буквально таял в горячем влажном воздухе, словно разогретый мед.

Я покачала головой, при его приближении в моем животе что-то задрожало мелкой дрожью.

– Ни о чем... Впрочем, неплохо бы принять ванну, – сказала я. После двух дней путешествия я чувствовала, что мои собственные ароматы удачно дополняют запахи скотного двора.

– Хотя Джеб пока не настаивал на этом, я бы, пожалуй, тоже не отказался побывать в его банных апартаментах и освежиться. – Шиа усмехнулся и накрутил на палец локон моих волос. – Но и такая вы мне чертовски нравитесь.

Я отодвинулась: меня угнетало, что близость его так на меня действует.

– Я думаю, нам лучше забыть о том, что было между нами прошедшей ночью. – Он, вероятно, был готов к этому не больше, чем я сама.

– Я действую вам на нервы, Мэгги? – он криво ухмыльнулся. Прежде чем я успела возразить, Шиа слегка шелкнул меня по облупившемуся на солнце кончику носа.

– Когда я закончу работу, я поговорю с Джемом насчет бани.

Сердце учащенно застучало, хотя ничего особенного не произошло: он просто неторопливо направился к сараю, на-

свистывая «Обнимаю тебя».

* * *

После раннего ужина, который состоял из зельца, зелени и кукурузного хлеба, огромные куски которого торчали из большой кастрюли с длинной деревянной ручкой, Джеб и Шиа отправились на небольшую веранду, где было немного прохладнее. Я вытерла рот, испытывая впервые за эти дни чувство полной сытости, и последовала за ними.

– У вас очень вкусный хлеб, Джеб. Непонятно, как такой мужчина до сих пор остается холостяком.

Уши Джеба зарделись; он в смущении начал изучать свои сильно потертые башмаки, стесняясь встретиться со мной взглядом.

– Если бы я знал, что вам так понравится, я бы приготовил его с глазными яблоками.

Судорога свела мне живот, а рот открылся от удивления. Он подтянул свои широченные штаны и раскачивающейся походкой направился к сараю. Я смотрела на его удалявшуюся спину, а он, повернувшись, махнул своей длинной мощной ручищей. Было непонятно, то ли он зовет нас пойти за собой, то ли просто прихлопнул муху.

Я в нерешительности закружилась и схватила за руку Шиа.

– Глазные яблоки? Что он имел в виду? – Шиа поднял с

земли какую-то щепку и, отряхнув, принялся ковырять ею в зубах. Потом издал непонятный шелкающий звук и, покачав головой, сказал:

– Вы человек городской, я и не предполагал, что вам может понравиться деревенская еда, и в результате оказался в дураках. – Он медленно поднялся и вразвалку пошел через скотный двор.

– А из чего делают зельц? – крикнула я ему вслед.

Он даже не обернулся.

– Из всякой свиной требухи. Мозги, язык, рыло, пяточок...

Я, задохнувшись, зажала ладонью рот. Почему, черт побери, он не сказал мне об этом раньше? Нахлынувшая было волна тошноты быстро прошла, и я поспешила за ним, намереваясь получить ответ.

– И вы позволяете мне есть нечто, под названием пяточок?

– Я преградила ему дорогу, заставив его резко остановиться.

– Вы идете с нами, красавица, или останетесь торчать здесь и разглагольствовать? – Он ловко устранил меня с дороги и продолжил свой путь по тропинке мимо сарая.

Как зачарованная я наблюдала за ним, а он шел, раздвигая толстые стебли растений, попадавшие ему на пути; движения его узких бедер были так же грациозны, как и тогда, прошлой ночью. Если бы нам не помешали... Мои колени ослабли, а сердце пропустило очередной удар.

Мое внимание привлекли густые заросли поодаль; я решила забраться туда, чтобы не попадаться на глаза Ши и

самой как можно дольше не видеть его. В зарослях я обнаружила узкую тропинку и пошла по ней, сердито пиная попадавшиеся на пути комья грязи. Будь он проклят! Я злилась на него не за то, что он заставил меня есть свиные мозги это еще можно было простить. Если он так легко смог забыть все, что произошло между нами, почему я не могу это сделать?

Длинная извилистая тропинка закончилась наконец у сарая, сплошь затянутого диким виноградом; строение это было столь тщательно скрыто между деревьями, что посторонний человек лишь случайно мог на него наткнуться. Даже солнце не добиралось сюда его прикрывал раскинувшийся сверху шатер многолетних деревьев. Мне очень хотелось открыть дверь, но я все-таки остановилась на мгновение, ожидая, пока глаза мои привыкнут к новому освещению— В этот момент появилась Блю и, пофыркивая, принялась обнюхивать мои ботинки. Я не двинулась с места, и собака посмотрела на меня, удивленно приподняв пушистое веко над правым глазом.

– Не пугай меня, я все равно войду, – пробормотала я и, открыв дверь, шагнула внутрь.

Керосиновый фонарь Джеба освещал бесчисленные корзины и бочки, заполнявшие сарай; его золотистые лучи создавали вокруг причудливую игру светлых и темных пятен. Я озиралась среди хлама, доверху заполнявшего сарай, и раздраженно думала о том, какой черт занес меня сюда, как

вдруг мои привыкшие к относительной темноте глаза заметили в углу каменную печь странного вида. Над печью возвышался огромный металлический бак, формой своей напомилавший лабораторную мензурку без крышки. Заинтересовавшись этим странным хитроумным устройством, я подошла поближе. В тусклом мерцающем свете фонаря грубо обработанный бак отливал медью. Трубкой он соединялся с бочкой галлонов на пятьдесят, рядом стоял еще какой-то цилиндр. Я смотрела на деревянные бочки, размышляя о том, что же такое могло в них содержаться, а нос мой буквально атаквали десятки сильных специфических ароматов, главным из которых, кажется, был...

– Алкоголь? – Я буквально подпрыгнула на месте, услышав за спиной голос Шиа, и повернулась к нему. – Господи, будто нам и без того не хватает трудностей; теперь еще ко всему вы влезли и в это...

Усмехнувшись, Шиа прошел по заляпанному грязью полу и, подойдя ко мне, обнял за талию.

– Теперь, я надеюсь, вы не будете столь строги в вопросах нравственности, Мэгги. – Наклонившись, он небрежным жестом откинул мне волосы с плеча, и я почувствовала, как буквально таю в его объятиях.

– Джеб хвастался мне своим домашним пойлом, – с улыбкой сказал он. – Я знаю только один способ проверить качество напитка.

Его дыхание обжигало меня. И лишь слабо различимые

сигналы о какой-то опасности, азбукой Морзе проходившие сквозь меня, еще позволяли мне держать оборону. Господи, научусь я когда-нибудь сопротивляться этому человеку?

Наконец, собрав остатки сил, я вырвалась из его кошачьих объятий. Шиа выкатил для меня пустую бочку, и я, стряхнув с нее пыль, села, чувствуя нечеловеческую слабость в ногах, проклиная себя за то, что позволила взять такую власть над собой.

Он сел на небольшой бочонок поблизости от меня и, откинувшись назад, балансировал, подняв свои длинные сильные ноги, передо мной на фоне пыльных корзин; кучей сваленных в углу. Никогда в жизни я не видела более волнующего зрелища. Мой жадный взор скользил по его мускулистому торсу. Он перехватил этот мой взгляд, и улыбка засветилась на его лице, подняв во мне бурю разнообразных чувств.

Дыхание мое почти совсем остановилось, и, потрясенная, я отвернулась. Я твердила себе, что у меня есть куда более важные занятия, чем плотоядное рассматривание могучего тела Шиа.

Скрипучий звук, донесшийся откуда-то сверху, привлек мое внимание. Я подняла голову и стала пристально разглядывать потолок. Приближался вечер. Узкие косые столбики света струились сквозь многочисленные трещины в крыше сарая. Со стропил свисало множество фляг, заполненных какой-то янтарной жидкостью. Бутылки слегка покачивались – видимо, в такт колебаниям самого сарая, который показался

мне в этот момент живым.

Джеб, появившийся неизвестно откуда, смотрел мне прямо в глаза.

– Храните виски подальше от дома. – Он протер пустую флягу носовым платком, налил в нее на три пальца жидкости из кувшина, затем, поднеся флягу к столбику света, долго любовался игрой безукоризненно янтарного зелья. – Смотрите, как оно играет. Это хорошее виски.

Он передал мне флягу и замер, с надеждой глядя на меня. Я болтала бы ее еще дольше, чем он, лишь бы придумать причину, чтобы не пить это зелье и вместе с тем не обидеть старика.

– Я не признаю никаких усовершенствований в этом деле. Выигрываешь время, теряешь качество, – громко сказал Джеб. – Дети – те, что ослепли в прошлом году, – брали свое пойло не здесь. – Он раздраженно хмыкнул и сплюнул в пыль. – Много мерзавцев сейчас занимаются этим и создают дурную славу нам, честным самогонщикам. Ну давайте, сделайте глоточек.

– Ос... ослепли? – Я с ужасом разглядывала флягу. Испарений, исходивших оттуда, было достаточно, чтобы я в пять минут сделалась пьяной. Я посмотрела на Шию, надеясь на его помощь, но он только улыбнулся и кивнул.

Я тянула время, но с каждым мгновением убеждалась, что у меня нет другого выбора, кроме как выпить *это*. Я поднесла флягу к губам, но в последний момент остановилась,

чтобы еще раз взглянуть на Шию. Он пристально глядел на меня и молчал; я занервничала еще больше. Облизнув губы, я сделала наконец глоток. В первый момент я ничего не почувствовала пока виски не зацепило вкусовых бугорков на задней части моего языка. Но было уже слишком поздно: я вынуждена была его проглотить, и самогон стал буквально прожигать путь к моему желудку.

– Хорошее пойло, – прохрипела я; мои глаза слезились, горло горело огнем. – Это, должно быть, противозаконное дело. – Шию засмеялся:

– Разумеется, красавица. – Джеб заржал:

– Ее хорошо шарахнуло; так бывает с каждым, кто попробует.

Я поневоле вздрогнула, почувствовав, как виски проникает в каждую пору моего тела; ноги отказывались меня держать. Глаза все еще слезились, и я подумала, что теперь, наверное, тоже ослепну. Кто-то взял стакан у меня из рук, и я поняла, что помедли этот «кто-то» еще мгновение, остатки жидкости пролились бы на землю.

Тут же послышался голос Шию.

– О-о-о-э-э, – только и произнес он; очевидно, это был возглас одобрения.

Когда мои глаза перестали слезиться, и я снова обрела способность видеть, мне показалось, что меня погрузили в теплое туманное марево, сквозь которое с трудом пробивается свет керосинового фонаря. Мои плечи обмякли, а рот

был словно закован в гипс. Блю тихо дремала, положив голову на ботинок Шиа.

Джеб снял с полки кувшин и, налив полную флягу, принялся пить. Закончив, он вытер рукавом подбородок и приотпнул ногой.

– Бьет как прут, когда попадает на корень.

После того Джеб передал кувшин Шиа. Покачав кувшин на руке, Шиа сделал большой глоток и, блаженно застонав, предложил выпить мне.

– Вы это заслужили, красавица. Вы велисебя в этом путешествии не хуже любого мужчины.

Его похвала целебным бальзамом легла на мои натянутые нервы, согревая меня не хуже виски. Я сделала несколько глубоких вдохов, пытаюсь унять головокружение, и, взяв кувшин, взболтнула так, как это делал Шиа. Потом я выпила. На этот раз пошло несколько легче так, скрипя тормозами, заходит на поворот грузовой состав. Не успела я поставить кувшин, непристойная отрыжка вырвалась из моей утробы; пытаюсь ее унять, я прижала руку ко рту.

– Что, не пробовала раньше двухсотградусного? – Джеб сиял широкой улыбкой, которую немного портило отсутствие нескольких передних зубов. Взяв кувшин из моих рук, он снисходительно похлопал меня по спине. Я почувствовала, что начинаю валиться со своего бочонка, но Шиа, продемонстрировав великолепную реакцию, поддержал меня. Когда он попытался отпустить меня, я снова едва не свалилась

на пол. Видя мою беспомощность, Шиа подвинул поближе свой бочонок, и я смогла опереться на могучее плечо моего друга. Чувствуя у себя под щекой грубую ткань его рубашки, я вдыхала исходивший от него мускусный аромат; от такой близости желание вновь стало разгораться во мне.

Когда очередь снова дошла до меня, Джеб протянул мне кувшин, в его голосе звучало бесконечное доверие.

– Готовы для нового рывка, мисси? Если красotka выпьет домашней...

Я в нерешительности покусывала губу.

– Вы среди друзей, – сказал Шиа сиплым голосом. – Среди друзей все можно.

Я протянула руку и взяла кувшин. Он стал значительно легче. Я запрокинула голову и стала цедить эту жидкость, которая уже почти не обжигала мне нёбо, хотя это был, несомненно, самый крепкий напиток из всех, которые я когда-либо пробовала. Я вручила кувшин Шиа и напомнила ему, еле шевеля языком:

– Не забудьте про душ. Обычно я принимаю по пять раз в день. – Я по-дурацки захихикала.

– Не забуду никогда, – сказал Шиа, громко фыркая.

– Забыл бы, если бы я не напомнила. – Я игриво ткнула его в грудь, но тут же вспомнила, что он повредил ее, защищая меня.

Я хотела грациозно поклониться, чтобы пропустить его, но не рассчитала и со всего маху шлепнулась на грязный пол.

– Она готова. – Джеб поднялся на ноги. – Ложитесь спать и спите сколько влезет, а мне пора уложить в кроватку моего бычка. – Бесконечно довольный собой, он вышел из сарая, насвистывая веселый мотивчик. Блю последовала за ним.

Я с трудом приняла вертикальное положение, в глазах у меня двоилось.

– Уложить? В постель? Бычка? Что он имел в виду? – Я повернулась, чтобы взглянуть на Шию.

Он, усмехнувшись, пожал плечами:

– Думай сама. Он говорил, чувствует себя ужасно одиноко в этой глуши без бабенки.

Я потрясла головой, отгоняя запретные мысли. Мы были вдали от города, и здесь, в этой лесной глуши, воображение мое работало без устали. Нет, мне определенно пора принять душ.

Я сделала попытку подняться на ноги и уйти отсюда своим собственным ходом, но, дернувшись пару раз взад-вперед, поняла, что придется просить Шию о помощи. Голова у меня по-прежнему кружилась, и хотя язык готов был болтать без умолку, уши мои словно кто-то набил ватой. Видеть я могла лишь чуточку дальше собственного носа, и очертания всех предметов – тех, которые я была еще способна различать, – были размытыми.

– Вы прямо-таки лепесток на ветру, – сказал Шия; его губы приблизились вплотную к моей шее. Он попытался сделать шаг и качнулся.

– Вы сами не больно-то устойчивы.

– Ну, я-то и выпил побольше, чем вы. – Пока Шиа производил эти слова, я ненароком упала прямо ему на грудь; он едва удержал меня.

– Вы что-то сказали? – спросила я сквозь зубы, чувствуя, как мой рот вслед за ушами тоже набивается ватой.

– И не думал.

Прижавшись друг к другу, мы, пошатываясь, побрели к дому, не обращая внимания на бесчисленные упругие ветки, нещадно нахлестывавшие нас с обеих сторон: тропинка была слишком узка для нас двоих. Когда она начала наконец расширяться, Шиа неожиданно остановился.

– Почему мы остановились? – строго спросила я.

– Джеб говорил, что вы можете воспользоваться его душем.

Никакая другая новость не обрадовала бы меня больше. Горячий ливень над моими плечами, запах мыла, чистота картины одна другой привлекательнее замелькали в моем воображении.

– Где это? – с нетерпением спросила я. Он ткнул пальцем в какое-то ветвистое дерево.

Я сделала несколько шагов вперед и наконец в призрачном лунном свете, падавшем на поляну, разглядела какую-то гигантскую ржавую бочку.

– Вы хотите надо мной посмеяться.

– Это вам не водопровод с хлоркой, это дождевая вода!

– Я что, по-вашему, совсем дошла до ручки и соглашусь ползать в этой ржавой бочке? – спросила я, пошатываясь, в упор глядя на дерево.

Шиа засмеялся; рука его все время находилась около моей груди, но очень деликатно, будто просто стараясь удержать меня в вертикальном положении.

– Ну нет, конечно. Вы встанете внизу и будете дергать за веревку. Боюсь, это самое лучшее из того, что я сейчас могу предложить вам.

– Прекрасно, – томно произнесла я; мне были приятны его мимолетные прикосновения. – Я уверена, что это будет неповторимо.

– Вы проглатываете окончания слов, как южанка, – игриво сказал он. – Вы становитесь похожи на нас даже в этом и скоро будете чувствовать себя здесь как дома.

В моем теперешнем расслабленном состоянии перспектива остаться здесь навсегда испугала меня не очень сильно.

– Где мыло? – спросила я Шиа, но лишь какая-то часть меня интересовалась ответом. Восхитительное сладострастное покалывание прошло по моему телу; стыд пока мешал мне всецело отдаться этому чувству, но я отдавала себе отчет, что если и дальше буду позволять этому типу ласкать меня, ни за что уже нельзя будет поручиться.

– Дайте мне оглядеться. – Одной рукой все еще продолжая придерживать меня, Шиа наклонился и принялся осматривать нижние ветки в поисках мыла. Его прикосновение бы-

ло для меня все равно что контакт с раскаленным металлом. Я старалась глубже дышать. Он снова посмотрел на меня, и я почувствовала, что дико, по-девчоночьи краснею. Я благодарилась ночную тьму, из-за которой Шиа не заметил этого. Этот мужчина был для меня наркотиком, постоянным искушением, против которого был даже инстинкт самосохранения.

– Нашел, красавица. – Он вручил мне сильно пахнущую картонную коробку; по всей видимости, там было мыло. Мои пальцы жадно сомкнулись вокруг нее: мне не терпелось оказаться под блаженной водяной струей. – А вы собираетесь мыться одетой?

Я была настолько пьяна, что мне потребовалось внимательно оглядеть себя с головы до ног, чтобы убедиться, что я все еще одета. Вот проблема! Если я разденусь при нем, ни за что нельзя будет поручиться. Но если он уйдет, я в темноте не найду дорогу домой.

Нас окружала густая ночная тьма, а голова моя была основательно затуманена, поэтому я не могла как следует разглядеть Шиа, но я каким-то шестым чувством поняла, что он с интересом смотрит сейчас на меня, задаваясь вопросом, что я буду делать дальше. Я чувствовала его близость, и это – в который уже раз! – заставило покрыться мурашками мою разогретую самогоном кожу.

В этот момент туча, до сих пор, видимо, закрывавшая небо, отошла в сторону, и ярко, будто кто-то зажег лампу, вспыхнула луна. В ее серебристом свете я увидела, что мой

взгляд упирается прямо в горящие глаза Шиа. Ледяная маска матерого картежника была отброшена. Вместо нее на его лице было написано желание этот мужчина хотел меня. Он мог иметь здесь любую женщину. Но хотел меня.

– Вы можете помочь мне, – импульсивно предложила я. Я задрожала, воображая, как он принимает ледяной душ вместе со мной, а потом согревает меня теплом своего тела.

Почувствовав, как твердеют его руки, лежащие на моих плечах, я попробовала отвлечься, лихорадочно подбирая резоны, согласно которым мне не следовало уступать Шиа – Господи, разве смогу я удовлетворить такого мужчину?! – но мой мозг, отуманенный виски, отказывался внимать логике, весь погруженный в сладкую муку нарождающейся во мне страсти.

Как только он снял с меня рубашку, его пальцы заскользили по выпуклостям моей груди; острое наслаждение мелкими пузырьками поднималось из меня ему навстречу, и я спрашивала себя, почему так долго и так упорно боролась с этим. Нетерпение рвалось из меня, ласковые движения его рук как огонь в топке поддерживали мою страсть. Как бы отказываясь от самоограничения, которым я так долго мучила себя, я сорвала с себя бюстгальтер и швырнула его через плечо, заботясь лишь о том, чтобы он улетел подальше. После того как мои брюки последовали в том же направлении, мощные руки Шиа властно заключили меня в объятия.

Блаженное тепло летней ночи поддерживало мое безмя-

тежное настроение. Я поняла, что жизнь сулит куда большие радости, чем те которые можно получить, заботясь лишь о безопасности и постоянстве, – принципы, которым я неуклонно следовала доселе. Если я не начну жить сегодня, забыв о своих страхах, я не начну жить никогда.

Шиа целовал меня в шею. Ощущение острого наслаждения было изумительным.

Когда он потянулся к веревке, я остановила его руку, пытающуюся обрушить на меня каскад холодной воды. Так не хотелось, чтобы все эти восхитительные ощущения кончились!

Он задержался на секунду, почувствовав мое сопротивление, затем улыбнулся и все-таки потянул за шнур.

Я вся напряглась, ожидая удар ледяного потока. Но сверху на мои лицо и груди хлынул теплый водопад. Лунный свет, пробивавшийся через ветви, отражался и преломлялся в водяном потоке; капли напоминали падающие алмазы.

Купаясь в этом мокром, теплом коконе, я тянула Шиа к себе, заманивая его под водяной поток. Когда он обвил меня руками, я поняла, что его грудь куда теплее воды. Я жадно терлась о его мокрую кожу, шелковистые волосы на его бедрах восхитительно щекотали мне ноги, влажные волосы на груди соски моих грудей.

Прижимаясь к нему все сильнее, я почти задохнулась, почувствовав прикосновение его затвердевшего члена. Мой Бог, думала я, что я вытворяю, на что решилась с человеком,

которого едва знаю?

Задыхаясь от желания, я сжала его руки с яростью утопленницы и потянула его вниз, в мокрую блестящую грязь. Земля была относительно холодной, но я чувствовала лишь тепло его тела, слившегося с моим; все остальное не имело значения. Мы непрерывно целовались, смакуя каждый поцелуй как дорогое вино, пили все нараставшую в нас страсть то по капельке, то гигантскими глотками, будто через секунду мы могли умереть и не увидеть друг друга больше. Все страхи мои пропали.

– Шиа, – застонала я, изогнувшись дугой, чтобы встретить его, он погрузил в меня свой горячий, звеневший от напряжения стержень, длина которого показалась мне в этот момент бесконечной. Ощущение было такое, будто я, изнывая от желания, ждала этого момента сотни предыдущих жизней. Я подумала, что это и есть высшая точка наслаждения, но посмотрев ему в глаза и увидев в них неудовлетворенную ярость самца, я поняла, что это только начало. Мною руководили вековые инстинкты, мое тело слилось с его, я поддерживала встречными движениями его яростные толчки, столь же естественные для меня, как собственная плоть и кость.

Наслаждение было неопишимо. Я слилась с ним воедино. Однако страсть моя еще не была утолена. Когда он, утомленный, собирался немного перевести дух, я сама вцепилась в него и извивалась в приступе сладострастия до тех пор, пока не оказалась над ним. Адское пламя блеснуло в его гла-

зах; вцепившись друг в друга мы начали кататься по земле в яростном танце неутолимой страсти.

Наши тела образовали единое целое; катаясь в грязи, мы оказались на небольшом островке свежей травы. Здесь Ши снова принялся ласкать меня – всю, с головы до ног, покрывая поцелуями каждую линию, каждый уголок моего тела.

В серебристом лунном свете, падавшем с небес, кожа Ши сверкала как латы древнего воина. Глядя на меня откуда-то сверху, он сказал:

– Теперь, Мэгги, мы навсегда вместе.

Чуть-чуть отстранившись, он любовался мной, потом снова вошел в меня; его движения, ласковые и нежные вначале, становились все жестче и жестче, пока я не завопила от наслаждения. Мой голос был подобен крику неведомой ночной птицы, эхо его оглашало холмы при каждом новом движении Ши.

Мы будем вместе, он сказал. Я кричаласнова и снова, страстно желая удовлетворения – того самого, полного, окончательного.

Он тихо шептал мне на ухо, обещая, что теперь никогда не оставит меня, что, если понадобится, будет ждать меня вечно.

Им, и только им было наполнено мое сердце, все мое тело. Его запах – запах мужественности, навсегда связанный для меня теперь с любовью в диком лесу, под открытым небом, заставил меня потерять контроль над собой. Наконец во мне

рухнула последняя преграда... и мы снова встретились с Шиа
в новом мире, мире высшего, неповторимого наслаждения,
которое он обещал.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Послышался звук раскалываемого бревна – мощный тяжелый удар, и воздушное колебание, произведенное им, резкой болью отозвалось в моих ушах. Я вдруг поняла, что давно уже ощущаю подобную боль: в голову мне упирался острый осколок камня. Боже, пусть головная боль, но что такое с моей кожей? Я прищурилась, рассматривая свои руки... Откуда у меня столько царапин?

Кинжальная боль пронзила туман, окутывавший мой мозг, и я вспомнила, что видела красивый сон. Доминировало в нем тело прекраснейшего из мужчин, освещенное лунным светом.

Удивительно, какими до боли реальными бывают иногда сны, и много часов после пробуждения окрашивая все вокруг в новые, сказочные тона. Я блаженно потянулась, еще несколько мгновений наслаждаясь иллюзией, что моральные принципы, которые я до сих пор исповедовала, моя скромность по-прежнему нерушимы как скала.

Коварно внедрившись в смолистый древесный запах моего сна, до моих ноздрей донеслось отвратительное зловоние – его источник находился где-то поблизости. Приподнявшись, я открыла глаза и тут же сощурилась от яркого света дня. Когда глаза привыкли к свету, я увидела рядом с собою какое-то беспрерывно фыркающее косоглазое живот-

ное огромных, просто пугающих размеров. Мерзкий запах и не менее мерзкий скрежет, который производила эта тварь, непрерывно ковыряясь в земле всеми четырьмя конечностями, убедили меня в ее недобрых намерениях.

Прекрасный сон сменился кошмаром. Я прикрыла глаза, надеясь, что вернется прежнее видение. Странно, но моя «подушка» передвинулась. Я огляделась и, потрясенная, замерла, обнаружив подле себя Шиа Янгера. Приподнявшись на локте, он пристально смотрел на меня и широко улыбался. Мои глаза широко раскрылись, когда я поняла, что камень, на который опиралась моя головушка, на самом деле – его голое бедро.

– О Боже, – застонала я, вспоминая, что произошло совсем недавно.

Господи, что я наделала!

Я снова откинулась на траву и замерла, прикрыв глаза ладонью. Все было слишком реально, чтобы быть кошмаром: животное, стоявшее над нами, снова зафыркало, подняв новую волну отвратительной вони.

– Я вижу, тебе понравилась буйволица Джеба, Синдерелла, – сказал Шиа. – Она, должно быть, ночью вышла из загона. Я не думаю, что этим она нанесла какой-нибудь вред – если только не добралась до той силосной кучи. Джеб говорит, что она бывает иногда своенравна и даже ломает ограду, когдак ней долго никто не приходит. Двигай отсюда, Синди, ты подошла слишком близко.

Я не знала, что такое силосная куча, но, кажется, Шиа имел в виду стог сена, стоявший неподалеку.

Наконец-то удосужившись осмотреть свое ложе, я обнаружила, что лежу совершенно голая на траве, и царапины на моих руках отнюдь не плод моего воображения, а плод ночных забав в стоге сена.

– Мой Бог, – снова застонала я, тщетно пытаюсь хоть как-то прикрыться руками.

– Моя одежда, – прохрипела я.

– Сушится там.

Я проследила, куда указывал его взгляд. Возле коровы сразу за ней виднелось упавшее дерево, и его вывороченные из земли корни жалобно торчали вверх. На другом конце на ветвях покоилась наша выстиранная одежда, включая мои трусики и бюстгальтер.

Я покраснела.

Не может быть...

Шиа усмехнулся и потер себе затылок, вспоминая, как он поставил изрядную шишку, стукнувшись в порыве сладострастия о то самое бревно. Затем он встал и, нисколько не стесняясь, совершенно голый зашагал к дереву; походка его была мягкая, как у кота. Тело мое будто прошла автоматная очередь, стоило мне – первый раз в жизни! – увидеть при свете дня его великолепное тело.

Пока Шиа одевался, я, наблюдая за ним, поняла, что за ночь он, должно быть, выстирал всю нашу одежду: ослепи-

тельно-белые полы его рубашки резко контрастировали с матовой бронзой кожи.

– Ну и грязи там было! Пришлось повозиться! – крикнул мне Шиа, указывая на одежду.

Грязи. О Боже. Звук раскаляваемой древесины вдруг усилился в моем мозгу, превратившись в бесконечное мерзкое жужжание циркулярной пилы. Я вновь как наяву увидела себя и Шиа – сцепившихся в неистовой страсти. Грязь, стог сена, бревно... Господи, какого он теперь обо мне мнения? Конечно, ни одна южная леди, сохрани она хоть каплю самообладания, не стала бы вытворять такое. Я перешла все возможные рамки – даже для женщины девяностых годов, хоть в какой-то степени уважающей себя.

Конечно, было уже очень поздно искать оправдание. Ему хорошо известно, что такое две сотни градусов. Я сейчас объясню, что это все усталость и алкоголь, и он поймет, что я не такая.

С помощью клока сена Шиа пытался соблазнить Синделлу выйти из бурьяна, но она не думала соблазняться, а лишь с независимым видом жевала жвачку.

– Надо загнать эту дамочку в сарай, а то она натворит дел, – крикнул он мне.

– Насчет вчерашнего вечера, – начала было я, но он был уже слишком далеко. В моем мозгу, все еще затуманенном виски, детали прошедшей бурной ночи под звездами были основательно размыты, но, к своему ужасу, я обнаружила,

что снова хочу его.

Долгие годы я мечтала найти своего отца.

Теперь другой картежник завладел моими мыслями чем дальше, тем сильнее я увлекалась им.

Но ведь Шиа отнюдь не предмет моих поисков. Более того, он – самая большая угроза для них. Я все еще твердила себе, что единственное, что стоит моих волнений, – это поиски порошка и возвращение домой, но другая, тайная часть меня – та, что, видимо, и толкнула меня на ночные подвиги, – хотела азартной игры, чтобы дать шанс себе и Шиа выиграть.

Через час мы были уже в пути. Люди холма могут ходить и ночью, ориентируясь по свету луны, но тот, с которым мы связались, был из ранних пташек и к тому же не питал ни малейшей жалости к городской девице, выпившей накануне слишком много самогонного виски.

После душа, показавшегося мне слишком холодным, так как вода успела остыть за ночь, и деревенского завтрака я, щуря глаза от яркого света, удобно устроилась в задней части повозки Джеба на ворохе соломы, явно предназначенном первоначально для верной псины Блю. Я четко обозначила границы «своего» владения, но старая охотничья сучка всячески старалась отеснить меня, требуя восстановления справедливости. Подстилка из соломы не столь мягка, как это может показаться непосвященному особенно если принять во внимание ухабы и глубокие колеи, в которые мы без

конца попадали, медленно двигаясь среди холмов, но удержание завоеванных мной позиций вскоре стало для меня вопросом чести.

– Кажется, бабочка дамочке села на веко. – Не успели мы тронуться с места, как Джеб принялся отпускать шуточки на мой счет. Тресни моя голова, если такой солдатский юмор меня устраивал. Я дала себе слово не обращать внимание на Джеба и на вновь разбушевавшийся после завтрака живот и направила все силы лишь на безмолвную борьбу с Блю; настроение мое, сначала великолепное, ухудшилось. Хорошо, что Синдерелла – именно она тащила повозку – находилась все время с подветренной стороны, иначе меня давно бы вырвало.

– Долго еще? – не выдержала я. Блю продвигалась медленно, но верно: мне действительно требовалась почти вся моя сила, чтобы под ее напором не вывалиться из фургона на дорогу. Джеб очистил свою хриплую глотку и сплюнул в грязь.

– Трудно сказать. Зависит от того, как сильно размыты дороги.

Это было не совсем то, что я надеялась услышать, но, по крайней мере, мы двигались в нужном направлении. И если действительно Мортиана сделала этот порошок, возможно, с каждым оборотом колеса я приближаюсь к разгадке тайны исчезновения моего отца.

Телега угрожающе скрипнула, колесо в очередной раз

провалилось в глубокую колею, и я оказалась в опасной близости к краю открытого фургона. Пока Джеб уговаривал Синдереллу тянуть сильнее, я окончательно сдала собаке столь долго обороняемую мной позицию и выскочила на дорогу, чтобы помочь Шию толкать фургон. Когда телега сдвинулась с места, я уселась на переднее сиденье, нагло втиснувшись между двумя мужчинами.

Мы долго ехали в тишине. Взглянув украдкой на маячивший сбоку профиль Шию, в ярком свете дня я отметила особенно жесткую, упрямую линию его челюсти. Мы всю ночь занимались любовью, и это было потрясающе; но я снова и снова спрашивала себя, не слишком ли хорош сидящий рядом со мной мужчина, чтобы можно было так просто поверить в случившееся.

Господи, подумала я, вдруг поняв, как мало в действительности я знаю о нем! Он мастер прятать свои чувства и, как я подозревала, хранил секреты получше несгораемого шкафа. Не от того ли сие происходит, что этот тип слишком долго вращался в кругах, где одно неверное движение может стоить человеку жизни? Смерть уже проходила буквально в двух шагах от меня. Сколько еще наглядных кровавых уроков должна преподнести мне жизнь, чтобы я стала наконец благоразумной? Я вздохнула и принялась смотреть вдаль.

Когда пошел третий час нашего путешествия, я начала замечать людей по обеим сторонам дороги, которые напряженно следили за нами из густых зарослей. Они ничем не вы-

давали своего присутствия, только внимательно наблюдали за нами, и страх начал подниматься в моей душе. Что если кто-нибудь из этих людей узнает Шию? Резко повернувшись к нему, я увидела, что он глубоко надвинул на брови свою широкополую шляпу, чтобы максимально скрыть лицо. Из-под шляпы с мрачной бдительностью сверкали лишь глаза.

Мы приближались к обители Мортианы. Деревья, казалось, еще плотнее окружили дорогу, заслонив нас от жгучих лучей солнца; воздух стал более прохладным, сырым, вязким, стало труднее дышать. Я увидела одинокую хижину, дым, поднимающийся из покосившейся трубы, сад и загон для свиней позади дома. Джеб объяснил, что сейчас слишком жарко для того, чтобы забивать свиней на продажу: мясо испортится, прежде чем соль проникнет в него. Так что люди холма вынуждены гнать самогон, чтобы хоть как-то протянуть до зимы.

Взгляды, бросаемые на нас, стали более настороженными. Женщины были крепкие, жилистые, с руками, огрубевшими от работы, дети – худыми, почти прозрачными. Какая-то девочка с глубоко посаженными, почти невидимыми глазами, стояла на обочине дороги, сжимая в руке крошечного куленка, более всего похожего на высушенное яблоко. Грязь запеклась на ее босых худеньких ножках подобно паре серых носков.

– Я хочу выйти здесь, – прошептала я. Шия обнял меня за плечи, помогая таким образом сохранить равновесие: фур-

гон беспрерывно раскачивался.

– Я бы тоже этого хотел.

Насколько недружественным казалось мне все окружающее, настолько блаженной была эта мимолетная ласка; его близость обволакивала меня подобно мягкой, теплой, но вместе с тем достаточно прочной, защищающей от всех невзгод оболочке. Покоясь в его сильных руках, я поняла, какой бесценный подарок он мне преподнес, привезя сюда. Когда дорога стала ровнее и он убрал руку, я нежно потеряла плечо в том месте, где он коснулся меня, страстно желая, чтобы ласка его повторилась снова.

Синдерелла обо что-то споткнулась, и фургон, скрипнув, остановился. Мертвая змея лежала поперек дороги, и в этот момент мне почему-то подумалось, что это остановка – не простая случайность. Пока Джеб уговаривал Синдереллу обойти мертвую тварь, мимо меня просвистел камень, вылетевший неизвестно откуда, и ударился прямо в грудь Шиа. За этим первым снарядом буквально град камней и комков грязи обрушился на нас с разных сторон. Через мгновение три веснушчатых мальчишки в рваных штанах преградили нам путь и стали расстреливать в упор бесчисленными «снарядами». Шиа выпрыгнул из фургона, отвлекая внимание мальчишек от меня и Джеба.

К несчастью, для наших обидчиков, один из пущенных ими камней попал Синдерелле прямо между глаз. Ошеломленная, она потрясла головой, громыхая своей тяжелой

упряжью.

– Они пожалеют, что устроили это, – пробормотал старик. Он крепче сжал поводья и уперся ногами в передок фургона. – Пересядьте назад и пригнитесь пониже!

Прежде чем я успела выполнить это его приказание, рассерженная Синдерелла сделала мощный рывок, и в тот же миг я перелетела через сиденье; свои ноги, взлетевшие высоко над головой, это все, что я успела увидеть. Блюперевернулась на другой бок и прижалась к борту фургона, я тоже, чтобы не свалиться на землю, буквально прилипла к днищу, успев перехватить взгляд Шиа, потрясенного моим великолепным кульбитом. Раздался его оглушительный хохот.

Джеб тормозил Синдереллу вожжами, непрерывно орал «тпру!», сопровождая эту команду многочисленными цветистыми ругательствами, большую часть которых я никогда прежде не слышала должно быть, их употребляют только люди холма. Лишь когда Синдерелла, устав от яростного бега, остановилась, диким утробным ревом выражая свое негодование, задыхающийся от смеха Шиа смог догнать нас. Я с трудом поднялась на ноги и Принялась отряхивать свои штаны; невесомые частички соломы закружились в воздухе.

– Интересно, что смешного вы нашли в том, что нас чуть не забили камнями до смерти?

– Лапонька, если бы они действительно хотели причинить вред, они использовали бы камни покрупнее. – Все еще усмехаясь, он поднялся в фургон.

– Учтите, если Скрагги узнают, что вы здесь, они используют против вас отнюдь не комья грязи.

– Если они явятся сюда, то очень быстро пожалеют об этом. Вы их так сильно рассмешите, что они помрут от этого.

Скрыв улыбку, я беспокойно огляделась кругом, перед тем как водрузиться на прежнее место.

Мы долго ехали в тишине, пока дорога внезапно не превратилась в полужаросшую травой тропинку.

– Отсюда на своих двоих, – объявил Джеб, резко тормозя и спрыгивая на землю. Привязав Синдереллу к дереву, он вытащил из фургона бутылку с виски и зашагал по тропинке, жестом пригласив нас следовать за ним. Блю проигнорировала это его приказание, забралась под телегу и устало закрыла глаза.

Шиа помог мне спуститься, его сильные теплые руки плотно обхватили мою талию.

– Ты испугалась?

Я кивнула, и он взял меня за руку, помогая преодолеть овраг. Легкий ветерок раскачивал толстые стебли растений, но в остальном здешний лес был на удивление безжизненным и пустым – никаких детишек с болезненно бледными лицами, никаких молодых вялых матерей, количество детей у которых превышало все разумные пределы. Отсутствие настороженных, взирающих на нас со всех сторон глаз страшило меня даже больше, чем их присутствие.

Мы шли мимо благоухающего травянистого поля. Из-за

густой листвы перелеска, заслонявшего его от нас, я не могла видеть, что именно там росло, но мой нос отчетливо различил ароматы розмарина, шалфея, бархоток, тимьяна и чарующий запах дамиана; к этому великолепному букету примешивалось горьковатое дыхание полыни. Меня удивило, что наряду с хорошо знакомыми растениями *ни*этом поле, судя по всему, росло много неизвестных мне трав.

Мы прошли по каменному мостику, перекинутому через ручей, и дальше по тропинке, пока деревья, расступившись, не открыли нам чудесное видение: сад с огромным количеством цветов. Здесь росли золотые шары, дикий гиацинт, голубой шпорник, наперстянка... В обычное время я наслаждалась бы изумительной смесью мощных ароматов, их фантастический букет целебным бальзамом проникал бы в мои ноздри, но в этот миг радость встречи с прекрасным заметно потускнела. Темнота, казалось, сама собой разливалась над этим местом, а солнце уже не светило так ярко. Я спрашивала себя, является ли все это лишь плодом моего воображения или Ши чувствует то же самое.

– Я пойду вперед, чтобы увидеть ее первым, – бросил нам Джеб через плечо. – Как только она разберется с моей чесоткой, я сразу рву когти домой.

Он проговорил это, не останавливаясь, его характерный, с затариванием шаг даже немного ускорился.

– Я полагаю, это означает, что мы должны подождать здесь, – взволнованно произнесла я. Впервые с того момента,

как мы пустились в это путешествие, у меня зародились сомнения, так ли уж необходимо мне видеть Мортиану. Я никак не могла избавиться от неприятных ощущений и смутных дурных предчувствий, которые навеяло на меня мрачное величие этого цветника.

– Вы не передумали идти со мной?

Я кивнула и передернула плечами, желая отогнать нахлынувшие вдруг сомнения.

– Я иду с вами, – решительно произнесла я и повернулась к Шиа. – Мне кажется, вам лучше не ходить туда. – Я старалась тщательнее подбирать слова. – Вы можете... напугать ее.

Шиа раздраженно фыркнул.

– Я имею столько же шансов напугать Мортиану, как дохлая высохшая змея тех пацанов на дороге.

– Пожалуйста! Для меня. – Я знала, что Шиа будет очень сложно согласиться на мою просьбу, но больше не хотела рисковать: новая ошибка могла стать роковой.

Он пожал плечами и с независимым видом сунул руки в карманы.

– Хорошо, но я все время буду здесь, поблизости. Если она что-нибудь устроит, клянусь, я... – Он отвернулся от меня; его угроза повисла в воздухе. – Предположим, что этот порошок действительно существует. Я в это не верю, но предположим, что это правда. – Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. – Тогда мы больше не увидимся? Значит, до свидания?

– Нет, – сказала я – громче, чем мне хотелось бы. Дальше я говорила почти шепотом. – Нет, я так не думаю. Я не уверена даже, что она – именно тот человек, который изготовил это снадобье. – Я взяла его за руку, внезапно почувствовав резкую боль в сердце – оно будто раскололось на тысячу крохотных кусочков. – Шиа, вы должны знать, я никогда не покину вас, не сказав до свидания.

– Но если вы вернетесь, что ждет вас на родине?

– Мой отец. Я надеюсь, я знаю, что он жив. Я уверена, правда, не знаю почему, что он все еще жив.

Быть может, я просто обманывала себя, надеясь, что смогу вернуть детство, которое у меня украли, отыскав своего отца? Быть может, нужно было забыть об этих бесплодных поисках и остаться здесь, в прошлом – остаться с Шиа? Я напряженно всматривалась в его лицо, но так и не разрешила этих своих сомнений.

Шиа смотрел куда-то вдаль. Когда он повернулся ко мне, плохо скрываемая ярость обозначилась в его глазах.

– А как насчет вашего мужа? Вы хотите вернуться к нему?

Я вздохнула, вспоминая, как когда-то – там, в будущем – каждый вечер сидела, с трепетом прислушиваясь к случайным звукам за дверью, ожидая Дэвида, как до этого, в детстве, ждала сбежавшего в неизвестность отца.

– Нет. Я не вернусь к нему. Мой муж... никогда не любил меня, – с легкостью выпалила я правду, которую долгое время скрывала от самой себя. – Я не устраивала, не удовлетво-

ряла его, как ни старалась. Мне было хорошо с ним, но не ему со мной.

Мои щеки запылали, стоило мне вспомнить безумную ночь, проведенную с Шиа ночь любви. Я вспомнила, с каким неистовством я отвечала на его ласки: Шиа поднял меня на куда большие высоты страсти, чем это когда-либо удавалось Дэвиду. Боже, какой позор, что я натворила!

– Дэвид изменял мне с другими женщинами. Я не смогу снова пройти через это. Лишь только речь заходит о мужчинах, удача, кажется, сразу покидает меня. – Мои глаза были сухи, но сердце саднило, как открытая рана.

– Вы ошибаетесь, Мэгги.

Я потянулась к Шиа и дрожащей рукой коснулась его щеки. Жестом, в котором, казалось, содержался целый океан нежности, он потянулся ко мне и поднес мою руку к губам. У меня перехватило дыхание; я была не в силах бороться с волной желания, охватившей меня.

Громкий кашель за спиной заставил меня вздрогнуть.

– А зачем вам Мортиана? Кажется, вы вдвоем можете сотворить любое волшебство, которое вам необходимо, – широко улыбаясь, сказал Джеб. В его руках уже не было двух бутылей с виски. Вместо этого вокруг шеи его красовалась припарка. – Черт бы побрал эту чесотку! Я должен отправляться домой и готовить новую бочку с керосином. Она вас ждет, – бросил он через плечо и неуклюже заковылял по тропинке, что-то насвистывая сквозь зубы. – Вам лучше поспе-

шить, она явно не в духе.

Джеб исчез за поворотом, и мы, не издав ни звука, поспешили в указанном им направлении. Шиа твердой рукой вел меня по сырой каменистой дорожке; сквозь плоские камни, мозаикой выложенных на земле, местами пробивалась трава. Дорожка, петляя сквозь густые заросли бурьяна и какие-то неведомые мне буйно цветущие растения, подвела нас к приземистому домику под двускатной крышей, прятавшемуся среди высоких дубов и вязов. Сладостная смесь надежд и обещаний наполняла влажный прохладный воздух.

Вход в дом был оплетен бесчисленными вьющимися растениями, которые, спадая на землю, плавно переходили в заросший дикими травами двор. Сияние заходящего солнца покрывало скат крыши подобно ледяному щиту из замерзшего на лету водопада.

Глядя на закатные лучи – последний привет уходящего на ночь солнца я безотчетно поехала, будто на меня ненароком повеяло холодным ветерком из могилы. Я резко повернулась к Шиа; мои надежды и страхи были, наверное, как обычно, написаны у меня на лице.

– Вот вам на покупку порошка, – сказал он, сунув мне в руку несколько смятых бумажек. – Здесь не много, но это все, что у меня есть.

Я почувствовала жжение в глазах и постаралась улыбнуться.

– Еще не поздно изменить ваши намерения, – сказал он

мягко, нежно погладив мой подбородок.

Слова Шиа умоляли меня отказаться, но его прикосновение поддерживало мое упрямство, и я отрицательно покачала головой. Его пальцы легонько коснулись моей груди; эта ласка напоминала прикосновение невесомого перышка. Когда он опустил руку, сомнения снова стали терзать меня.

– Если вам что-нибудь понадобится, – сказал он сухо, – я буду поблизости.

Я глубоко вздохнула и, соглашаясь, закивала: я знала, что никогда не добралась бысюда без его помощи. Боясь, что решимость моя вот-вот улетучится, я резко повернулась и поднялась по гнилым деревянным ступенькам. Входная дверь была наполовину открыта, и я проскользнула внутрь. В комнате было слишком темно, и, пока глаза мои привыкали к темноте, я не могла различить ничего вокруг. Во рту у меня пересохло; я робко ступала по скрипучим доскам пола, выкрикивая имя Мортианы.

Внезапный порыв ветра, хлопнув дверью, закрыл ее позади меня, и я оказалась в полной темноте, лишь тоненькая полоска света виднелась в дальнем конце комнаты.

Комната, сырая и пыльная, была наполнена горькими ароматами полыни, плавленого свечного воска и разнообразных растительных масел. Мускус, сандаловое дерево и пачули, смешанные в причудливых комбинациях, образовывали запахи, способные просто взбесить чувственность. Легкий аромат мандарина сливался с насыщенной лавандой. Каж-

дый новый аромат, включаясь в общую гамму, гармонировал со всеми остальными, погружая меня в магическое силовое поле, прелесть которого не поддавалась анализу.

Я зацепилась за табурет и... едва успела отдернуть ногу, которой чуть не задела что-то мягкое и пушистое. Постепенно мои глаза привыкли к темноте, и я разглядела чучело белки; ее застывшие красные глазки пристально смотрели на меня. Я в ужасе отступила и наткнулась на сову, – ее крылья были широко распахнуты в вечном недвижимом полете. Что за странный зоологический музей?

– Ты пришла сюда, чтобы обрести утраченное.

Вскрикнув, я обернулась в направлении голоса. Почти полностью скрытая темным капюшоном, передо мной сидела Мортиана – женщина неопределенного возраста; ее высокие скулы были освещены неверным пламенем свечи – его едва хватало, чтобы хоть как-то обозначить тяжелую одежду колдуньи. В этой мрачной комнате все мне показалось каким-то нереальным. Здесь как будто не существовало грани между добром и злом, светом и тьмой...

Точь-в-точь как в том мире, в котором живет Шиа...

– Так что же ты хочешь? – спросила она многозначительно.

Мне захотелось немедленно убежать, но тут я вспомнила, какой неблизкий и трудный путь пришлось преодолеть, чтобы добраться сюда. Я присела на табурет наискосок от Мортианы.

– Мне... мне нужна ваша помощь.

Она уставилась на свечу, свет которой, приглушенный матовым фиолетовым стеклом, слабо мерцал.

– Я ничего не смогу сделать для тебя.

Ее глаз не было видно: ни блеска, ни движения – просто два круга тьмы.

– О, этого не может быть! Я уверена, что именно у вас есть то, что мне нужно, – вскрикнула я, не допуская даже мысли, что последние ее слова соответствуют действительности. – Я пытаюсь найти своего отца, Джесси Таггарта.

– Мне очень жаль, но не знаю такого.

Я не сдавалась.

– У меня есть деньги, – сказала я, затаив дыхание.

– Дай их мне.

Я достала свои жалкие бумажки и положила их на стол. Мортиана взглянула на них и ловко, как жонглер, смахнула деньги куда-то в складки своего балахона.

– Я разыскиваю еще и человека, который сделал это порошок. – Я извлекла из кармана бутылочку-колокольчик и поставила ее на небольшой столик, стоявший между нами.

Длинные тонкие пальцы Мортианы подняли бутылочку и слегка ослабили накрепко сидящую в ней пробку. Пригнувшись к содержимому пузырька, она удовлетворенно улыбнулась.

– У тебя есть мужчина, который нетерпеливо ожидает – там, за дверью, – когда ты вернешься к нему... И ты вернешь-

ся к нему. – Она встряхнула бутылочку с эликсиром Афродиты. – Что же еще тебе нужно? – Она засмеялась и вернула мне пузырек.

Я покраснела: скрытый смысл ее последних слов сразу дошел до меня. Одновременно я задавалась вопросом: неужели этому проклятому зелью – и ничему другому – я обязана волшебными минутами страсти, ведь пока его у меня не было, я терпела одно фиаско за другим? Очень уж не хотелось чувствовать себя зависимой от этой ничтожной бутылочки... Нахмурившись, я в последний раз недоверчиво посмотрела на пузырек и убрала его в карман.

– Я вижу ты все еще сомневаешься, – сказала она; голос ее слегка вибрировал. – Ты считаешь эту вещь слишком ничтожной и не допускаешь мысли, что именно она вызывает интерес мужчины к тебе.

Я была поражена ее пронизательностью.

– Н-ну, да. У меня есть некоторые сомнения.

– Ты боишься, что твой мужчина начнет вдруг смотреть на сторону, что ты надоешь ему.

Перед моим мысленным взором возникла вчерашняя ночь ночь, проведенная с Шиа. Тогда, как до сих пор казалось мне, я извела высшее наслаждение благодаря ему, ибо каждая ласка, которую дарил мне Шиа, была ступенькой, приближавшей меня к вершине страсти, – но теперь я вдруг поняла, что его самого все время что-то сдерживало. Разве не боялась я увидеть неудовлетворенность в его прекрасных

глазах именно ту, которую, не признаваясь в этом самой себе, видела раньше в глазах своего мужа? Уж не поэтому ли я, прежде такая сдержанная Мэгги Таггарт, в ту ночь стонала от страсти, словно безумная лесная нимфа; не было ли это просто притворством, наивной попыткой угодить красавчику Шиа Янгеру?

– На самом деле, я вовсе не за этим сюда пришла, – сказала я, напряженно сглотнув. – Я ищу совсем другой порошок, тот, который поможет мне найти отца.

– Тебя уже предавали... когда-то раньше...

Я кивнула, ошеломленная: она читала в моей душе как в открытой книге.

– Это случится снова. Двое мужчин обманут тебя. Ты всякий раз должна трижды подумать, прежде чем довериться кому-либо, иначе тебя снова предадут.

– Кто же обманет меня? – Мое дыхание стало хриплым и болезненным. Эта женщина видела меня насквозь...

– Ты не попала бы сюда без посторонней помощи, – нарасспев произнесла Мортиана. Она будто не расслышала моего вопроса. – Надо быть очень сильным, могущественным, чтобы перенести человека сквозь время. Наши судьбы управляются многими силами. Некоторые из них добрые, некоторые злые. В данном случае мы имеем дело с силами беспорядка. Если здесь нет никакого совпадения, то это просто ошибка, что ты здесь.

Я сидела, замороженная ее голосом, она словно обволаки-

вала меня словами, которые выплывали то из света, то из мрака. До встречи с Шиа я точно знала, где проходит граница между «правильно» и «неправильно», но теперь эта линия уже не была для меня столь четкой.

– Ты должна возвратиться в свой мир, – продолжала она.
– Ты не принадлежишь этому времени.

– Значит, у вас есть порошок, который я ищу? – спросила я, пытаюсь унять дрожь в руках.

– Иди за мной. – В полной тишине она поднялась и, казалось, поплыла сквозь океан запахов, наполнявших комнату; ее развевающийся плащ закружил в воздухе микроскопические ароматные вихри.

Я последовала за ней; мы прошли по узкому коридору на веранду. Окна здесь были всю стену. Побег дикого винограда, змеями обвивавшие окна, затрудняли доступ света в комнату, окрашивая ее в зеленоватые тона. С потолка свешивались пучки засушенных трав, а на лавках в изобилии стояли различные емкости, подобные тем, какие я видела когда-то в гомеопатической аптеке. Она подняла засохший зонтичный цветок.

– Тюбетейка. Это воздействует на мозг.

Повнимательнее взглядевшись в голубой цветок, я заметила, что по форме он напоминает человеческий череп. Она бросила горстку засушенных цветов в ступку и начала растирать их пестиком. Холодок пробежал по моей спине: аромат «тюбетейки» был одной из составляющих букета *того-*

порошка. Мое напряжение росло по мере того как я наблюдала, как Мортиана добавляет все больше и больше трав – знакомых мне по запаху того порошка, но их названий я не знала.

Вдруг дверь с шумом распахнулась и с не меньшим шумом тут же захлопнулась; в комнату вбежал чем-то обеспокоенный Шиа.

– Братья Скраggi здесь. Я запер дверь, но это не остановит их. Здесь есть черный ход?

– Нет, – ответила Мортиана. – К тому же я еще не закончила. – Она нараспев произнесла над ступкой, в которой продолжала толочь порошок из трав, несколько непонятных мне слов.

– Смотри, дамочка. Твой разлюбезный всегда ищет черный ход.

Она улыбнулась и высыпала смесь в бутылочку-колокольчик, подобную той, что уже лежала в моем кармане. Мортиана вручила ее мне, сопроводив торжественными словами:

– За твои долгие мучения и деньги.

Шиа застонал, мускулы на его лице нетерпеливо дернулись.

– А как нам выбраться отсюда?

Мортиана повернулась к нему.

– Ты осложняешь себе жизнь больше, чем требуется, – сказала она многозначительно. – Когда ты простишь себя, твоя сестра снова обретет память, а ты станешь свободным.

А пока вы можете воспользоваться этим туннелем. – Она отодвинула циновку, прикрывавшую вход в глубокое темное отверстие в земляном полу.

– О Боже, – вскрикнула я, заглянув в черное отверстие.

– Откуда я знаю, что это не ловушка? – В голосе Шиа звучала неприкрытая подозрительность.

– Все может быть. Леди или тигр, – пропела она. – Выбор за тобой.

– Если это вы – леди, – холодно сказал Шиа, – я предпочту иметь дело с тигром. – Он спустился в отверстие и протянул мне руки. Грохот раздался из соседней комнаты. В тишине старого отшельнического дома он показался громом небесным. Мортиана торжествуя улыbnулась; воротник ее накидки эффектно обрамлял ее впалые щеки.

Некоторое время я топталась в нерешительности: уж очень подозрительно выглядел этот чертов туннель. Перед моим мысленным взором возник совсем другой туннель. Я тогда убегала по длинному коридору отеля «Арлингтон» от ужасной картины, увиденной мной в ванной комнате своего номера Дэвида и его любовницы, – а также от преследовавшего меня запаха того, что сопровождал их сексуальные утехи; он, казалось, сжигал мой мозг. Цветные круги плыли у меня перед глазами, голова кружилась, и тогда я, не в силах больше сдерживаться, разрыдалась и закрыла лицо носовым платком, на котором еще были остатки злополучного порошка.

– Мэгги, – взмолился Шиа, пытаюсь вывести меня из оцепенения. Он крепко схватил меня своими сильными руками. – Рискните еще раз. – И позвольте мне быть вашим будущим, – мягко сказал он.

Я глубоко вдохнула и прямо-таки погрузилась в море запахов, распространявшихся от засушенных трав, смешанных сейчас с неподражаемым мужественным ароматом Шиа – тем самым, что вызывал во мне бурю эмоций и страстных желаний. Он стал сейчас для меня путеводной звездой, спасительным оазисом в пустыне, стал родным, как запах собственной кожи.

Удары в наружную дверь становились все настойчивее, и я, убрав бутылочку в карман, положила руки на плечи Шиа и позволила ему втащить себя в зловещую черную дыру. Он, пригнувшись, двинулся по узкому туннелю впереди меня, показывая дорогу. В сыром, затхлом, пахнущем землею воздухе я почувствовала едва заметное движение свежего воздуха; я попыталась определить его источник, но это мне не удалось. Мортиана водворила циновку на прежнее место, погрузив меня в беспросветный мрак. Я тихо запаниковала.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Шиа уже порядком удалился от меня: единственным звуком, нарушавшим тишину мрачной сырой ямы, было мое хриплое дыхание.

Стараясь догнать Шиа, я начала суетливо протискиваться через туннель. Земля с грубо обтесанных стен дождем посыпалась мне за шиворот; ощущение было такое, будто десятки крохотных насекомых ползут по моему телу. Несмотря ни на что, я продолжала движение – из опасения безнадежно отстать от своего спутника. Вдруг моя ладонь накрыла что-то холодное и осклизлое. Я отдернула руку, прикусив при этом нижнюю губу, чтобы не закричать от омерзения.

– Ну же, красавица, двигайтесь, у вас все получится. – Отсыревшие извилистые стены туннеля плохо отражали звук, и казалось, что голос Шиа доносится откуда-то издалека.

Я вытерла о брюки руку и заставила себя снова двинуться вперед; туннель вскоре так сузился, что мне пришлось ползти на четвереньках. Острые камни и песок прилипали к рукам и коленям, тяжелый затхлый воздух будто кинжалом резал легкие. За спиной быласмерть, впереди – неизвестность. Ужасы же, которыми угощала нас эта черная яма, ничем не уступали тем, что остались наверху. Сердце мое учащенно билось, рот был полон какой-то мерзости, на зубах скрипел песок, а горло сдавило удушье. Я была на пороге истерики.

Ужас все сильнее охватывал меня.

Я приготовилась умереть.

Мой мозг испытывал кислородное голодание, потому что голова моя сильно кружилась, а тело, казалось, плавало в невесомости. Внезапно чувство дискомфорта исчезло, и мне больше не казалось таким уж страшным остаться здесь навсегда, в полной неподвижности, не волнуясь о таких земных вещах, как необходимость дышать. В таком подземелье, должно быть, имеются сюрпризы пострашнее, чем смерть, думала я рассеянно.

Затем откуда-то – наверное, из самой преисподней я услышала едва различимое пение. Мелодия была мне до боли знакома – именно ее я часто слышала в раннем детстве. Звучки, казалось, доносились из далеких могил, погружая меня в отрадные воспоминания. Звучала прекрасная мелодия Гершвина та самая, «Обнимаю тебя», – любимая песня моего отца, он часто пел ее вечером возле моей постели. Я ожидала, что снова увижу его, он поведет меня за собой к спасению, к счастью.

Но мелодия эта зазвучала как-то совсем по-иному, и каким-то шестым чувством я поняла, что слышимые мною звуки исходят не от отца, а от Шиа; не отдавая себе в этом отчета, я снова начала дышать.

Позвольте мне быть вашим будущим. Эти слова Шиа снова всплыли в моем сознании. Это было так просто, так замечательно, я как за соломинку ухватилась за эту фразу.

С музыкой, все еще звучащей в моих ушах, я, упрямо сжав челюсть, по-пластунски, как солдат, снова двинулась в путь. Толчок – остановка еще толчок. Сжав кулаки, я продолжала ползти. Мои плечи дрожали от усталости, но силы мне придавала мысль о том, что если я, пропутешествовав во времени, остаюсь так долго живой в этом жутком месте, то значит, это действительно для чего-нибудь нужно.

Мне уже начинало казаться, что эта борьба с туннелем и с самой собой будет продолжаться вечно, но музыка вдруг оборвалась. Я почувствовала, как Шиа, подняв меня своими сильными руками, вытащил из черного небытия и хриловатым голосом тихо пропел мне на ухо:

– Вы прекрасны, Мэгги. – Он осторожно стер грязь у меня над бровью и поцеловал это место, вытащил запутавшийся в моих волосах листик и снова поцеловал меня, на этот раз в висок.

Он порывисто прижал меня к своей груди и как воин, заслуживший награду за победу, начал целовать в губы, в щеки, в нос, не обращая внимания на грязь, покрывавшую меня. Я никогда не чувствовала себя более желанной, более соблазнительной.

Вдруг он выпустил меня это было так же неожиданно, как и порыв нежности минуту назад.

– Мы должны поторопиться, если еще на что-то рассчитываем... – Он насторожился, уловив какой-то шум снаружи. Сделав мне знак притаиться, Шиа осторожно пополз к тому

месту, где половицы в комнате Мортианы образовывали узкие щели; через них в наше мрачное подземелье проникал – слабый свет. Когда через пару минут он снова возвратился, его лицо выражало крайнюю озабоченность.

– Там оружия больше, чем блох в Арканзасе.

Мое сердце, казалось, остановилось. Я посмотрела на Шиа и поняла, что под вопросом не только мое будущее, но и наши с ним жизни.

– Мы должны использовать порошок.

– Вы шутите.

– Я думаю, это единственный способ выбраться отсюда живыми.

Шиа энергично замотал головой.

– Если вы думаете, что можете путешествовать во времени, нюхнув какого-то порошочку, то ради Бога, вперед и с песней... но только без меня.

– А у вас есть идея получше? – спросила я, доставая бутылочку из своих грязных брюк. Я развернула носовой платок и насыпала понемногу нового порошка на две его половинки. Осторожно убрав бутылочку в карман, я протянула платок Шиа.

– Не бойтесь, вдыхайте поглубже. Вам, наверное, нужна доза побольше – пропорционально размерам.

– Это невозможно. Случись такое, мне никогда не загладить своей вины перед доком.

Шум голосов наверху усилился.

– Если вы не сделаете этого, все может очень плохо кончиться.

– Ну хорошо, – сказал он, неохотно приближая к носу кончик моего платка, – но не думайте, что я настолько легковверен. Если это не сработает, я больше ничего не хочу слышать о магических зельях и путешествиях во времени.

– Если откровенно, я тоже не знаю, поможет ли это нам, но если мы сделаем вдох вместе, то, возможно, закончим свои дни где-то в одном месте.

Хмуро кивнув, Шиа поднял мою руку, в которой находился носовой платок, и мы одновременно вдохнули; характерное покалывание пронизало мое тело предвестник того, что порошок начинает свою работу. Благовоние обволакивало меня, воздействовало на мои чувства подобно дыму от ароматических палочек, убаюкивало мое сознание, уводя от опасности через внезапно открывшиеся спасительные двери. Я закрыла глаза, полностью отдаваясь во власть чудодейственного порошка.

И вдруг не стало жуткого темного туннеля, бандитских голосов, видений – все это затмила пугающая догадка о том, что порошок, кажется, приготовлен по другому рецепту. Я вдохнула еще раз, приюхиваясь, и с ужасом обнаружила, что один компонент отсутствует. Открыв глаза, я снова увидела себя в той же ловушке, в ведьминой норе, и нам все также угрожала опасность от людей, которые уже пытались когда-то убить Шиа.

– Это не та формула, – в ужасе прошептала я.

– И именно поэтому эта штука не сработала.

Его красивое лицо помрачнело, он с таким презрением посмотрел на меня, что у меня упало сердце.

– С таким же успехом мы могли глотать коровье дерьмо, желая путешествовать во времени. – Он скомкал мой носовой платок и, положив его к себе в карман, снова принялся наблюдать сквозь щели в полу за тем, что делается наверху в комнате. – Они идут по нашему следу. Если они меня схватят, поделом мне, дураку.

– И все-таки вы должны верить мне, – сказала я, чувствуя себя без вины виноватой. – Все, о чем я говорила вам – правда.

Он повернулся ко мне:

– И все-таки согласитесь, красавица, что путешествия во времени в природе не бывает. Вас надули. У Мортианы от смеха, должно быть, голова отрывается. Эта баба облапошит любого, кто ни подвернется.

– Может, и я вам подвернулась?

– Сейчас не время ссориться. Давайте вернемся в туннель и попробуем там скрыться. Если Мортиана нас еще не сдала, я с радостью признаю, что был не прав.

Незнакомый, страшный, прямо-таки потусторонний голос раздался откуда-то из глубин земли.

– Единственное, что может по-настоящему интересовать ведьму, это ее собственная шкура.

Потрясенная, я резко повернула голову в ту сторону, откуда раздался голос. Из мрака наменя смотрело покрытое глубокими морщинами лицо мужчины. Этот тип был вооружен. От него прямо-таки несло болотной сыростью. Он улыбнулся, его зубы напоминали зубы гремучей змеи.

– Никогда не думал снова встретиться с любезными твоему сердцу Скраггами, а, городской мальчик? – Его ужасный, похожий на грохотанье поезда смех эхом отражался от стен нашего могильника.

– Не верю глазам своим! Неужели это ты, Линдер? – Шиа подполз поближе ко мне и взял меня за руку.

– Если не хочешь быть похороненным в этой яме, Янгер, не вздумай даже пошевелиться. – В его голосе не было и намека на шутку; пистолет, который он держал в руках, был направлен прямо мне в грудь.

– Спокойно, милый. Я не собираюсь делать глупости. Как ты нашел нас?

– Это было не так уж и сложно. Вы так наследили, что даже старая больная собака легко отыщет вас.

Внешне Шиа был абсолютно спокоен, он ни разу не посмотрел на меня, но я знала, о чем он думает. Это из-за моей навязчивой идеи добыть порошок мы влипли в эту историю.

– У меня к вам есть дело, – сказал он.

– Я и Каро, мы уже пробовали иметь дело с тобой, и нам тогда это очень не понравилось, Янгер.

Шиа резко придвинулся к дулу пистолета.

– Значит, ты собираешься убить нас?

Мужчина вытер грязным рукавом ствол.

По моему разумению, с таким оружием сподручнее охотиться на белок, а не пробираться по узким темным туннелям в поисках своих врагов; но, к сожалению, этот тип появился не просто так.

– Щас, Янгер, я не будут тебя убивать.

Я воспрянула духом. У нас появился шанс выбраться отсюда живыми. А в нашем положении это уже не мало. Неприятности, связанные с некачественным самогоном, возникли не по вине Шиа. Скрагги занимались этим. Разве наша смерть принесет пользу делу?

– Щас. Я самникого не собираюсь убивать. – Он улыбнулся, обнажив свои черные змеиные зубы. – Я собираюсь отдать вас в лапы Делателя Вдов, чтобы он сам содрал с вас шкуру – или что там ему захочется.

Шиа крепко держал меня за руку, поэтому я оставалась внешне спокойной.

– Он повсюду искал вас, и мы оба, я и Каро, были счастливы услужить. Ты разорил нас, а мистер Делатель Вдов был стол любезен, что покупал весь самогон, который варили в нашей семье. Теперь подымайтесь, и не вздумайте валять дурака.

Скрагги, вооруженные до зубов, уже приблизились к двери.

– Имейте в виду, вам не удастся удрать далеко ни от моих

племянников, ни от моих собак.

Лишь только мы выбрались на поверхность, яркий солнечный свет ударил мне в глаза, и я, потеряв ориентацию, упала со всего размаха на свои изодранные коленки. Тут же около меня оказались Скрагги и принялись пребольно тыкать своими пушками в моибольные ребра. С превеликим трудом я поднялась на ноги.

Когда мы проходили мимо «лаборатории» Мортианы, волосы дыбом встали у меня на голове – я заметила, как колдунья наблюдает за нами из прикрытого виноградными лозами окна. Свет и тень играли между собой в прятки на ее плохо просматриваемом с улицы лице. Отчетливо были видны только глубоко посаженные глаза и жестокая прорезь вместо рта. Когда наши взгляды пересеклись, у меня перехватило дыхание. Она улыбалась. Я так и не поняла чему она улыбалась быть может, тому, что ей изготовить такой порошок ничего не стоит, быть может, моей легковёрности, ведь я отдала ей все свои деньги. Последнее показалось мне наиболее вероятным, ведь именно это только что говорил мне Шиа.

После нескольких часов жестокой тряски с завязанными глазами в грузовике, провонявшем тухлой свининой и самогоном, нас вытолкали из машины и повели по лестнице на второй этаж какого-то здания. В нос мне ударил знакомый запах табачного дыма и дешевого виски, и я поняла, что нас привезли в Чиггер-клуб.

Какие-то другие грубые руки схватили меня, открылась

дверь, и я свалилась на грязный пол. Со связанными сзади руками я не смогла как следует сгруппироваться и пребольно ударилась лбом о какую-то деревяшку. Когда я услышала, что дверь закрылась и в замке повернулся ключ, невыразимый ужас охватил меня. Собственные стоны громким эхом отдались в моих ушах. Они схватили Ши. Теперь я осталась одна.

Я пыталась освободить руки от веревок, но они лишь сильнее врезались мне в кожу. Я была всего лишь парфюмером, и мои профессиональные познания не могли помочь мне выпутаться из этого затруднительного положения.

Мне вдруг вспомнилось, как когда-то – в этом же месте, но совсем в другом времени я вот так же лежала в обмороке на холодном деревянном полу и увидела в бреду своего отца. Я потрясла головой, пытаюсь привести себя в порядок. Каким бы ужасным ни было это видение, в моем нынешнем положении я обрадовалась бы даже ему.

Чувствуя полную беспомощность, я вслушивалась в тишину дома в надежде хоть как-то прояснить свою дальнейшую судьбу. Прижав ухо к полу, я различила слабые голоса, доносившиеся, по-видимому, из игорного зала. Пришлось подкатиться поближе к трещине у двери: здесь слышимость была получше.

– Дурак, о чем ты думал, когда тащил их сюда, – слышался чей-то негодующий голос.

Линдер Скрагг отвечал:

– Жаль, дорогой Вилли, я так хотел угодить вам. Я могу рассчитывать на вознаграждение?

– Конечно, – с издевкой сказал Делатель Вдов, его южный выговор напоминал о героях старого гангстерского фильма. – Плюньте мне в глаза, если я что-нибудь понимаю. Высморозили глупость и еще просите меня о вознаграждении!

– Да. – Последовала небольшая пауза. – Нет, нет, – наконец промямлил Скрагг; угрожающий тон, которым он разговаривал с Шиа и со мной трансформировался в жалкий скулеж. – Я совсем не это имел в виду. Я просто рад был услужить вам. Вы были так добры, Вилли. Я ничего не прошу за это. Могу я теперь идти?

Послышались невнятное бормотание низких мужских голосов, шаги, скрип половиц, затем все стихло. Зазвучал голос Вилли:

– Янгер, вы шустрый парень. – На минуту снова воцарилась тишина; мой нос уловил аромат дорогой сигары.

Вилли продолжал:

– Возможно, даже слишком шустрый.

Шиа засмеялся:

– Первый раз слышу, что это недостаток.

– Мне нужен шустрый местный парень, но такой, который бы знал свое место... Со мной у вас могло быть неплохое будущее.

– Возможно, мы сможем договориться. – Шиа усиленно форсировал свое южное произношение; его выговор был на-

стоящим арканзасским, даже у Вилли так не получалось. Наверное, это было просто уловкой, попыткой, по возможности, усыпить бдительность Вилли, но, должна признаться, легкий холодок пробежал у меня по спине: все выглядело слишком убедительным. Да, Шиа настоящий игрок. Он умеет блефовать.

– Я не против, чтобы вы работали на меня. К сожалению, имеется некоторый нежелательный багаж. Я не могу рисковать, девка может побежать к копам.

– Мэгги?.. Она ничего не скажет. В любом случае, она не может выступать свидетелем. Она сумасшедшая, она одержима идеей, будто прибыла сюда из будущего. Она убеждена, что получив некий волшебный порошок, вернется туда, откуда пришла.

Его голос был ледяным и твердым, почти как пол под моей головой. Мне не хотелось верить своим ушам. Прошло ведь менее суток с той безумной ночи, проведенной с Шиа, но последние слова моего возлюбленного заставили меня засомневаться в нем. Было ли случившееся в ту ночь столь же важным для Шиа, как и для меня, спрашивала я себя. Нет, он не мог обманывать меня. Это сейчас он блефует с Делателем Вдов.

– Ее лицо мне знакомо. – Это снова заговорил Вилли. – У нее есть какие-нибудь родственники?

– Только в будущем, – ответил Шиа.

Они загоготали, и я почувствовала невыразимую злобу

– она вытеснила даже страх, не покидавший меня вот уже несколько часов. В будущем у меня был отец. Найти его, снова обрести его любовь – вот моя заветная мечта. Оказавшись за много десятилетий от дома, я была уже почти готова отказать от своих поисков, лишь бы больше не расставаться с Шиа. Я уже не волновалась о том, удастся или нет Шиа сохранить в целостности наши головы. Он не должен был смеяться над тем, что было так важно для меня, что терзало меня все последние годы.

– В таком случае, давайте исполним это ее желание. Пусть она поскорее исчезнет.

Устранить опасного свидетеля... Это я раньше читала в плохих детективах, но теперь гангстерский боевик ворвался в мою собственную жизнь.

Шиа молчал, а я, затаив дыхание, ждала, ждала его отказа Делателю Вдов...

– Обижать женщин не в моих правилах, – ответил он наконец.

Его слова повисли в воздухе, подобно мантре бесчисленное число раз повторяясь в моих ушах. Он не сказал нет. Я вспомнила, я ведь спрашивала его, видел ли он убитого человека. Он и тогда не сказал нет.

Вырубить плохого парня – это одно дело...

Что он подразумевал, говоря «вырубить плохого парня»?.. Неужели он имел богатый опыт в подобных «делах»? Мое воображение начало лихорадочно работать, рисуя сцены од-

на страшнее другой. Единственное, в чем я была убеждена, во что мне очень хотелось верить, – что сейчас он действительно пытается спасти меня... и себя.

– Думаете, вы везучий человек? – спросил Вилли.

– Я люблю, впрочем, как и всякий другой, когда во время игры идет хорошая карта, но эта женщина не в себе. Моя мама всегда учила меня, что обидеть убогого не такая уж доблесть.

– Не волнуйтесь, вы удачливый человек, – продолжал Делатель Вдов. – На игорных домах можно отлично заработать – не меньше, чем на продаже виски. Как только уляжется суета вокруг смерти Биггса, я устрою здесь ночной клуб по высшему разряду. Машины Слота, рулетка, деньги, карты, – все, что угодно. Мне нужен свой человек, опытный, способный проследить, чтобы никто посторонний не снял сливки. Вы сможете сделать большие деньги, и вам еще заплатят сверху за игру. Что может быть лучше, а? Вы бы оказали мне большую услугу, согласившись помочь во всем этом. Орвил не хотел продавать Чиггер-клуб. Не пустив эту дамочку к копам, вы тем самым продемонстрировали свою сообразительность. Видите, я все точно рассчитал: вы именно тот человек, который мне нужен.

Сомнения вновь начали одолевать меня. Недаром мне еще тогда показалось странным, что Шиа не захотел обратиться в полицию. Он утверждал, что это небезопасно, но, возможно, просто рассчитывал извлечь в дальнейшем для себя пользу,

сдав меня этой компании. Вилли еще раньше просил его о помощи. Может, Шиа, быстро все сообразив, сам и подстроил все это?

– Какая моя доля в этом деле?

Я вспомнила о своем отце – он тоже предпочел Леди Удачу мне и моей матери. Наверное, он страдал; но он страдал бы еще больше, если бы отказался не от нас, а от своего проклятого покера. Если бы не его предательство, со мной не случилось бы всего того, что случилось.

– Двадцать... для подстраховки, – сказал Вилли. – Это, хотя бы на первых порах, хорошенько привяжет тебя к игорным столам. Если все будет в порядке, я удвою вознаграждение. Я не допущу здесь никакой поножовщины, как было при Орвиле Биггсе. Пускайте в ход пистолеты, если что.

У меня упало сердце, – я вспомнила, о чем меня предупреждала колдунья. *Двоемужчин обманут тебя... Дважды подумай, прежде чем довериться кому-либо, иначе тебя обманут.*

Я больше не знала, кому и чему верить. Я доверяла Дэвиду – и потерпела полное фиаско. Теперь на карту поставлена моя жизнь. Я снова принялась отчаянно работать руками, пытаясь высвободиться от опутавших меня веревок; острая боль пронзила мне запястья, но даже это не остановило меня. Я трудилась, трудилась... и наконец освободила руки. Сорвав плотную повязку с глаз, я зажмурилась от внезапного яркого света, ударившего мне в лицо. Моей камерой оказа-

лась захламленная пыльная комната, под потолком которой находилось окно – свет падал именно из него.

Не так давно мне уже приходилось спасаться бегством через окно... но тогда Шиа помогал мне. Несмотря на все мои усилия не попасть к Шиа в зависимость, я все-таки не смогла избежать этого. Однако я не позволила ему унижить себя, – возможно, единственная из тех, кто когда-либо доверился этому типу.

Комната была практически пустой, если не считать низкой металлической кровати с матрасом, сплошь покрытым какими-то грязными пятнами. Окно располагалось, самое маленькое, футах в десяти над землей — нужно было найти какой-то другой путь для бегства.

Возможно, сказались длительные совместные приключения с Шиа, но мне вдруг пришла в голову одна идея, которая, как казалось, могла сработать. Я подползла к двери, чтобы удостовериться, что меня не обнаружат прямо сейчас. В замочную скважину я увидела, как в зале Шиа обменивается рукопожатием с Делателем Вдов. Кэпс что-то разливал в стаканы, видимо, гангстеры намеревались обмыть удачную сделку. Сейчас или никогда. Теперь наступила моя очередь показать им, что я не из тех, кто сдается без борьбы.

Я разулась и подсунула носки под задние ножки кровати. Используя их как звукоизоляция-торы, я приподняла кровать и бесшумно переместила ее поближе к окну. Из зала раздался громкий взрыв смеха, я воспользовалась этим и, подняв

кровать, прислонила ее к стене. Экономя время, я засунула носки в карман и надела туфли на босу ногу. По переплетениям панцирной сетки я вскарабкалась вверх до самого окна и попробовала открыть задвижку. К сожалению, она была густо залита масляной краской, и мне не удалось ни на миллиметр сдвинуть ее с места. Я надавила на защелку изо всех сил, до острой боли в руках. Мое дыхание было настолько частым, что я с трудом сохраняла равновесие на поставленной на попа кровати.

Кровать начала скользить, и я, быстро спустившись, подперла ее о ближайший угол, скинула обувь, связала между собой шнурки и, зажав их зубами, снова начала карабкаться вверх. Тонкие металлические прутья кололи мне ступни, я едва не кричала от боли, но, совладав с собой, продолжала свой путь.

Снова добравшись до окна, я было уже собралась разбить стекло туфлями, как вдруг более удачная мысль пришла мне в голову. Я просунула туфлю под защелку и, используя ее как рычаг, дернула, вложив в рывок всю свою силу. Защелка начала поддаваться, с удвоенной силой я продолжала свою работу, пока она не отлетела. Я распахнула окно и выглянула на улицу. С глухим стуком моя туфля упала на пол, но у меня не было времени поднимать ее. Я знала, что Чиггер-клуб находился на втором этаже, и я, естественно, была готова прыгать, но сейчас, сидя на краю окна, увидела, что нахожусь слишком высоко над землей.

Неподалеку от окна росло дерево, за ветви которого можно было ухватиться. Из меня никудышный акробат, но я должна попробовать осуществить этот трюк. В сравнении с тем, что ожидало меня в этом доме, сломанная нога казалась пустяком.

Я встала на узкую оконную раму и, прыгнув, ухватилась за один из самых толстых суков. Я порядком ободралась, спускаясь вниз, но в тот момент не почувствовала боли. Оказавшись на земле, бросила туфлю в сторону Центральной улицы, а сама побежала в противоположном направлении, надеясь сбить преследователей со следа. Если бы мне удалось добраться до своего жилья, которое было всего в двух кварталах отсюда до того, как меня обнаружат, я бы надела другие туфли, скрыла свои волосы в шляпке колоколом – той, что подарила мне Корнелия, – и постаралась бы незаметно убраться из города.

Всю дорогу я шла очень быстро и, когда открывала дверь, руки мои тряслись от усталости. Мне не нравилось, что я вернулась сюда. Это место первое, где Шиа будет искать меня, но я должна была рискнуть. Обращаться в полицию мне тоже не хотелось я уже никому не доверяла.

Всего несколько секунд мне понадобилось, чтобы достать все необходимые вещи и даже надеть их, но тут раздался грозный стук в дверь. Я бросилась на пол под окно на случай, если стучавшему вздумается заглянуть в комнату. Я почти не дышала, моля Бога, чтобы неизвестные визитеры отказа-

лись от намерения повидать меня, но стук раздался снова, долгий, громкий, настойчивый.

Сначала я подумала, что это Шиа, но потом решила, что он и другие приятели Вилли не стали бы деликатничать и не стояли бы так долго под дверью.

Я осторожно поднялась и, прячась за портьеру, посмотрела в окно. Внутри меня все похолодело. У моей двери стоял не знакомый мне человек. Он был высок, его шляпа была надвинута на глаза; создавалось впечатление, что ему не хочется, чтобы его узнали.

Но что-то в его облике вдруг показалось мне знакомым. В первую очередь – руки. Давнее-давнее воспоминание мелькнуло во мне, будто кто-то вновь запустил остановившуюся было киноленту. Подвижные, ловкие руки – они словно ожили на старинном дагерротипе.

Мелодия Гершвина вместо колыбельной, хор «Обнимаю тебя» вместо детских стишков. Моя коллекция пластинок на 78 оборотов в минуту, вероятно, собирает пыль где-то в бесконечно далеком будущем; но я знаю каждое слово этих песен, помню их все, потому что проигрывала каждую сторону бесчисленное число раз, наблюдая, как вращается круглая этикетка и буквы на ней сливаются в темное кольцо. У меня закружилась голова, картины детства замелькали перед моим мысленным взором, подобно ускоренно прокручиваемому кинофильму.

Вдруг недостающий кусочек мозаики встал на свое место,

и кровь запульсировала в моих ушах. «Обнимаю тебя». Ясно, словно это было вчера, я увидела на старой пластинке знак копирайта и дату 1930, указывающую на время создания этого произведения. Значит, до появления этой песни – не менее четырех лет.

А Шиа сказал, что слышал эту песню за карточным столом. Но есть только одна возможность услышать песню, которая еще не написана от человека, пришедшего из будущего.

Я внимательно изучала фигуру незнакомца: прямая спина, широкие плечи, из-под соломенной шляпы виднеются жесткие непокорные волосы. Внезапно я почувствовала дурноту, колени мои предательски ослабли. Волосы были огненно-рыжего цвета – точно такие же, как и мои. Он уже повернулся, чтобы уйти, но я, забыв о всякой предосторожности, подлетела к двери и распахнула ее настежь.

– Отец! – закричала я.

Он повернулся ко мне, и я увидела его лицо лицо, которое я так долго пыталась вспомнить: светло-карие глаза, щеки, покрытые бронзовым загаром. Вся моя жизнь отражалась в этом лице. Я каждый день вижу это лицо в зеркале и успела возненавидеть его. Неописуемые глаза, море веснушек, невообразимые оранжевые волосы. Но теперь мне показалось, что никогда еще в жизни я не видела более совершенного лица.

– Вам нельзя здесь оставаться, – были первые его слова.

– Вам вообще не нужно было приходить сюда, – сказал он, осторожно оглядываясь по сторонам.

Мне много раз приходилось встречаться с отцом после долгой разлуки, но я не припомню ни одного случая, чтобы он так холодно обошелся со мной. Этот тон снова заставил меня почувствовать себя отвергнутой.

Я гордо вскинула голову:

– Это все, что вы можете сказать дочери, которую не видели двадцать семь лет? Значит, вы доживаете свой век здесь, в прошлом?

– Я помогу вам вернуться домой, – сказал он, проигнорировав мой вопрос.

Затененные шляпой, черты его лица казались резче, чем те, что сохранились в моей памяти. Обычно я огорчалась тем, что его нет. Но теперь, стоило мне вспомнить, как часто я засыпала из-за этого в слезах, во мне закипел гнев. Внезапно все потеряло значение и то, чем он занимался раньше, и то, что он ни разу не попытался найти меня, – осталась лишь наболевшая рана в сердце одинокой шестилетней девочки, обманутой в день своего рождения.

– Вы не были образцовым отцом. Не понимаю, почему все это время я идеализировала вас.

Он нахмурился:

– Вы ничего не понимаете.

– Тогда, может быть, вы объясните мне...

– Сейчас не время.

– Я ничего не желаю слышать, – сказала я упрямо. – Я проделала долгий трудный путь и имею право услышать ваши объяснения.

Он встретил мой упрямый взгляд, разглядывая меня точно такими же, как у меня глазами, было даже ощущение, что в них светится общая со мной боль. Именно в этот момент, глядя друг другу в глаза, мы почувствовали обоюдную близость. Я еще колебалась, но в конце концов обрела уверенность.

И, повернувшись, вошла в свою тесную комнатку. Отец последовал за мной.

– Вы должны уходить. *И немедленно!*

Этот ледяной тон словно ножом полоснул меня.

– Если мое пребывание здесь неудобно или нежелательно для вас, ничем не могу вам помочь, – сказала я, стараясь не смотреть на него, – но я хочу, чтобы вы объяснили, почему тогда покинули нас. В конце концов я заслужила это! – Он молчал, в порыве отчаяния я рванулась к нему. – Часть меня умерла, когда вы оставили нас, – кричала я, – вы не можете не понимать этого!

Что-то промелькнуло в его лице; и мне показалось, что оно несколько смягчилось.

И прошел гнев, который я испытывала за минуту до этого. Остался страх. Я прошла огромный путь в поисках правды, но все еще боялась ее.

Я сжала влажные от пота ладони и глубоко вздохнула.

Нужно расставить все точки над *i*. Я преодолела непреодолимое, чтобы встретить отца, и имею право узнать все. Пристально посмотрев ему в глаза я, запинаясь, задала вопрос, который так долго носила в душе:

– Отец... а ты когда-нибудь любил меня?

Кровь отхлынула от его лица, в знакомых карих глазах обозначилось страдание. Он шагнул ко мне возможно, чтобы сжать меня в объятиях или, грубо схватив за руку, вышвырнуть за дверь.

Не зная его намерений, я распахнула руки для объятия. Я рисковала всем, выдав свои самые тайные чувства. Мне больше нечего скрывать.

Но прежде чем он сделал следующий шаг, входная дверь открылась со зловещим скрипом, и Кэпс с пистолетом в руке ворвался в комнату.

– Не двигайся, – пролаял он, тыча в меня стволом, потом поглядел на моего отца, и его рот ощерился золотыми зубами.

– Что ты здесь делаешь, Таггарт? Выволакивать отсюда дамочку – это работа Янгера. Я явился сюда, чтобы удостовериться, что он не передумал и не наложил в штаны.

– Вы тоже работаете на Делателя Вдов? – Потрясенная, я уставилась на своего отца.

Он пожал плечами и кивнул.

Кэпс рассмеялся:

– Вы, два неудачника, вы что, знаете друг друга? Как тесен

мир, а?

Голова моя буквально раскалывалась от напряжения, я си- лилась и не могла разобраться в происходящем. Неужели, попав в прошлое, отец и здесь потерпел жестокую неудачу и вынужден теперь работать на гангстера и убийцу? Или его моральные устои вовсе не так тверды, и его привлекает «лег- кая» преступная жизнь – как пламя свечи мотылька.

Кэпс явно глумился надо мной; опустив пистолет дулом вниз, он с интересом разглядывал комнату, словно пришел сюда на экскурсию.

– А теперь убирайся отсюда, Таггарт.

Отец, не бросай меня, мысленно взмолилась я, второго ра- за я не перенесу. Но он покорно пошел к двери и даже ни разу не оглянулся. Проходя мимо Кэпса, отец неловко задел того за плечо, чем вызвал поток нецензурной брани. Адми- рал отступил в сторону, затем внезапно бросился на Кэпса и повалил его на пол.

Вцепившись друг в друга, они катались по полу, с силой врезались в табурет и разнесли его в щепы; целью каждо- го был пистолет. Моему отцу удалось нанести мощный удар, основательно потрясший голову Кэпса. Когда отец слегка от- странился, чтобы ударить его еще раз, Кэпс резко дернулся, и оружие, валявшееся возле них, отлетело в сторону.

Курок, очевидно, зацепился за что-то; выстрел из жалкой пукалки-пистолета прогремел в моих ушах подобно артил- лерийскому залпу.

Противники боролись с остервенением, как безумные, и я с облегчением подумала, что пуля, должно быть, ни в кого не попала: ни один из них не выказывал признаков слабости. Но вдруг я увидела красное пятнышко – одно, другое... Кто-то из них был ранен.

Выстрел прозвучал вновь. И я в ужасе увидела, как мой отец медленно оседает на пол, под ним, быстро увеличиваясь в размерах, появилась кровавая лужа.

Кэпс поднял пистолет; его рука была сильно напряжена, с запястья капала кровь – кровь моего отца. Он посмотрел на меня безжизненными, как пуговицы, глазами, такой взгляд не оставлял мне никаких надежд; я подумала, способен ли вообще этот человек испытывать какие-нибудь человеческие чувства. Что-то напоминающее удовольствие на миг отразилось на его лице, и я поняла: садизм, наслаждение от страданий других, – вот и все, на что был способен этот тип.

Вдруг он медленно опустился на колени, свежая алая струя хлынула на его уже запачканную кровью рубашку. Только когда оружие выпало из уже не могущих никому причинить зла рук Кэпса, по его остекленевшим глазам мне стало ясно, что он отошел в мир иной. Его веки так и не успели закрыться; он неуклюже упал лицом вперед.

Сердце, казалось, стучало у меня прямо в горле; я кинулась к отцу. Все померкло у меня перед глазами, когда я опустилась на колени и склонилась над неподвижным те-

лом. Кончились годы ожидания, бесплодных поисков в толпах незнакомых лиц, судорожных попыток вспомнить, как выглядит его лицо; но где тот душевный покой, о котором я мечтала когда-то? Я теперь никогда не узнаю, для чего он шагнул ко мне: чтобы грубо вытолкать за дверь или чтобы сжать в объятиях.

Секреты свои он навсегда унес с собой, и я жадно впитывала то, что мне осталось, каждую черточку его лица: веснушки на носу, прямую линию рта... Казалось, что я рассматриваю самое себя. Я дотронулась пальцем до его губ и затем осторожно прикоснулась к своим. О, как я не хотела, чтобы он умирал, как желала ощутить прикосновение его губ – живых! Отчаяние овладело мной. Но я не могла позволить себе разрыдаться над ним. Пусть навсегда остается живым, по крайней мере, для меня, в моем сердце.

Я вцепилась в лацканы его пиджака побелевшими от напряжения руками и крепко прижалась к нему, будто это объятие могло вернуть его мне. Я качала его на руках, как ребенка, его кровь пропитала мне блузку, а тепло, уходящее из его тела, передавалось мне; я воображала, что это он обнимает меня в последний раз.

Мой отец пах морем, а моя мать фиалками.

Я жадно приняховивалась, надеясь почувствовать именно его запах тот, который хранила в памяти все эти годы. Но лишь аромат дорогого табака щекотал мне ноздри; теперь к нему примешивался запах свежей крови. Запах моря – это

была ложь, напомнила я себе. Мои детские воспоминания лгали. Отец никогда не был моряком, он был всего лишь игрок, промышлявший в игорном зале за стеной пивного бара, и какая разница, где этот бар находился на морском причале или где-то еще. Но меня мучил старый вопрос, который теперь так и останется без ответа.

Отец... любил ли ты меня когда-нибудь?

Я увидела, как меня накрыла тень. Подняв глаза, я задохнулась от ужаса, смертельный холод пронизал до костей: на меня пристально смотрел Шиа, его взгляд был бесчувственным и холодным, а пистолет в руке был нацелен на меня.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Шиа поглядел на лужи крови на полу, на безжизненное тело Кэпса, затем взгляделся в человека, которого я держала на руках и на которого походила как две капли воды. Когда его холодные, ничего не выражающие глаза встретились с моими, у меня мелькнула мысль, что сейчас и со мной все будет кончено.

– Бросьте оружие, Янгер! – За плечами Шиа я увидела полицейских. – Мы знаем, что это вы убили Орвилла Биггса. Вы ничего не выиграете, убрав еще одного свидетеля.

Понимая, что сопротивляться не имеет смысла, Шиа стоял неподвижно; его по-прежнему ничего не выражающие глаза неотрывно смотрели на меня. Затем он медленно опустил свой пистолет, бросил его на землю и ногой откинул в сторону. Не успела я вымолвить и слова, как люди в униформе – я плохо видела их, ибо глаза мои были наполнены слезами, – надели на него наручники. Скрежещущий звук от сомкнувшегося вокруг его запястий металла прозвучал в моих ушах финальным аккордом трагической кантаты.

– Я никого не убивал, – сказал он низким голосом. Завораживающий южный выговор снова отчетливо звучал в его словах. – Скажите им, красавица. Скажите, что я пришел сюда, чтобы помочь вам. – Он снова смотрел на меня своими прекрасными зелеными глазами теми, которые когда-то раз-

веивали все мои страхи и воспламеняли во мне страсть. Его взгляд был долгий, спокойный и просящий; так хотелось верить этому взгляду!

– Не суетитесь, Янгер. У нас есть все необходимые доказательства. Один из охранников был нашим агентом. Он видел, как вы подкрались и убили Биггса. Единственное, что пока не понятно, зачем вы, удирая, прихватили с собой женщину. Она что, была нужна вам для алиби?

– Все вообще было не так, – сказал Шиа.

Двоемужчинобманутвас...

Либо Шиа использовал меня для упрочения своего авторитета в гангстерской шайке, либо для того, чтобы спасти свою шкуру; я пока этого не знала, но какая разница. Шиа умеет хранить свои тайны не хуже Джесси Таггарта. Только на этот раз мой отец унес свои секреты в могилу.

– Это ошибка, вы схватили не того человека, – сказал Шиа; его глаза умоляли меня сообщить полицейским все, что мне было известно. Я никогда не видела его просящим, это должно было разбить мое сердце, но я лишь молча смотрела, как его уводят; его последний взгляд еще долго мучил меня.

* * *

Затяжной дождь поливал кладбище, отчего казалось, будто вязы, росшие там, безутешно плачут от горя. Я в нерешии-

тельности стояла перед знакомыми металлическими воротами, не обращая внимания на прохладные ручейки, стекающие по моим волосам и ресницам; память о последнем визите сюда тяжелым грузом лежала на моем сердце.

Круг замкнулся. Открытия, которые я сделала для себя здесь, на этом месте, но в другое время, послужили причиной всех моих дальнейших злоключений. Обнаружив могилу отца, я очертя голову понеслась в «Арлингтон» в полной уверенности, что ничего не может быть страшнее предательства Адмирала, – и испытала там потрясение, застав своего мужа с любовницей. Воспоминания об удовлетворенном выражении, увиденном мной тогда на лице Дэвида, сжигали мне сердце.

И куда, к кому я убежала? Попала в руки карточного шулера. Подобно моему отцу, Шиа жил, спрятав правду о себе под маской игрока в покер и никогда не задумывался о том, по какую сторону закона он может оказаться в ту или иную минуту. У полицейских есть свидетель. А мне больше ничего не остается, кроме как попытаться забыть тот последний умоляющий взгляд Шиа.

Я яростно затрясла головой, пытаясь избавиться от преследующего меня видения; водяные брызги бриллиантовым дождем посыпались с моих волос. Если есть на свете что-то хуже предательства, так это напрасное ожидание в течение всей жизни, ожидание слов отца о том, что он любил меня, наивная вера в то, что, услышав эти слова, я воспряну духом.

Дождь был теплый, сильно пахло жимолостью и другими травами; зачарованная этими запахами, я вошла на территорию кладбища. Ворота слегка качнулись, когда я входила; петли, на которых они висели, не проржавели, до этого было еще далеко. Остановившись у трех молоденьких ив, я понюхала воздух, надеясь ощутить тонкий аромат фиалок, который приведет меня к последнему пристанищу Джесси Таггарта еще до того, как я вспомню, где оно находилось тогда, в будущем. Моя мать еще не родилась. Могила, которую я когда-то очищала от сорняков, еще не была вырыта.

Я шла между рядами мемориальных досок, отводя глаза от выбитых на них имен и дат, чувство одиночества, тоска по несбывшемуся разрывали мне сердце. Я искала свежую земляную насыпь и была очень удивлена, увидев, что, кроме представителя из похоронного бюро и полицейского, на кладбище никого не было. Из-за морозящего дождя даже цикады не распевали свои бесконечные песни. Очевидно, Джесси Таггарт не успел обзавестись друзьями в своей новой жизни.

Еще не видя могилы, я почувствовала запах свежевырытой земли. Посмотрев на плодородный краснозем, которым забросали простой деревянный ящик, я поняла, что теперь уже никого не будет интересоваться, чье тело покоится под немаркированной плитой. Чьи-то безразличные руки похоронят через много лет на этом месте какого-то незнакомца, но все равно эта могила навсегда останется последним при-

станищем моего отца. Пытаясь успокоить себя – там, в будущем – я, споря с очевидным, воображала, что это не мой отец лежит в могиле, подписанной его именем, и все еще лелеяла в себе хрупкую надежду, что однажды он вернется и станет таким отцом, о котором я всю жизнь мечтала. Но теперь я убедилась, что он ушел навсегда; вид места, где он обрел вечный покой, лишал меня всяких надежд.

Легкий ветерок потрепал мои волосы и – странное дело! – мне показалось, будто я вновь ощущаю присутствие отца. Я оглянулась, ожидая снова увидеть его образ, как это уже было однажды, но ничего не произошло лишь сырость серой тряпкой висела в воздухе. Тем не менее я почувствовала, что больше не одинока.

Я заметила в траве гладкий плоский камень. Я подняла его и немного подержала в руке, потом, опустившись на колени возле могилы отца, торжественно поместила его у края недавно насыпанного холмика. Какая-то часть меня хотела возненавидеть его, даже наказать его за то, что он снова покинул меня, но я понимала, что никогда не смогу этого сделать. Независимо от того, каким он был отцом, Адмирал не заслужил безымянной могилы.

Подобрав другой камень, я установила его рядом с первым, таким своеобразным способом отдавая дань памяти так сделала бы моя мама, только вместо камня были бы фиалки.

Этим она убеждала бы себя в том, что он действительно погиб. Она была сильной женщиной – никогда не жаловалась

на свое одиночество, никогда не перекладывала свою боль на других. В конце концов это и разрушило ее; она ничего больше не помнила – ни хорошего, ни плохого.

Потеря памяти была для нее тюрьмой, но тюрьмой спасительной; освобождение мог принести лишь недвусмысленный ответ на все мучительные вопросы, знание полной правды. А что дала бы матери эта правда? Одни страдания.

Я тоже сотворила для себя нечто вроде одиночной камеры. Я идеализировала Джесси Таггарта, считала его образцом, с которым сверяла все свои дальнейшие поступки. Я так и осталась той маленькой веснушчатой девочкой, которая сидела у окна и до бесконечности ждала, когда ее отец вернется домой. Убери из моей жизни это ожидание – и что бы в ней осталось? Я превратилась бы в ничто.

Бродя по кладбищу в поисках новых камней, я поняла, что характер мой необратимо изменился. Напряженные поиски отца не дали того благостного результата, на который я рассчитывала, но в какой-то момент своих злоключений я обрела веру в себя. Уже за одно это я должна быть благодарна отцу.

Раньше я думала, что без его любви жизнь моя рухнет, что без нее я просто не смогу быть самой собой, но теперь твердо знала, что тачасть жизни, которую я провела в ожидании, которую считала безвозвратно потерянной, – это тоже моя жизнь, это тоже мое богатство. Я научилась верить самой себе, а значит, научусь доверять и другим.

Я все приносила и приносила камни и, набрав их достаточно много, принялась выкладывать причудливое ожерелье вокруг его могилы. Устроив отцу это простое надгробие, я почувствовала себя внутренне чистой, легкой и свободной – впервые за столько лет ожидания и страданий.

Да, Адмирал был далеко не самым лучшим отцом, но я простила ему это, я поняла: он сделал для меня все, что мог. И даже если я никогда не узнаю, любил ли он меня, это уже не имеет значения: все равно до конца моих дней я буду любить его.

Поняв это, я почувствовала, как огромная тяжесть рухнула с моих плеч и блаженное чувство свободы легким теплым облачком опустилось на меня, согревая душу. Помечая могилу отца скромным узором из камней, я почувствовала себя достаточно сильной, чтобы навеки сохранить любовь.

Неспешно я положила на могилу последний камень и вспомнила эту же могилу, но безвестную, ничем не обозначенную – там, в будущем; тогда меня посетило видение моего отца. Могла ли я знать тогда, что буду присутствовать на похоронах отца в прошлом – и с нежностью сооружать на его могиле узор из камней?

Я простила его, и светлые слезы хлынули из моих глаз на свежеврытую землю; я захватила горстку этой земли, земли Арканзаса; струйки песка потекли у меня между пальцев. Отца уже не вернешь – мне и так невероятно повезло, что удалось хоть на мгновение увидеть его, – но можно, пока еще

не поздно, разобраться с другой частью моего прошлого.

Я имела в виду то, что произошло между мной и Шиа.

Он был профессиональным игроком, добывая этим средства к существованию. Род своих занятий он не сумел скрыть от меня. Правду эту я впервые увидела в его глазах в тот момент, когда из укрытия мы наблюдали за полицией. Никогда не забуду его пристальный, затравленный взгляд, когда ему показалось, что я могу выдать его.

«Маленькая девочка» тогда страшно испугалась этого взгляда, но другая часть меня – та, что все это время оставалась взрослой, – знала, что я для Шиа много больше, чем просто алиби, что этот человек не сможет причинить мне вреда.

Настала пора маленькой девочке подрасти.

Отряхнув сухие листья с юбки, я встала, чтобы идти, и в этот момент поняла, что там, в будущем, стоя возле этой могилы, я была подобна любимым фиалкам моей матери, которые настолько нежны, что не терпят даже прямых солнечных лучей. Теперь, встав во весь рост, я бросила печальный взгляд на могилу и подняла руку к виску, посылая последний привет Адмиралу.

– До свидания, папа. Я всегда буду любить тебя.

* * *

Несколько часов спустя я сидела в приемной полицейско-

го участка, сжимая между колен пакет с пожитками моего отца. Знакомая тень упала на пол передо мной, и я с удивлением подняла глаза.

– Вы доверяете мне, красавица?

Шиа склонился надо мной, его плечи, вся его поза выдавали большое напряжение. Исчезла непроницаемая маска профессионального картежника; его сощуренные глаза горели гневом.

– Я хочу попытаться выручить вас.

– Почему, черт побери, вы торчите здесь? – спросил он, пропустив мои слова мимо ушей. – Меня только что освободили, потому что один парень, шестерка Вилли, наделал в штаны и указал на Делателя Вдов как на убийцу Биггса. Дружки Вилли в полиции мигом сдали его. Крысы бегут с корабля...

Он свирепо посмотрел на меня, очевидно полагая, что я тоже принадлежу к этим самым крысам. В его голосе звучала неприкрытая боль. Она стальным обручем сдавила мне горло. Резко повернувшись, он шагнул к двери.

– Шиа, послушайте меня! – закричала я, бросившись к нему. – Вчера погиб мой отец, а накануне я подслушала ваш разговор с Вилли. Мой мир рухнул. Чувство было такое, будто все, кому я верила, на кого надеялась, предали меня. Я позже узнала, что Кэпс лгал, что вы приходили не затем, чтобы убить меня, но тогда при вас был пистолет...

Шиа спустился по ступенькам, будто и не слышал моих

слов. Наконец он проговорил куда-то в пространство:

– Я тогда сразу почувал, в чем дело. Я лез из кожи вон, стараясь найти вас, прежде чем это сделает Вилли. Он все спланировал четко: Кэпс должен был застрелить нас обоих, а потом ваше убийство повесили бы на меня... – Он остановился. – Вы собирались говорить с полицейскими?

Эти его слова восстановили перед моим мысленным взором сцену, когда он сквозь дверь моего жилища холодно рассматривал последствия только что разыгравшейся драмы.

– Вы знали моего отца – я поняла это по мелодии, которую вы всегда напевали. Это очень популярная мелодия, но она появится только через несколько лет. Единственный способ узнать ее – познакомиться с пришельцем из будущего, таким же, как я сама. Вы говорили, что слышали эту песню от одного игрока; этим игроком мог быть только Джесси Таггарт. Потом выяснилось, что мой отец работал на Вилли. Мне казалось вполне вероятным, что раз вы знакомы с Адмиралом, значит, оба могли быть агентами Делателя Вдов. Мне не хотелось верить, что вы приходили убить меня, но... почему вы скрыли, что были знакомы с отцом?

Шиа резко схватил меня за руку и потянул за собой в тень дерева; он внимательно следил за проезжавшим мимо автомобилем.

– Почему вы не сказали мне, что были знакомы с Джесси? – повторила я, стараясь выдернуть руку.

Он еще крепче удерживал меня.

– Мы должны удирать из города, красавица. За рулем этой машины – люди Вилли.

Я быстро повернула голову и успела заметить, как злополучная машина медленно исчезает за углом.

– И куда мы пойдём? – спросила я, чувствуя, как меня охватывает паника.

– Не знаю, но мы должны убираться отсюда, прежде чем эти парни узнают, что меня выпустили из тюрьмы.

Я сидела на нижней полке в нашем купе, мерно стучали колеса вагона.

– Как вы умудрились заполучить отдельное купе?

Шиа отдернул занавеску и стал смотреть на проплывающий за окном пейзаж. Удовлетворенный тем, что нам удалось благополучно выбраться из города, он глубоко вздохнул и позволил себе расслабиться. Наконец он повернулся ко мне и, усмехнувшись, ответил:

– У меня могущественные покровители. В свое время я оказывал кое-какие услуги парням с железной дороги...

– Никогда бы не подумала, – сказала я, покачав головой. Можно было представить, какого рода услуги это могли быть. – Что я действительно хочу знать, так это о том, как вы познакомились с моим отцом.

– Он постоянно бывал в Чиггер-клуб. Мы сравнивали однажды наши теории карточной игры и обнаружили, что у нас много общего. Я уже как-то говорил вам, что в городе есть

человек с волосами точь-в-точь вашего цвета...

Я вспомнила, как четыре дня была без сознания, а Ши сидел на краешке моей кровати и рассказывал мне разные истории. С тех пор я много раз спрашивала себя, о чем же он рассказывал тогда мне. Об удачливом карточном игроке с такими же волосами, как у меня? Или я все это придумала?

– Если бы я только знала, что вы знакомы с моим отцом, возможно, он был бы сейчас жив... – В отчаянии я уронила голову на руки.

– Мэгги. – Ши обнял меня и крепко прижал к груди. – Мне в голову не могло прийти, что Джесси Таггарт – ваш отец. Ведь ваша фамилия Вестшайр, и вы говорили мне, что ваш отец еще не родился, что он из будущего.

Я поняла, каким бредом душевнобольного должны были казаться все мои прежние высказывания о том, что мой отец жил здесь, в этом времени. Неудивительно, что Ши не верил мне. Сердце мое разрывалось от печали.

– Так вы верите мне или нет? – снова спросил он.

– Я очень хотела вам верить.

Он дотронулся до моего подбородка и слегка сжал его пальцами, так что я не могла повернуть голову и была вынуждена смотреть ему прямо в глаза.

– Вы все время сдерживаетесь, ведете себя со мной как с чужим. Я этого не хочу, мне этого недостаточно.

Он наклонился ко мне, его рука заскользила у меня под волосами, лаская мне кожу на затылке. Тепло его пальцев

буквально обожгло все мое тело, каждой своей клеточкой я устремилась к Шиа.

– Однажды вы доверили мне свое тело, красавица, – продолжал он, – но я хочу и ваше сердце.

– Оно ваше.

– Не лгите. Очень трудно одурачить того, кто постоянно – как я – играет в покер; я просто читаю все у вас на лице. Вы все время скрываете какую-то часть себя, бережете ее в надежде, что настанет время, когда не придется больше рисковать. Но уверяю вас, это время никогда не настанет. Жизнь – это сплошной риск.

Притянув меня к себе так близко, что я могла почувствовать биение его сердца, он прошептал срывающимся голосом:

– Позвольте мне быть вашим будущим, Мэгги.

– Сейчас не время говорить об этом, – возразила я. – Я только что похоронила своего отца.

– Тогда позвольте мне помочь вам забыться.

Он откинул мне волосы с шеи и легонько подул, охлаждая мою разгоряченную потную кожу. Все мое тело ныло, стгорая от страсти, но опасение, что я не смогу удовлетворить его, мешало отдаться этому желанию до конца.

– Подождите немного. – Я сунула руку в карман и достала предмет, который, как я надеялась, мог мне сейчас помочь.

– Что вы там достали?

Я раскрыла ладонь; там покоилась бутылочка, по форме

напоминающая колокольчик.

– О, нет! Опять эта мерзость для путешествия во времени?

Я отрицательно покачала головой.

– Это порошок Афродиты. Имеет смысл это попробовать, – добавила я быстро. – Я долгие годы приготавлила духи, возбуждающие сексуальные желания. Почему не может существовать некоторая комбинация, составленная из естественных компонентов, обладающая подобным действием? Китайцы столетиями использовали для этого ягоду олений рык, существует еще мускусное масло из...

Шиа вырвал бутылочку у меня и рук и швырнул ее через плечо.

– Ваш собственный запах вот единственный стимулятор, который мне действительно необходим, красавица. – Он повалил меня на полку и потерся носом о мое ухо.

– Но... но я вообще не употребляю духов.

– Именно это я и имел в виду. Ваш собственный запах – вот все, что мне нужно. Мне не хочется больше быть таким осторожным и терпеливым, каким я был до сих пор.

Его губы неумолимо приближались к моим, и дыхание мое в который раз отказалось мне повиноваться. Он долго возился с одной из моих кнопок, затем отказался от этого нудного занятия и принялся медленно стягивать с меня юбку. Потом так же медленно и сладострастно он стянул с меня трусики, и они белым голубем отправились вслед за порош-

ком Афродиты.

Начав ласкать меня медленно, нежно, тщательно обдумывая, казалось, каждое свое движение, он очень умело держал меня в плену, в муке все возрастающей страсти. Он покрывал мою шею поцелуями, и каждое прикосновение его губ сопровождалось стоном, самопроизвольно вырвавшимся из моего горла.

Цепи, сковывавшие доселе мое сердце, таяли, растворялись в океане страсти, освобождая меня из созданной мною самой тюрьмы; начало исчезать и пространство, до сих пор отделявшее нас друг от друга: я уже не могла бы сказать, где кончается он и где начинаюсь я. Вместе мы образовали единое целое, связь эта становилась все крепче, стирая в наших душах боль прошлого.

Все еще находясь в тисках страсти, я открыла глаза и посмотрела на Шию. Таким я его еще никогда не видела: его лицо было распахнутым настезь окном в его душу. И я поняла то, чего так долго не замечала раньше. Испытав последнюю судорогу сладострастия, я отдалась волшебной могущественной силе, потрясшей до основ мое естество и навсегда привязавшей меня к прошлому и человеку из прошлого тому, кто обещал только что стать моим будущим.

Шия дрожал, страстно сжимая меня в объятиях, его дыхание было неровным. Немного успокоившись, он, снова обретя дар речи, сказал:

– Вы прямо-таки скрутили меня всего, красавица. Я ду-

маю, мне понадобятся всего пять или шесть минут, чтобы начать все снова.

Я громко засмеялась, чувствуя мощные мускулы его живота, прижатого к моему. Наверное, лишь в раю можно испытать то, что я испытывала в эту минуту.

– Мне кажется, я должна остаться здесь. Навсегда, – сказала я. Сознание того, что мое путешествие наконец подходит к концу, наградило меня новой волной блаженства.

– Я тоже так думаю, – прошептал он, нежно прикусив мне ухо. – Я уже обещал, что куда бы мы ни отправились, мы отправимся туда только вместе.

И он поцеловал меня в шею.

Двумя часами позже, когда Шиа ненадолго покинул меня, чтобы разыскать что-нибудь съестное в нашем переполненном вагоне, мой взор неожиданно упал на пакет, который передали мне полицейские в участке. Я подняла крошечный сверток, в котором, наверное, были вещи моего отца и поковыряла пальцем упаковку, разрываясь между желанием немедленно открыть пакет и страхом, предупреждавшим – подожди. Я не хотела разрушить блаженство, наполнявшее меня после часов любви с Шиа, но не могла преодолеть соблазна узнать содержимое пакета.

Я тяжело вздохнула и вскрыла пакет.

Вверху красовалась надпись, извещавшая о том, что пакет адресуется мне. Почерк был ровный, уверенный, с нажимом

не совсем то, что я ожидала от Джесси Таггарта. Едва сдерживая слезы, я поняла, как мало в действительности я знаю о своем отце. Я даже не могу узнать его почерк.

Дорогая Маргарет!

Сегодня день твоего рождения. Я понимаю, что этот подарок немного опоздал, но так как я не смог поздравить тебя своим шестым днем рождения, как обещал, я надеюсь, ты примешь этот подарок взамен того.

Я посмотрела на дату. 15 августа 1926 года. Оглушенная всем тем, что произошло со мной за последнее время, я до сего момента не отдавала себе отчета в том, что отец погиб в мой день рождения.

Жадно хватая ртом воздух, я продолжила чтение; слова буквально прыгали у меня перед глазами.

Твоя мать была прекрасная женщина, из хорошей семьи. Когда я женился на ней, я надеялся, что она поможет мне покончить с моим прошлым и сделать из меня что-нибудь путное.

Но если что-то изменилось во мне, то только в худшую сторону. Я всегда знал, что недостойнее: чем усерднее я старался хоть как-то ей соответствовать, тем хуже это у меня получалось.

В ту ночь я проиграл все деньги, которые копил надом, и был-

настолько низок, что вместо того, чтобы направиться в Калифорнию, подцепил в Чиггер-клуба одного бродягу – такого же неудачника, как я, – и вместе с ним мы поехали к дамба, желая утопить наше горе в бутылке.

Нам не удалось сделать даже это. Мой автомобиль занесло на гравий, и мы оказались в озере. Я всю ночь проискал того парня, но так и не смог найти его.

** * **

Я почувствовала резь в глазах, пальцы сами собой комкали бумагу. Так вот чье тело было выброшено на берег и по ошибке захоронено под именем моего отца там, в будущем. Моя мать столько лет приносила фиалки совсем не тому человеку. С трудом подавляя слезы, я продолжила чтение.

Смерть того человека была последней каплей. За месяц до того моя сестра дала мне некий порошок, который, как она полагала, поможет мне преодолеть полосу несчастий. Многоразя хотел забросить эту гадость подальше, но что-то все время мешало мне сделать это. Так как я проиграл все, это стало добьей показало мне единственный выход. Я вдохнул порошок, желая оказаться и жить там, где счастье снова вернется ко мне. Полагаю, именно поэтому я оказался здесь.

Удача действительно вернулась ко мне, но я так и не смог забыть о тебе от моего дня рождения, на который я не приехал.

Каждый год, когда приближается эта дата, я не могу думать ни о чем, кроме этого, но теперь, я надеюсь, мне удастся снова увидеть тебя и попытаться загладить свою вину.

Так вот почему каждое лето накануне дня моего рождения мысли об отце буквально преследовали меня! Это было мучительное желание видеть меня, становившееся с годами все болезненнее, привело меня в Арканзас на поиски, казавшиеся бесплодными. Я вздохнула и стала читать дальше.

Я чувствовал себя ужасно, и мне так не хватало духа достойно перенести полосу неудач и вернуться к тебе и твоей матери.

Ты можешь себе представить, как я был потрясен, когда впервые увидел тебя на траусиных гонках. Рыжие волосы — в точности такие же, как мои. Что-то подсказывало мне, что это именно ты, и робкая догадка быстро превратилась в уверенность. Я понял, что все мои желания стех пор, как я оказался в прошлом, были направлены на то, чтобы ты последовала вслед за мной. После той ссоры в клубе я начал следить за тобой, чтобы удостовериться в том, что ты не пострадала тогда.

Тогда, в пятницу, я слышал, как ты назвала Вэлл свое имя — Мэгги Таггарт — и окончательно убедился в правоте своего предположения. После убийства Орвилла Биггса я следовал за тобой и Шиадоса самого озера. Я дважды проехал мимо восту-

даиобратно. Этобыло ужасно,— сноваисновавозвращать- сяине иметьвозможностиподойтик тебе. Казалось, этому кошмарунебудетконца; ноэтотраз янемогброситьтебяв беде.

Ядобралсядоозеракакразвтом момент, когдаавтомобильЯнгераслетелсдороги. Яподумал, чтолюдиВиллиубили- Янгера— итебя закомпаниюсним, дляверности. Мнеповезло, ясмогвытащитьавтомобильизводьнаберег. Ямогбы- утешиться, вообразяся, будтовытаскиваютогонесчастно- гопарня, нооблегченияненаступиловдуше— потомучтоте- перь ядумал, чтопотерялтебя.

Когдаследующимутромяувиделтебявроще, наверное, небылочеловекасчастливееменя; ноэтотмоментяещенебы- лготовпризнатьсятебе, кемсталтвойотец. Когдаприбыли копы, ярешил, чтотеперьтывбезопасности. Нояслишком- позднодогадался, чтокопывзаговоресВилли.

ЯпошелработатьнаДелателяВдовсединственнойце- лью— узнатьчто-нибудьотвоей судьбе.

Яхотелбывсерасказатьтебелично, ноэ тотслучай, ес- лимнеэтонеудастся, решил написатьписьмо. Янезнаю, уви- жулиятетбя когда-нибудьживой, ноеслиэтослучится, то знай, всвоейжизниасовершилмногоошибок, носамаяболь- шая— эта, чтоиз-заменятыоказаласьздесь.

Этосамоеужасноеизвсего, чтоясовершил всвоейжизни, нояобязательновернутетбя обратно. Янемогуспокойнона- блюдать, какие тыиспытываешьстрадания. Яоченьсильно

люблю тебя.

Счастливого дня рождения, Мэгги.

Дж. Т.

Я еще раз перечитала последнюю фразу. Он любил меня. Строки начали расплываться, превращаясь в мутные серые полосы. Прижимая письмо к щекам, к своему сердцу, я наконец позволила себе выплакаться – за все, что я потеряла и что приобрела. Но главным образом за то, что дал мне мой отец.

Внезапно я почувствовала слабый знакомый аромат. Ужас охватил меня, когда я вспомнила, при каких обстоятельствах уловила его впервые.

Голова у меня закружилась, я постаралась отодвинуться как можно дальше от бумажного листка, но аромат порошка уже пронизал все мое тело, увлекая меня в глубокий туннель. Паника поднималась во мне перспектива вернуться в свое время отчетливо встала передо мной. Нет, этого не должно случиться сейчас.

Темнота уже окутывала меня, а я думала о Шиа. Он не поверит, он не поймет; он решит, что я бросила его. Я пыталась освободиться от письма, чтобы Шиа смог догадаться о причинах моего исчезновения и последовать за мной. Последнее, что я запомнила, – это страшная судорога в пытающихся разжаться пальцах.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Едва очнувшись, я почувствовала легкую вибрацию от ударов колес о рельсы. Обеспокоенная, открыла глаза, но тут же зажмурила их из-за яркого света; боль пронзила голову.

Я уже сидела не в старомодном купе, а в удобном пассажирском кресле поезда девяностых годов. С надеждой посмотрела на соседнее кресло, надеясь увидеть там Шию. Но там сидела женщина в строгом деловом костюме, ее одежда была современна, как стекло, сталь и бетон возвышавшихся за окном небоскребов; их гладкие силуэты вращались крышами в коричнево-желтый туман.

Я поняла, что потеряла все, что желание моего отца отправить меня в мое время осуществилось. Порошок. Мне нужен порошок, чтобы добраться до Шию. Вспомнив о письме, я опустила взгляд и обнаружила, что продолжаю сжимать его в своей руке. Поднеся письмо к носу, я глубоко вдохнула, отчаянно желая вернуться к Шию.

Ничего не произошло. Слабый аромат, ранее исходивший от листков, улетучился. Придя в отчаяние, я невидящими глазами уставилась на бумагу, лихорадочно спрашивая себя, что мне делать дальше. Все, что составляло теперь смысл моего существования, осталось в прошлом. Однажды я обещаю Шию, что никогда не покину ему, не попрощавшись, но не выполнила обещания, и это письмо было единственным

объяснением моего исчезновения. Невыразимое горе придавило так, будто все беды мира обрушились на меня. Я хорошо знаю, каково бывает, когда любимый человек, коварно обманув, покидает тебя. Я также знаю, каково жить, вопрошая бесконечно и безответно, что же случилось и почему тебя оставили.

За последние две недели я смогла наконец поверить в себя, в свои силы это слишком серьезно для меня, чтобы так просто, без борьбы смириться с потерей Шиа. Это не может закончиться таким образом. Даже если мне не суждено жить с ним в его мире, я все равно буду пытаться вернуться в прошлое, чтобы объяснить Шиа, как это произошло.

Я посмотрела в окно на холодный, затянутый серой дымкой горизонт. Где-то там находилась моя лаборатория. Работать 24 часа в сутки и не важно, сколько потребуется этих суток, чтобы приготовить нужный состав. Уповая на везение, всегда сопутствовавшее Таггартам, и на свои способности, я собиралась найти ключ к прошлому и дорогу к Шиа.

Тремя неделями позже я сидела, ссутулившись, за рабочим столом в своей маленькой белой лаборатории. Я много работала, но нина дюйм не приблизилась к цели. Мои помощники думали, что я усиленно тружусь ночами, составляя духи для клиентов, чтобы ликвидировать долги, накопившиеся за время моего отсутствия. Они были крайне удивлены, когда узнали, что вместо этого я лихорадочно исследую магические свойства трав, которые управляют, согласно

древним источникам, астральными перемещениями и всевозможной, как они выражались, «мистической чепухой».

Но ни одно из старинных руководств, описывающих различные магические ритуалы с использованием трав, не содержало рецептов для перемещения во времени. Мерилом моего безрассудства и отчаяния может служить то обстоятельство, что я как за соломинку схватилась за составы с топинамбуром, которые, как утверждалось, использовались ведьмами, колдунами и прочей нечистью для воспарения... Я взболтала бутылочку с настоем этого дурмана. Проигнорировав предупреждающий знак на этикетке – два черных кошачьих глаза, – я откупорила склянку и понюхала. Сморщившись, я мгновенно отстранила от себя бутылочку. Это была неприятно пахнущая трава ничего общего с тем, что я искала. Я снова заткнула пробку и продегустировала склянки с черной беленой и мандрагорой, но увы, и это оказалось совсем не то. Но время от времени я возвращалась к топинамбуру; на моих полках стояло с полдюжины емкостей с этим снадобьем.

Со вздохом я открыла последний еще не проверенный пузырек. Я встряхнула насыпанные в мортиру семена ипомеи и взяла в руки пестик. Вспомнив, что именно эти цветы украшали «лабораторию» Мортианы, я невольно вздрогнула, но, совладав с собой, начала тщательно растирать семена.

Во время ритуальных обрядов погребения или вызывания духов жрецы ацтеков использовали семена, вызывающие

галлюцинации, добавляя их в смесь табака и золы сожженных ядовитых насекомых. Но какие именно семена делали будущую жертву более сговорчивой?.. Я поднесла к носу полученный порошок и вдохнула его запах. Какое-то очень глубинное воспоминание о девушке, распростертой перед алтарем, промелькнуло в моем сознании, затем исчезло; придя в себя, я резко отдернула колбу от носа.

Аромат не был похож на искомый. Вершиной безрассудства было то, что я искала аналогию между путешествием во времени и символикой смерти и воскрешения. Это было уже слишком!

Я упала духом и, расстроенная, уронила голову на руки. Кроме цветка тибетейки, я не нашла больше ни одного компонента из составляющих искомый порошок. Я уже испробовала все, что только было возможно, но ни на йоту не приблизилась к нужному составу, а значит, ни на шаг – к Шиа.

Послышался звонок в дверь. Дверь должна быть закрыта. Я выпрямилась, у меня почему-то перехватило дыхание.

– Кто там? – спросила я. Через прозрачную дверь погруженного во тьму магазина, я увидела силуэт переминавшегося с ноги на ногу мужчины. Я медленно потянулась к кнопке вызова полиции.

– Мэгги?

В мой кабинет вошел Дэвид. Если бы я не была так напугана, я бы узнала моего Дон Жуана и почти уже бывшего мужа по его любимому одеколону «Поло».

– Я же передавала через своего поверенного, что не желаю видеть вас. Неужели я должна поменять код на двери?

– Нам надо поговорить.

Его обычно безупречно постриженные волосы касались сзади воротника; для него это был верх небрежности. Такая прическа хорошо подходила бы Шиа, но Дэвида она определенно портила. Этот пижон скорее откажется от еды – даже от секса, – чем пропустит визит к парикмахеру или маникюрше. Возможно, Дэвид изменил свою прическу потому, что его новый визажист был потрясающим красавчиком с белокурыми, спускающимися ниже талии волосами.

– Слишком поздно нам разговаривать, – сказала я, отодвигая подальше бутылочки с необычной маркировкой, чтобы он не разглядел, чем я сейчас занимаюсь.

– Малышка, пожалуйста, я действительно страдаю. – Он выглядел настолько измученным, что я даже на мгновение задалась вопросом, не случился ли у его прапрабабушки Вестшайр еще один удар. Если удара у нее пока не было, то, скорее всего, он случится, когда старуха узнает, что я продала ее бесценное бриллиантовое кольцо всего за сотню баксов.

– Я подумал, что ты, может быть, голодна. – И он протянул мне пакет. В воздухе разлился приятный аромат. Это были еще теплые, прямо из духовки, облитые шоколадной глазурью булочки, – мои любимые; их я обычно покупала в магазинчике неподалеку.

– Горячих булочек явно недостаточно для того, чтобы я смогла простить вас. – Впрочем, бесполезно было разубеждать Дэвида в том, что из любой затруднительной ситуации можно выпутаться с помощью взятки; но если уж наша встреча произошла, надо, по крайней мере, попытаться извлечь из нее хоть некоторое удовольствие. Я расчистила место в конце прилавка.

– Присаживайтесь. В вашем распоряжении, – я заглянула в пакет и насчитала четыре булочки, – пятнадцать минут. – Я взяла булочку и протянула пакет Дэвиду, но он покачал головой. Должно быть, ему много хуже, чем я подумала вначале.

– Я словно побывал в аду, – начал он.

Я хотела парировать, что моя жизнь оказалась не слаще; к тому же с тех пор как я увидела его с девкой под душем, я потеряла двух мужчин, на фоне которых он выглядел весьма бледно... но мне не хотелось говорить об этом, это было бы слишком для него. Он не заслуживал такой кары. Вместо этого я откусила булочку.

– Я был у врача. – Он громко всхлипнул. – Я подцепил болезнь.

– Что? – я замерла, перестав жевать.

– Я обнаружил это около пяти недель назад вскоре после того, как вернулся домой без тебя.

Сердце мое ушло в пятки. А мне казалось, что на свете не было ничего, что могло бы расстроить его. Кроме, конечно,

чего-то совсем фатального.

– Эта болезнь венерическая?

Он внимательно изучал прилавок, будто ища на нем ответ на мои слова. Когда он наконец посмотрел на меня, в его голубых глазах читалось беспокойство. Я только однажды видела подобное выражение в его глазах это было тогда, в ванной. Наконец он ответил.

– Это половое расстройство. Но это не то, что ты думаешь. Доктор говорит, что у меня сексуальная неводержанность.

Он отвел взгляд.

– Ради Бога, Дэвид. Я думала, ты умираешь. И испугалась до полусмерти. О чем ты думал? Нет, можешь не отвечать. Тоже мне, проблема. Ты ни о ком, кроме себя, никогда не думаешь.

Он был поражен; на мгновение мне даже показалось, что он действительно изменился – хотя бы чуть-чуть. Дэвид поднял руки, тем самым давая понять, что сдается.

– Ты права. Я был ужасным эгоистом. Я не достоин тебя. Я всегда знал это.

Я доела булочку и, достав еще одну из пакета, протянула ему.

– Продолжай. Съешь булочку.

Он придвинулся и, принимая булочку, как бы случайно притронулся к моей руке. Его прикосновение показалось мне теперь настолько же холодным и неприятным, насколько теплыми и зовущими были прикосновения Ши.

Я села позади него и стала наблюдать, как он ест. Многое в нем навсегда останется неизменным. Его мизинец, как всегда, изогнувшись, оттопырился в сторону.

– Ну, расскажи мне о половой неводержанности, которую ты приобрел.

Он прочистил горло.

– Это настоящая болезнь. Что-то вроде алкоголизма. – Дэвид замаялся. – Я только об этом и думаю. Кажется, я никогда больше не испытаю удовлетворения.

Я вспомнила его голодные глаза после наших занятий любовью. Это преследовало меня со дня нашей свадьбы – до того, пока я не узнала Шию, пока всецело не отдалась ему. Я поняла тогда, что не стоит из-за этого беспокоиться. Все мои страхи остались в прошлом.

– Это излечимо?

Он кивнул:

– Но нужно постоянно бывать у врача. Быть может, даже лечь в больницу.

– Очень сожалею, что тебе придется пройти через это, Дэвид. Понимаю, как тяжело сознавать, что с тобой не все в порядке. Не знаю, что еще сказать, но это не сможет оправдать твою ложь. Я по-прежнему настаиваю на разводе.

– Нет, ты не понимаешь. Я действительно не ценил тебя, Мэгги, пока не потерял. У меня было много времени, чтобы все обдумать. Это был ад, – его голос стал хриплым.

Вдруг я поняла, почему он был так поражен моими сло-

вами. Он почувствовал, что теряет меня. Я, обыкновенная Мэгги Таггарт, значила для Дэвида больше, чем ему казалось вначале. Возможно, он и в правду изменился. Ведь были же у нас неповторимые минуты близости...

Но ни одна из них не сравнится с минутами, проведенными с Шиа.

– Ты уже начал лечение? – поинтересовалась я.

– Конечно, – ответил он протяжно, его правый глаз задержался.

Я присмотрелась к нему внимательнее. Мне никогда не удавалось определить по его лицу, когда именно он лжет. Предупреждение ведьмы эхом отозвалось в моем мозгу. *Двоемужчинобмануттебя...* Кэпс был первый. Он сказал мне, что Шиа приходил за тем, чтобы убить меня.

Теперь, кажется, я поняла, кто второй мужчина.

– Значит, ты уже начал лечение? – повторила я. – Скажи мне всю правду.

Он выглядел удивленным.

– Ну, фактически еще нет. Нет, не начал. Я могу преодолеть себя, словом, мне нужна твоя помощь. Именно поэтому я и пришел к тебе. Если бы ты согласилась вскоре... ну, снова увидеться со мной, я бы уже мог начать посещать врача.

Дэвид, сидя в Венецианской комнате гостиницы «Арлингтон», утверждал, что только слабый мужчина может винить свою жену в возникших у него проблемах.... Я забарабанила пальцами по прилавку.

– Позволь мне спросить тебя напрямую. Ведь ты уже почти пять недель знаешь о своей болезни, неужели ты ничего не предпринял за это время?

– Я был так огорчен из-за того, что произошло между нами, просто не мог думать ни о чем другом. Ты пропадала все это время, и у меня не было уверенности, что ты вернешься раньше, чем я успею оформить развод. Ты нужна мне, пожалуйста, не гони меня.

Дэвид вторгся в мой магазин, в мои владения, место, куда и прежде доступ ему был воспрещен, а теперь еще просит разрешения вернуться.

– Значит, будешь или не будешь ты лечиться, зависит от моего решения.

Он неопределенно пожал плечами:

– Что-то вроде этого.

Я искала его чувственные голубые глаза – те, из-за которых у меня когда-то перехватывало дыхание, которые были смыслом моей жизни. Теперь в их таинственных глубинах я прочитала ответ. Я наклонилась через прилавок.

– В чем ты нуждаешься, так это в том, чтобы властвовать над кем-то; но это ведь не излечит тебя от сексуальной неводержанности, не так ли?

Он вздрогнул.

– Я уже признал, что был не прав, но мне нужна твоя помощь.

– Я тебе нужна, чтобы было над кем властвовать, – повто-

рила я и по его глазам поняла, что мои слова достигли цели.

– Пожалуйста, Мэгги. Клянусь, отныне ты будешь для меня единственной женщиной, другой мне будет не нужно. – Он взял меня за руку.

Я демонстративно отстранилась.

– Не нужно? Я слишком хороша для тебя. И больше не смей ко мне притрагиваться. Вот дверь. Можешь закрыть ее с другой стороны.

– У тебя кто-то есть? Ведь так? – Казалось, он не хотел этому верить.

– Да, Дэвид. Есть.

Ему потребовалось какое-то время, чтобы прийти в себя, но потом он решительно направился к выходу. Дверь с шумом закрылась за ним. Я осталась одна. Одиночество особенно остро ощущалось в безлюдном торговом зале. Моя жизнь, мое будущее где они? Быть может, там, на полках, уставленных разноцветными склянками.

Меня окружали сотни две пузырьков с эфирными маслами; эти вещества основа любой парфюмерии. По запаху я могла определить, где изготовлялось то или иное масло – на Суматре или в Малайзии. Самое великолепное розовое масло готовят в Болгарии, а самое лучшее лимонное сорго растет в Гватемале. Но ни одно из этих благовоний ни на шаг не приблизит меня к Шиа.

Жизнь в одиночестве ужасна, но как можно было вернуться к Дэвиду после всего случившегося? Сравнить его и

Шиа – все равно, что уподобить синтетические ароматы натуральным. Насколько Шиа во всем подлиннен, настолько Дэвид во всем искусствен. Как мама всегда говорила о фиалках, неважно сколько они стоят, зачем использовать копию, когда есть возможность иметь подлинник.

Внезапно Шиа показался мне настолько реальным, настолько близким, что я буквально ощутила его присутствие. Уходя из лаборатории, я уловила едва заметное дуновение его мужского аромата, но выйдя за дверь, снова оказалась одна.

Сколько ни изоощрялась я в парфюмерном искусстве, я не становилась ближе к Шиа; мы были вместе только в моей памяти. Возможно, работа здесь сводит все мои усилия на нет, и мне стоит попытаться удачу, снова отправившись в Хот-Спрингс.

Господи, думала я, схватясь за голову, что нужно сделать, чтобы найти дорогу к Шиа?

Двумя днями позже я стояла у дверей Фармакологического музея в Хот-Спрингс.

Мои поиски вновь привели меня в Хот-Спрингс, к холмам графства Гарланд – туда, где все началось. И я молила Бога, чтобы здесь и закончились мои поиски Шиа.

Сделав глубокий вдох, я распахнула дверь и оказалась в прохладной темноте музейного зала. Здесь пахло стариной. Я уже немного забыла, как выглядит помещение, но пиявки, выставленные в витрине, сразу помогли мне все вспомнить.

Я взглянула на полки, висевшие под самым потолком по обеим сторонам комнаты, и на длинный стол, стоявший посередине. Со времени моего последнего визита здесь, кажется, ничего не изменилось: старинные фляги по-прежнему стояли на своих местах.

– Мисс Таггарт? Это вы? – Бу Макгрю вышел из служебной комнаты; морщинки вокруг его глаз разгладились, когда он увидел меня.

Я почувствовала удовольствие от того, что он снова назвал меня мисс Таггарт, хотя в душе я никогда не переставала ею оставаться. Он взял меня за руку.

– Я волновался, не случилось ли чего с вами, когда вы убежали отсюда в такую жару. Надеюсь, сейчас все в порядке? – Он внимательно посмотрел на меня; счастливец, его беспокоила только погода.

Я улыбнулась и кивнула.

– Потребуется какое-то время, чтобы привыкнуть к здешнему солнцу, но мне кажется, дела у меня идут неплохо, особенно для такого новичка, как я.

Я похлопала его по руке. Затем, заметив большой шрам от кастета, полученный им еще в бытность здесь Чиггер-клаба, я крепко пожалала его изуродованную руку и порывисто обняла старика. Бу неуклюже прижал меня к себе; задумчивая улыбка появилась на его лице, когда мы разжали объятия.

– У меня есть минеральная вода. Если немного подождете, я сейчас принесу вам.

Судя по его глазам, я поняла, что он хочет о чем-то еще поговорить, и скорее всего, о человеке, которого мы оба хорошо знали, – моем отце. Приглашение разделить его воспоминания было соблазнительно, но пока я не найду порошок, у меня нет для этого времени.

– Я не могу остаться, Бу. Мне необходимо отыскать бутылочку в форме колокольчика наподобие той, которую я разбила тогда.

Он нахмурил лоб:

– Не могу сказать с уверенностью, есть ли у меня еще такая, но можно поискать.

Старик Бу никогда не спрашивал меня, зачем мне нужна эта бутылочка, а просто проводил меня к полке, на которой мог оказаться нужный мне порошок, и мы вместе начали поиски. Мы просматривали ряд за рядом, переставляя старинные фляги с этикетками, надписанными от руки, и чем дольше мы трудились, тем желаннее – и недоступнее – становилась для меня моя цель.

Когда не осталось ни одной необследованной бутылочки, а поиски наши не увенчались успехом, Бу предложил посмотреть еще в складском помещении. Он похромал к задней комнате, включил свет и вошел, а я в нерешительности остановилась на пороге. Кружевная паутина по-прежнему была здесь единственным декоративным оформлением. Волнуясь, я вспомнила, как Шиа помогал мне обыскивать здесь пыльные полки тогда... в прошлом. Прижав меня к себе

настолько близко, что я могла чувствовать через юбку тепло его бедер, он тогда заставил меня сказать правду, без этого собака не будет охотиться, так, кажется, сказал он.

Я переступила порог комнаты.

Бу протянул мне сверху картонную коробку, а сам занялся другой. Я быстро обследовала коробку, но ничего не нашла, кроме покрытого пылью старого альбома для фотографий. Расстроенная, я уже стала закрывать коробку, как вдруг что-то привлекло мое внимание к груде старых открыток, газет и почтовых марок, лежавших сверху.

Я вытащила кучу старинных редкостей, уселась на табурет и сосредоточилась на черно-белых видах Хот-Спрингс; вдруг на одной из фотографий я узнала бани Фордайс, где Шиа помог худенькой больной девочке. Вспомнив, каким ласковым он был с нею, я прикусила губу, чтобы хоть как-то совладать с нахлынувшими на меня воспоминаниями.

Непрошенные слезы закапали на пожелтевшую рамку из газетной бумаги и намочили ее. Я машинально вытащила свой носовой платок, поняв, как много времени отделяет меня от прошлого. Быстрым движением я промокнула глаза и обратила внимание на фотографию в газете. Она была очень знакомой. Заголовок гласил: Чиггер-клуб сильно пострадал от пожара. Пять человек погибло. Новый владелец клянется восстановить клуб за короткий срок.

Мое сердце застучало сильнее, я проверила дату. 17 августа, 1926. Прошел один день после того, как я, вдох-

нув аромат порошка на письме отца, вернулась в свое время. С возрастающим страхом я пробежала статью глазами. *«Погибишеприпожарелюдибылиидентифицированыкак...»* я пропустила ряд имен, пока не увидела единственное, которое мне было знакомо. Слова прыгали у меня перед глазами. *«...СредипогибишихвХот-Спрингсопознан одинизместныхжителей. ШиЯнгер, возраст 34. Похороныбудутотложены...»*

Отбросив газету, словно это была горящая головешка, я вскочила; груда фотографий соскользнула на пол.

В глубине души я даже надеялась, что Шиа еще и сейчас мог быть жив в возрасте за девяносто, что он, может быть, живет недалекоотсюда, за ближайшим углом; теперь же эта мечта стала холодной, как та зола, в которую превратился Шиа. Теперь все было кончено.

Туман застилал мне глаза, я выбежала на улицу, спотыкаясь из-за яркого солнечного света, ударившего мне в глаза. Мне было все равно, куда идти, только бы подальше от того места, где я узнала, что Шиа умер. Ничего не видя перед собой, я шла по дороге. Троллейбус несся прямо на меня, и кто-то, сильно дернув меня за руку, оттянул в сторону. Отчаянно сигналив, троллейбус пронесся мимо, воздушная волна взметнула мои волосы, вызвав у меня оцепенение.

Придя в себя, я оглянулась.

– Шиа?!

Пронзительные зеленые глаза смотрели на меня из-под

полей старомодной, выдавшей виды шляпы.

– Я ведь обещал, что вернусь к вам. Вы по-прежнему не верите мне, красавица?

Он, сжав мои плечи, внимательно смотрел на меня какое-то время, будто вспоминая каждую черточку, потом прижал к себе так, что у меня перехватило дыхание.

– Я обещал быть вашим будущим – и проклял бы себя, если бы такая мелочь, как время, помешала бы добраться до вас.

– Я... я думала, что вы погибли в огне Чиггер-клаба! – вскрикнула я, прижимаясь к нему. Я почувствовала слабый аромат дыма на его одежде.

– Я бы непременно погиб, если бы не нашел порошок вашего отца. После того как Джесси начал работать на Вилли, он переехал в комнатку в клубе. К тому времени, когда я оказался в ловушке, я нашел бутылку с порошком, которую ваш отец спрятал под половицей.

– Значит, вы поверили мне.

– Я могу быть упрямым и тупоголовым, но я знаю, что вы не лгунья. Когда выяснилось, что Джесси Таггарт – ваш отец, я подумал, что он тоже должен был использовать порошок. Вы бы никогда не стали хорошим игроком в покер, Мэгги. Правда прямо-таки написана на вашем лице.

Я посмотрела в его смеющиеся глаза и с волнением подумала, что у него тот же недостаток, что и у меня, – на этот раз он не смог скрыть глубокие чувства, которые охватили его.

Из нагрудного кармана Шиа вынул тонкий шелковый носовой платок – тот самый, который однажды подверг осмеянию.

– Пока мы были в разлуке, этот ваш платочек был единственным звеном, которое нас соединяло. – Он улыбнулся и положил его обратно к себе в карман, выставив его кончик наружу, как заправский франт.

– Потанцуй со мной, Мэгги. – Он взял мою правую руку, а своей обнял мою талию. – Я проделал долгий путь для этого.

Я заколебалась, бросив взгляд на непрекращающийся поток автомобилей и туристов, заполнивших Центральную улицу. Поняла – жизнь с Шиа будет абсолютно непредсказуемой.

Я улыбнулась и положила руку ему на плечо, слегка погладив грубую ткань его куртки.

Прикосновение к этой грубой старой ткани вызвало в памяти внезапное ощущение того, что это когда-то уже было.

– Так это были вы тот, кто спас мне жизнь раньше! – вскрикнула я. – Здесь, на Центральной улице.

Он пожал плечами и улыбнулся:

– Старался добраться сюда как можно скорее, но проделал лишний крюк. Я всего лишь вытащил рыженькую Мэгги из-под колес идущего трамвая. Тогда вы не узнали меня, и я понял, что еще недостаточно переместился в нужное время – мы еще не встретились.

Он прижался ко мне и начал медленно раскачиваться под

старую мелодию Гершвина, которая была слышна сейчас только нам.

– Теперь, когда я здесь, я не буду делить вас ни с кем. Вам предстоит сделать из меня честного человека.

– Теперь все будет чудесно.

Шиа усмехнулся и еще крепче прижал меня, мы продолжали медленно танцевать под знакомую мелодию, а полдневный Хот-Спрингс веселой радугой блестел сквозь мои счастливые слезы. И над аптекой взвилась возродившаяся из пепла Чиггер-клаба птица Феникс, наблюдая двух влюбленных, благословенных счастливой звездой более шестидесяти лет тому назад.